

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

АКМЕОЛОГИЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
1(33) — 2010 Январь—Март МОСКВА
Выходит один раз в квартал.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР — ДЕРКАЧ АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Президент Международной академии акмеологических наук,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАО, доктор психологических наук, профессор

Редакционный совет

Бодалев Алексей Александрович
Председатель Редакционного совета, заслуженный деятель науки РФ, академик РАО, доктор психологических наук, профессор

Михайлов Геннадий Степанович
(зам. Председателя Редсовета)
доктор психологических наук, профессор

Абульханова Ксения Александровна
академик РАО, доктор философских наук, профессор

Климов Евгений Александрович
академик РАО, доктор психологических наук, профессор

Кузьмина Нина Васильевна
член-корреспондент РАО,
доктор психологических наук, профессор

Перельгина Елена Борисовна
академик МААН,
доктор психологических наук, профессор

Рубцов Виталий Владимирович
академик РАО,
доктор психологических наук, профессор

Сайко Эди Викторовна
доктор исторических наук, профессор

Сластенин Виталий Александрович
академик РАО,
доктор педагогических наук, профессор

Фельдштейн Давид Иосифович
академик РАО, доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия

Селезнева Елена Владимировна
(первый зам. главного редактора)
доктор психологических наук, профессор

Казаков Юрий Николаевич
(зам. главного редактора)
доктор медицинских наук, профессор

Асеев Владимир Георгиевич
доктор психологических наук, профессор

Гагарин Александр Валерьевич
доктор педагогических наук, профессор

Галицкая Лидия Анатольевна
кандидат философских наук, профессор

Москаленко Ольга Валентиновна
доктор психологических наук, профессор

Шаланкина Ольга Валентиновна
(ответственный секретарь)
кандидат психологических наук

Ответственный за выпуск номера
Шаланкина Ольга Валентиновна

Адрес редакции: 119606, Москва, проспект Вернадского, д. 84, РАГС, кафедра акмеологии и психологии профессиональной деятельности

Телефон-факс: (495) 436-94-15, **E-mail:** akmeo@list.ru, shalankina@ur.rags.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Регистрационный номер 012108

Издательство Международной Академии Акмеологических Наук 8(916) 1550090
Лицензия ЛР № 060280 от 04.06.1998 г.

Редакционный совет, редколлегия и редакция не располагают возможностями вести частную переписку, рецензировать и возвращать не заказанные им материалы.

ISSN 2072-7577

Индекс: 42119

© Научно-практический журнал «АКМЕОЛОГИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Г.И. Марасанов

«АКМЕ» КАК ПРОЦЕСС: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ В РУСЛЕ ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С.Л. РУБИНШТЕЙНА И ИДЕЙ К.А. АБУЛЬХАНОВОЙ-СЛАВСКОЙ 10

В статье предприняты попытки интерпретировать понятие «акме» в русле философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна и идей К.А. Абульхановой-Славской. Интерпретация «акме» как достижений жизни дополняется идеей «акме» как пикового уровня жизнедеятельности субъекта. Предложена типология жизни субъекта деятельности, которая строится на двух основах: активность и направленность. Выявлено методологическое «родство» между философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна и акмеологического подхода к исследованию человека. Продемонстрирована возможность использования расширенного понимания «акме» в практике психолого-акмеологического консультирования

Е.В. Селезнева, Т.А. Майборода

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 20

Рассматривается понятие «акмеологическое развитие». С философских и психолого-акмеологических позиций анализируется содержание феномена акмеологического развития.

Ю.В. Сиягин, О.Ю. Переверзина, Ю.А. Яковлева, А.В. Полякова

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ 27

Статья посвящена исследованию детерминант формирования жизненных стратегий личности, в частности в образовании и карьере. Авторами проведен анализ научной проблемы определения жизненных стратегий личности, их типологизации, в т.ч. применительно к различным социальным и профессиональным группам, рассмотрены методы и методики исследования жизненных стратегий личности. Особое внимание уделено возможностям биографического метода для изучения жизненных стратегий личности, а также использованию акме-событийного подхода, нацеленных на исследование уникальной целостной личности как субъекта жизни.

О.Г. Квасова

К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ 35

Дается уточнение определения временной перспективы как темпорального единства модусов прошлого, настоящего и будущего в истории жизни личности с точки зрения концепции темпоральной работы личности (Магомед-Эминов М.Ш, 1998, 2008) по конструированию временной формы и анализ состояния проблемы под влиянием постнеклассической парадигмы.

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

G.I. Marasanov

«ACME» AS A PROCESS: INTERPRETATION OF THE NOTION IN THE MAINSTREAM OF PHILOSOPHICAL- PSYCHOLOGICAL CONCEPT OF S.L. RUBINSTEIN AND IDEAS K.A. ABULKHANOVA-SLAVSKA 10
 Here has been an attempt undertaken to interpret «acme» alongside of philosophical-psychological conception of S.L. Rubinstein and ideas of K.A. Abulchanova-Slavska. The interpretation of «acme» as ones life achievement and / or prime of ones life is supplemented by the idea of «acme» as of peak level of subject's life activity. Suggested is the typology of subject's life activity' built on two foundations: activity and direction. There was revealed a methodological «kinship» between «polyfoundationalism» of philosophical-psychological conception of S.L. Rubinstein and «polycategorism» of acmeological approach to research the human being. Here has been demonstrated the possibility of using the broadened understanding of «acme» in the praxis of psychological-acmeological consulting.

E.V. Selezneva, T.A. Mayboroda

ESSENTIAL CHARACTERISTICS AKMEOLOGY DEVELOPMENT 20
 We consider the concept of «acmeological development». From the philosophical and psychological and acmeological positions analyzed the content of the phenomenon acmeologic development.

Yu.V. Sinyagin, O.Yu. Pereverzina, Yu.A. Yakovleva, A.V. Polyakova

THE MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF LIFE STRATEGIES OF INDIVIDUAL..... 27
 Article is devoted to research of determinant the person's formation of vital strategy, in particular education and career. Authors determined the state-of-the-art review of a scientific problem the definition of person's vital strategy, their typology, including with reference to several of social and professional groups, methods and techniques of research of person's vital strategy are considered. The special attention is given to possibilities of biographic method for studying of person's vital strategy and using of acme - event's approach, aimed to research of the unique complete person as subject of a life also.

O.G. Kvasova

ACTUAL PROBLEMS OF TIME PERSPECTIVE IN MODERN PSYCHOLOGY..... 35
 The article gives the new definition of the concept of time perspective in the view of postmodern and postnonclassic paradigms in psychology. It shows the temporal unity of the past, present and future in life story of personality in the context of conception of temporal work (Magomed-Eminov M., 1998, 2008) directed towards construction of temporal form .

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

И.А. Геронимус

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ПЛАНИРОВАНИЯ КАРЬЕРЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТИ, КАК СУБЪЕКТА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ..... 40

В статье предложен оригинальный подход к проблеме планирования профессионального развития. Представлена модель построения личностью временной перспективы в области профессионального развития, основанная на теории жизненной перспективы К.А. Абульхановой.

И.В. Бабакова

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР 44

Статья посвящена анализу специфики профессиональной деятельности специалистов современных информационно-аналитических служб и соответствующей ей структуры необходимых для эффективности этой деятельности компетентностных психологических и акмеологических качеств.

И.В. Бабичев

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ..... 48

Статья посвящена проблеме отбора и развития профессионализма оперативных сотрудников правоохранительных органов. В ней обозначены проблемы кадровой работы в правоохранительной системе и предлагается использование акмеологических подходов к их решению.

А.А. Клевцов

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ..... 51

Данная работа посвящена изучению проблемы взаимосвязи стилевых характеристик деятельности, таких как когнитивных стилей, и особенностей самореализации личности. Исследуются группы людей с различными когнитивными стилями во взаимосвязи с рядом личностных характеристик, отражающих особенности самореализации. Даны характеристики особенностей самореализации людей, имеющих разные когнитивные стили.

КАДРЫ УПРАВЛЕНИЯ

Н.В. Гришаева

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАДРОВ УПРАВЛЕНИЯ 56

Рассматривается взаимосвязь между значимостью ценностной ориентации на ответственность и особенностями проявления ответственного поведения у кадров управления.

PROFESSIONAL FORMATION OF INDIVIDUAL

I.A. Geronimus

APPROACH TO CAREER PLANNING IN CONNECTION WITH A PERSON AS AN ACTOR IN HIS LIFE 40
 In this article original approach to career planning is presented. Author describes model of construction career project, based on K. A. Abulhanova’s theory of life perspective

I.V. Babakova

FEATURES OF PROFESSIONAL WORK AND COMPETENCE OF EXPERTS OF INFORMATION-ANALYTICAL STRUCTURES 44
 Article analyzes the specific professional work of experts of modern information-analytical services and the corresponding structures necessary for efficiency of this activity competent psychological and akmeological qualities.

I.V. Babichev

PRESSING QUESTION OF PROFESSIONALISM OF OPERATIVE EMPLOYEES 48
 Article is devoted a problem of selection and development of professionalism of operative law enforcement officers. In it problems of personnel work in law-enforcement system are designated and use akmeology approaches to their decision is offered.

A.A. Klevtsov

RESEARCH INTERRELATIONSHIP OF COGNITIVE STYLES AND FEATURES OF SELF-REALIZATION OF THE PERSONALITY 51
 This work is dedicated to the study of the problem of stylistic characteristics of activity, such as cognitive styles, and features of self-realization of a personality. We investigated groups of people with different cognitive styles in interrelationship with a number of personal features, reflecting features of self-realization. We propounded the descriptions of self-realization features of people with different cognitive styles.

PERSONNEL MANAGEMENT

N.V. Grishaeva

VALUE DETERMINANTS OF LIABILITY MANAGEMENT TRAINING 56
 We consider the relationship between the importance of value orientation on the responsibility and specific manifestations of responsible behavior of personnel management.

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

А.В. Коноваленко

МОТИВАЦИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 59

В статье представлено, что важным резервом повышения эффективности учебно-образовательной деятельности является обращение к мотивационной сфере личности обучающихся. Рассмотрена разработанная автором акмеологическая программа развития мотивации будущих специалистов на начальном этапе профессионального образования.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

П.Ю. Рассудов

МЕТОДЫ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЕНЕДЖЕРА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 65

На основании проведенных исследований разработана система оценки информационно-аналитической компетенции менеджера избирательной кампании на примере применения менеджерами метода мониторинга активности избирательной кампании, как наиболее комплексного метода сбора и обработки информации.

А.Г. Кумохин

АКМЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В КРИТИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА..... 71

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества. Рассмотрены основные категории проблемы исследования, определены детерминанты личностно-профессионального развития, содержание и структура акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества. Также разработаны научно-практические рекомендации по внедрению акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества.

И.В. Успенский

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ..... 75

Рассмотрены и обобщены материалы психолого-акмеологических исследований психологической готовности кадров управления к деятельности в экстремальных условиях. Они свидетельствуют, о том, что успешность деятельности кадров управления в экстремальных ситуациях зависит, в первую очередь, от интеллектуальных качеств, высокой работоспособности, воли, умения принимать точные и своевременные решения, умения предвидеть, «просчитывать» ситуацию и ее последствия. Подчеркивается, что при формировании психологической готовности руководителей к деятельности в экстремальных условиях следует осуществлять в контексте повышения профессионализма управленческих кадров.

EDUCATION AND FORMATION

A.V. Konovalenko

MOTIVATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES IN THE BEGINNING OF VOCATIONAL EDUCATION 59

This paper shows that an important reserve for increasing the effectiveness of teaching and educational activities is to address the motivational sphere of individual students. Considered developed by the author acmeologic development program motivate future professionals at an early stage of professional education.

OPTIMIZATION OF PROFESSIONAL FORMATION OF INDIVIDUAL

P.Yu. Rassudov

METHODS ACMEOLOGICAL EVALUATION RESEARCH COMPETENCE MANAGER ELECTION CAMPAIGN..... 65

Based on the research developed a system of assessment of information-analytical competence of the manager of the election campaign as an example of managers of the method for monitoring activity of the election campaign as the most comprehensive method of collecting and processing information

A.G. Kumokhin

ACMEOLOGICAL SUPPORT SPECIALISTS IN CRITICAL PERIODS OF DEVELOPMENT OF THE COMPANY 71

The article describes the results of empirical research acmeological support specialists in critical periods of development of society. The main categories of problems the study identified determinants of personal and professional development, content and structure acmeological support specialists in the critical periods of development of society. Well developed scientific and practical recommendations for implementation acmeological maintenance professionals in critical periods of development of society.

I.V. Uspenskiy

FORMATION OF THE MANAGER'S PSYCHOLOGICAL READINESS FOR ACTIVITY IN EXTREME CONDITIONS 75

Materials of psychological-akmeological researches of psychological readiness of the management for activity in extreme conditions are considered and generalized. They scientifically prove that the success of the management's activity in extreme situations first of all depends on intellectual qualities, high working capacity, willpower, ability to make exact and timely decisions, abilities to expect, «count» a situation and its consequences. Emphasizes that formation of the manager's psychological readiness for activity in extreme conditions should be carried out in a context of professionalism increase.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

И.Г. Малкина-Пых

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ВТОРИЧНОГО ТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ ПСИХОЛОГОВ 79

Целью исследования было изучение взаимосвязи синдромов профессионального выгорания и вторичной травматизации у психологов, работающих в учреждениях ФСИН, а также связи данных синдромов с индивидуально-психологическими характеристиками. Полученные результаты позволяют заключить, что наличие вторичной травматизации может быть значимым фактором, существенно повышающим риск профессионального выгорания; расширяют представления о синдроме профессионального выгорания, особенно у психологов, работающих с жертвами экстремальных и кризисных ситуаций, и могут быть эффективно использованы при разработке программ по его предупреждению и коррекции.

МОЛОДЫЕ ИМЕНА

А.М. Абдурагимов

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СУБЪЕКТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРОЦЕССА ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ..... 89

Рассматриваются проблемы субъектной регуляции личностно-профессионального развития будущих юристов. Анализируются различные подходы к исследованию субъектной регуляции. Разработана акмеологическая модель субъектной регуляции личностно-профессионального развития будущих юристов.

Л.Ю. Баталова

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ..... 94

На основе результатов эмпирического исследования показана взаимосвязь между уровнем самоактуализации, значимостью жизненных сфер и направленностью на жизненные цели инженерно-технических работников.

М.В. Ченгаев

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТНОСТИ КАК ЛИЧНОСТНОГО КАЧЕСТВА БУДУЩИХ ЮРИСТОВ 97

Рассматривается субъектность как личностное качество будущих юристов. Дано определение данного понятия, выявлены функции, компоненты, критерии и показатели развития субъектности будущих юристов, описаны уровни ее развития.

НАШИ АВТОРЫ 102

A SPECIFIC OPINION

I.G. Malkina-Pykh

**WORK BURNOUT AND SECONDARY TRAUMATIC STRESS
WITHIN THE PERSONALITY OF PSYCHOLOGISTS 79**

The aim of the current study was the investigation of the association between the syndromes of work burnout and secondary traumatic stress among psychologists of *Federal Agency of Execution of Punishments* (FAEP) as well as the association between the given syndromes and such personal traits as locus of control, world assumptions and years of working. The findings of the current study demonstrate that secondary traumatic stress is strongly associated with work burnout and could increase it, especially in such symptom as depersonalization, extend the notions of the work burnout syndrome and could be used for the development of the prevention and correction programs.

YOUNG NAMES IN THE SCIENCE

A.M. Abduragimov

**THEORETICAL MODEL SUBJECTIVE REGULATION OF PERSONALITY-
PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF FUTURE LAWYERS 89**

The problems of subject of regulation of personal and professional development of future lawyers. Different approaches to the study of subject of regulation. A model of subjective acmeologic regulation of personal and professional development of future lawyers.

L.Yu. Batalova

**AKMEOLOGY FEATURES SELF-ACTUALIZATION
IN THEIR PROFESSIONAL ACTIVITIES ENGINEERING STAFF 94**

Based on the results of empirical research shows the relationship between the level of self-actualization, significance of life and spheres of focus on the vital objectives of engineering and technical workers.

M.V. Chengaev

**ESSENTIAL CHARACTERISTICS SUBJECTIVITY
AS A PERSONAL AS FUTURE LAWYERS 97**

Consider subjectivity as a personal quality of future lawyers. The definition of this concept, identified functions, components, criteria and indicators of subjectivity future lawyers, described the levels of development.

OUR AUTHORS.....104

Г.И. Марасанов

**«АКМЕ» КАК ПРОЦЕСС:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ В РУСЛЕ
ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
С.Л. РУБИНШТЕЙНА И ИДЕЙ К.А. АБУЛЬХАНОВОЙ-СЛАВСКОЙ**

Акмеологических идей, так сказать, в чистом виде, ни у С.Л. Рубинштейна, ни у К.А. Абульхановой-Славской нам найти не удалось. Сложилось впечатление, что таких идей у них просто нет. Но представления С.Л. Рубинштейна о жизненном пути личности и размышления К.А. Абульхановой-Славской о деятельности и личности, ее анализ процесса жизнедеятельности субъекта как стратегии, открывают возможности для вольных интерпретаций их мыслей и для превращения этих интерпретаций в идеи акмеологического характера, обладающие определенным теоретическим и психотехническим потенциалом.

Для того, чтобы представить сложившуюся у нас последовательность логических построений, начало которых располагается в пространстве текстов С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой-Славской, а выводы — в области акмеологической науки, мы вкратце воспроизведем базовые представления об «акме», на которые опирается современная акмеология.

Действующие представления о предмете акмеологии и о сущности акме

А.А. Деркач пишет: «Понятие “акме”, сформулированное и П.А. Флоренским, и Н.И. Рыбниковым и наиболее содержательно определенное Б.Г. Ананьевым, было связано с жизненным путем личности, с ее жизненными вершинами» [12, с. 120]. Последующее развитие этого понятия, как видно из экскурса в историю его становления, совершенного автором приведенной цитаты, было связано только лишь со второй версией изначального понимания «акме», то есть понимания «акме» как жизненной вершины, как «пики карьеры», профессионализма, компетентности [12, с. 120]. В таком контексте разрабатывает это понятие Б.Г. Ананьев, а позже и А.А. Бодалев.

Предмет акмеологии, пишет А.А. Деркач, «это изменение реального объекта (оригинала) от наличного “стартового” состояния к идеальному, “финишному”.... Предметом данной науки является сам момент и способ изменения» [12, с. 127]. Для А.А. Деркача здесь важен акцент на динамической составляющей предмета науки. Нам же интересно зафиксировать то, что для исследователя является очевидным и бесспорным, а именно: акме, это «финишное» состояние, это некое будущее, конечное состояние объекта. Именно состояние, а не что-либо иное. Примером такого состояния может быть уровень профессионализма, мастерства, навыка, самосознания, компетентности, продуктивности [13, с. 33]. То есть здесь акме понимается как некий «пик», предел, вершина.

Обсуждая разные типы концептуальных отражений акме [12, с. 89], А.А. Деркач обобщает наиболее существенные взгляды, представления, теоретические конструкты и эмпирические исследования, сформулированные и выполненные за последние десятилетия. Автор показывает область эффективного применения модели одновершинного и многовершинного акме, комментирует особенности интенционально-динамической модели, метко вычленила методологические ресурсы каждого подхода. Но здесь также, по умолчанию акме понимается как некая вершина достижений, как экстремальное состояние человека.

Заметим, что понимание «акме» только как жизненного «пики», порождает, по справедливому замечанию А.А. Деркача, важную теоретическую проблему переживания субъектом деятельности самого момента достижения им вершины. А.А. Бодалев предлагает свою версию

интерпретации проживания человеком периода входа в акме, существования в «пике» и выхода из него [9]. Теоретическая конструкция А.А. Бодалева строится на основе соотношений субъективной значимости достигнутой вершины и оставшегося не реализованным потенциала личности. Выводы автора более чем оптимистичны: личностный потенциал неисчерпаем, поэтому человек способен начать новое саморазвивающее движение после некоторого спада, обозначающего пройденную высоту. Остаются вопросы, касающиеся сущностных характеристик потенциала личности. Вероятно, сюда должны быть отнесены такие категории, как смысл, мотив, цель, навык, компетентность, опыт, и проч.

По нашим данным человек, достигший личностно значимых результатов крайне высокой для него степени значимости, к которым он долго и трудно продвигался, преодолевая препятствия самого разного плана, переживает свой успех не всегда легко и просто, не всегда позитивно и не всегда оптимистично [16]. Человек настолько привыкает к многолетнему укладу своей жизни, нацеленному *на движение* к результату, что момент *достижения* желаемого будущего, момент *превращения будущего в настоящее* приводит субъекта достижения в растерянность, порождает пессимизм как ощущение потери смысла. Эти переживания часто носят противоречивый характер и нередки случаи, когда человек обращается за психологической помощью именно в моменты таких переживаний. Обобщение целого ряда консультативных случаев подобного рода позволило нам предложить для данной категории проблем использовать понятие «постакмеального кризиса личности». Способы преодоления этого кризиса обсуждались ранее [16].

Таким образом, представление об акме как о вершине достижений порождает трудности не только методологического, но и практического, консультативного, психотехнического характера.

«Акме» как способ и процесс жизнедеятельности

Ограничения в сложившихся представлениях о том, что такое акме, обнаруживаются, если сопоставлять их с размышлениями, идеями С.Л. Рубинштейна, содержащимися в текстах его произведений. Особенное значение для прояснения сущностных особенностей переживания человеком состояния «акме» мы нашли в ранних текстах С.Л. Рубинштейна, фрагменты из которых увидели свет благодаря К.А. Абульхановой-Славской. Ее комментарии к произведениям молодого С.Л. Рубинштейна оказались ключевыми ориентирами в понимании и осмыслении логики автора.

Внимательное изучение текстов С.Л. Рубинштейна и теоретических исследований К.А. Абульхановой-Славской позволяет предложить расширение понятия «акме» от понимания его как «пика» и уровня достижений/состояний, до представления об акме как о высоком, предельно высоком уровне проживания жизни. То есть под акме может пониматься не только уровень состояния субъекта, но и уровень процесса жизни, в который данный субъект включил себя сам (или его вовлекли обстоятельства). При этом, мы, вслед за С.Л. Рубинштейном и К.А. Абульхановой-Славской, имеем в виду, что человек не только и не столько оказывается в страдательном залоге по отношению к сложившемуся у него способу проживания жизни, но и в залоге действительном. То есть, человек либо сам конструирует свою жизнь, либо приспосабливается к уже складывающейся у него жизни. Выбор здесь далеко не всегда осознается субъектом жизнедеятельности.

Опираясь на понятие «способ осуществления», используемое С.Л. Рубинштейном, К.А. Абульханова-Славская рассматривает индивида как субъекта особого рода, специфика которого состоит «в реализации своей общественной сущности». Больше того, К.А. Абульханова-Славская, вовлекает в контекст своего анализа понятие «субъекта жизни», также почерпнутое в трудах С.Л. Рубинштейна. [3, с. 33]. То есть акмеальный способ проживания жизни может быть представлен как такой образ жизнедеятельности, при котором человек становится его субъектом.

В таком контексте, пререпразируя А.А. Деркача, предметом акмеологии можно будет считать изучение процесса изменения реального способа проживания жизни субъектом от

наличного «стартового» способа к желаемому, к конструируемому в соответствии с выработанной и принятой субъектом стратегии изменения своей жизни.

К.А. Абульханова-Славская пишет: «...С.Л. Рубинштейн выступает против обособления субъекта от его деятельности... если субъект лишь проявляется в своих деяниях, а не ими также сам создается, то этим предполагается, что субъект есть нечто готовое, данное до и вне своих деяний, значит, независимо от них...» [3, с. 59]. Если это соображение воспринимать сквозь призму акмеологического подхода, то напрашивается предположение, что субъекта акмеологического развития и процесс его продвижения в акме следует анализировать в их единстве.

С.Л. Рубинштейн резюмирует свои размышления о взаимовлиянии субъекта и деятельности следующим образом: «...деятельность человека ... – она “переход субъекта в объект”. ... Но за сомкнувшейся таким образом связью, идущей от субъекта к объекту, в деятельности человека сейчас же раскрывается другая фундаментальная зависимость, идущая от объекта к субъекту... В объективировании, в процессе перехода в объект, формируется сам субъект» [18, с. 25].

Если «переводить» эту идею С.Л. Рубинштейна на язык акмеологии, то можно сказать, что, следуя логике автора, субъект, жизнедеятельность которого направлена по возрастанию в акме, в процессе перехода в акме преобразуется, меняется личностно, мотивационно, по направленности своих смысложизненных ориентаций, межличностных и прочих социальных отношений и установок на жизнь, на общение, на деятельность.

В своих последующих работах К.А. Абульханова-Славская пишет: «Способность личности регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное ее целям, ценностям, есть высший уровень и подлинное оптимальное качество субъекта жизни. ... Одни люди зависят от хода жизненных событий, едва успевая за ними, другие – предвидят, организуют, направляют их. ... Типы активности человека – это характерные для него способы соединения личностью внешних и внутренних тенденций жизни, превращения их в движущие силы своей жизни» [5, с. 40–41].

Итак, акмеологические версии восприятия идей С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой-Славской, которые можно выстроить, опираясь на анализ их работ, целиком и полностью оказываются связанными с темами взаимовлияния и «взаимосоздания»:

- субъекта деятельности как личности и иерархии деятельностей, развертываемых субъектом в процессе жизни,
- человека, созидającego своей деятельностью не только себя, но и свое субъективное бытие.

Отсюда вполне правомерным будет предложение рассматривать понятие «акме» не только как «пик» достижений человека, проявляющихся в его уровне профессионализма, карьеры, компетентности, мастерства, овладения навыком, но и как выход на наиболее высокий уровень жизнедеятельности. Думается, что «акме» как вершина достижений и «акме» как вершинный способ и образ проживания человеком своей жизни обладают потенциалом взаимодополнения. Во всяком случае, второе, «процессуальное акме» позволяет исключить или по-новому представить проблему «постакмеального кризиса» личности. Такое понимание акме позволяет уйти от проблемы «спуска с вершины». На вершине невозможно находиться вечно. К ней сначала продвигаешься, а потом, приходится ее покидать. Образ жизни покинуть сложнее. Это, скорее всего, связано с ее окончанием.

Акмеологический подход к типологии жизнедеятельностей субъекта

То, что человек должен и может быть ответственным не только за свою деятельность, но за всю свою жизнь во всех ее проявлениях, во всей ее полноте, было для С.Л. Рубинштейна, и является для К.А. Абульхановой-Славской, как сейчас очевидно, непреложной истиной. Вероятно, поэтому она специально обращает внимание читателя на то, что «...С.Л. Рубинштейн не случайно называет свою книгу “Бытие и сознание”, а не “деятельность и сознание”» [3, с.60].

«В работе “Человек и мир”, — отмечает К.А. Абульханова-Славская, — С.Л. Рубинштейн делает попытку наметить типологию личности через разный способ соотношения человека с жизнью, через разную меру превращения его в субъекта. ... Вопрос переносится из сферы анализа структуры деятельности — ее целей, операций и действий — в сферу обсуждения вопроса о позиции личности в жизни — более активной, деятельной или более страдательной, зависимой, пассивной...» [3, с. 100]. «С.Л. Рубинштейн исследует в бытии иерархию разных “способов существования”... он подводит к пониманию того, что сама психическая деятельность как форма активности должна быть подчинена специфическим закономерностям “способа существования”, лежащего в ее основе» [3, с. 60].

В одной из своих работ К.А. Абульханова-Славская пишет: «Рассматривая субъекта как центр перестройки бытия, Рубинштейн так раскрывает его роль в бытии: субъект своим познанием и действием конструирует бытие» [4, с. 15]. То есть не бытие определяет сознание, а, повторимся, *субъект* своим познанием *конструирует бытие*.

К.А. Абульханова-Славская развертывает целую палитру компетенций личности, необходимых для организации своей жизни в направлении движения, как это мы сейчас видим, в акмеальную социальную активность: «Построение и организация личной жизни — выбор профессии, спутника жизни, завязывание значимых отношений, событий и дел есть проявление, итог и одновременно предпосылка дальнейшей активности личности, есть ее объективное выражение. <...> способности, <...> являющиеся коренными проявлениями активности личности <...> это — умение мобилизовать свои возможности, <...> умение вырабатывать <...> реалистическое понимание хода жизни, <...> соотнести его со своими возможностями; это — умение не только приспособиться к окружению, но найти или изменить место в жизни, начиная от выбора профессиональной деятельности, включая свою общественную роль [*мы бы сказали: социальную роль — Г.М.*], кончая последовательным отстаиванием своей жизненной позиции, линии вопреки трудностям, случайностям и т.д.» [3, с. 42].

В начале 90-х годов XX века К.А. Абульханова-Славская напишет уже совершенно недвусмысленно: «В недавние года в общественном сознании господствовала установка, у соответствии с которой личная жизнь каждого была под контролем: предписывалось, кого любить, с кем дружить. Общество узурпировало право суда над личной, семейной жизнью человека. <...> Внешний контроль <...> подтачивал <...> чувство ответственности [*человека — Г.М.*] за свою жизнь... При этом, личная жизнь не становилась более «правильной» с позиций требований социальных норм, а ее “хозяин” переставал распоряжаться собственной жизнью». [5, с. 4].

Фактически К.А. Абульханова-Славская ставит вопрос о критериях и уровнях такого акмеального состояния индивида, которое характеризуется не вершиной его профессионализма, а вершинными способами проживания жизни: «...тип личности не сводится к эталону. <...> тип личности характеризует самый процесс становления реального индивида активным членом общества с точки зрения существенных <...> критериев и уровней активности. ... Процесс этого становления имеет ряд характерных этапов — достижение индивидом социальной зрелости, занятие определенного места в обществе (в смысле профессиональной деятельности, и в смысле места в реальных группах, общностях и коллективах). Эти этапы в целом составляют характеристику способа жизни данного индивида в данном обществе и образуют своеобразную “онтогенетическую” линию социализации. ... Процесс становления индивида <...> есть <...> индивидуальный способ соизмерения социально требуемого, <...> социально желательного <...> с <...> реальным конкретным процессом жизнедеятельности, в котором происходит это соизмерение» [3, с. 27–28]. То есть здесь автор показывает вариант разбиения процесса движения в состояние «пика» социальной активности индивида на периоды, этапы, фазы.

Развивая и осмысливая представленные выше идеи, конструируя на этой платформе собственно акмеологические типологии способов проживания жизни (или способов осуществления жизнедеятельности) субъектом, можно взять за основу два критерия. Один из них будет отражать уровень упорядоченности (организованности) жизни, а другой — уровень направленности. Тогда по первому критерию можно ограничиться двумя уровнями (жизнь

субъекта упорядочена или она является беспорядочной, спонтанно проживаемой, либо не в полной мере конструируемой).

Второй критерий может быть представлен несколькими уровнями. Здесь, на наш взгляд, уместно воспользоваться определением уровней смысловой сферы личности, созданным Б.С. Братусем [10, с. 100–101]. Заимствовав у Б.С. Братуся эти определения, мы наполним их более широким содержанием. Кроме того, мы попытаемся более подробно использовать предложенный им принцип расширения ценностных ориентиров, модифицируя таким образом его типологию.

Начальный, или *нулевой уровень* пусть соответствует ситуативно-прагматической направленности образа жизни субъекта. Здесь ценностные ориентиры крайне узкие. Они сосредоточены, сфокусированы на непосредственных порывах индивида. Нулевой уровень направленности жизнедеятельности не может быть упорядоченным, организованным. Он может быть лишь спонтанным и беспорядочным.

Первый уровень будет отражать эгоцентризм субъекта как ведущее направление в его жизнедеятельности.

Второму уровню станет соответствовать локальная группоцентрическая направленность. Здесь имеется в виду ориентированность субъекта на ценности, интересы, идеалы и нормы жизни только своей семьи, или только своей организации (места работы), либо только одной отдельно взятой, конкретной малой группы.

Глобальная группоцентрическая направленность жизнедеятельности субъекта будет отражать следующий, *третий ее уровень*. Здесь субъект жизнедеятельности направляет свою жизнь так, чтобы она соответствовала интересам, целям, ценностям, тотемам и табу, действующим в больших социальных группах (различные слои, категории, страты общества, объединенные по общему признаку, такому, как, например, национальность, общая территория проживания, вероисповедание, профессиональная принадлежность, убеждения и проч.).

Четвертым уровнем направленности жизнедеятельности окажется просоциальный уровень, отражающий ценности общечеловеческого характера, выходящие за рамки ценностей больших социальных групп.

И пятым, высшим, акмеальным уровнем будет уровень направленности на идею служения прогрессивному развитию человека и человечества в целом. Этот уровень отличается тем, что человек, конструирующий и проживающий свою жизнь во имя служения науке, во имя веры в Бога и любви к Богу, во имя искусства, во имя вполне конкретной, захватывающей все его существо благородной идеи, может далеко не всегда быть понят и принят современниками, но, тем не менее, он все же будет, вопреки всему, ориентировать и направлять свою жизнь так, чтобы, как писал С.Л. Рубинштейн в своей книге «Человек и мир», жизнь все время шла по восходящей: «Те, жизнь которых идет по восходящей, так что вершина их достижений на протяжении большей части их жизни еще где-то впереди ... Их жизнь менее выигрышна, но в ней есть, зато что-то возвышенное, несравненное чувство постоянного восхождения» [18, с. 416]. В той же книге С.Л. Рубинштейна мы находим еще одну мысль, прямо относящуюся к акмеальной направленности жизни человека, к высшему уровню проектирования и конструирования субъектом своей жизнедеятельности: «Смысл человеческой жизни – быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» [18, с. 381].

Таким образом, у нас получилось двенадцать жизненных стратегий, отличающихся по критерию упорядоченности, прежде всего, амплитудой жизненных взлетов и спадов. Для каждой из них мы попытались сформулировать основную особенность.

Независимо от того, на какой уровень направленности выведет субъект свою жизнедеятельность, если она будет более упорядоченной, то, вероятно в жизни такого человека образуются меньше резких взлетов. Жизнь в этом случае будет идти либо стабильно, либо неуклонно по восходящей/ниспадающей направленности. Когда уровень упорядоченности жизни, по каким-то причинам, окажется низким, это может проявляться в яркой, насыщенной событиями и неожиданностями линии жизни. Во всяком случае, типология жизненных

стратегий или субъективных жизненных миров (или способов проживания жизни) может способствовать осознанию субъектом того, как он живет, на что расходует время жизни.

Т а б л и ц а 1

Типы жизненных стратегий и их особенности

Уровни направленности жизни (ступени жизнедеятельности)	Уровни упорядоченности жизни	
	Упорядоченная (активно конструируемая) жизнедеятельность	Не в полной мере упорядоченная (не конструируемая) жизнедеятельность
Ситуативно-прагматическая направленность	Осознанная готовность воспользоваться близкой выгодой	Неосознанная импульсивность, азарт и поиск легкой выгоды
Эгоцентрическая направленность	Култ материальной обеспеченности, здоровья и свободы от обязательств	Манипулятивная установка в адрес других, нарциссизм, страх одиночества и боязнь чужого влияния
Локальная группоцентрическая направленность	Жизнь ради лидерства в малой группе (семья, коллектив, лучшие друзья). Все, кто не в группе – объекты для манипулирования, все, кто в группе – субъекты общения	Жизнь как принадлежность малой группе
Глобальная группоцентрическая направленность	Жизнь в соответствии со стереотипными и традиционными представлениями той социальной общности (национальная, религиозная, профессиональная и другие общности), принадлежность к которой осознается человеком. Стремление к самоутверждению в своей социальной среде	Жизнь в соответствии со стереотипными и традиционными представлениями той социальной общности, принадлежность к которой осознается человеком. Стремление получить признание и быть одобряемым в своей социальной среде. Все, кто к ней не относится – «чужие»
Просоциальная направленность	Жизнь ради служения обществу, людям. Стремление к тому, чтобы собственная деятельность стала благом для других, для предельно широкого круга людей, невзирая на их принадлежность к той или иной социальной общности или группе	Жизнь ради служения обществу, людям. Стремление быть причастным общей деятельности, являющейся благом для других, для предельно широкого круга людей, невзирая на их принадлежность к той или иной социальной общности или группе
Акмеальная (акмеологическая) направленность	Жизнь ради собственной идеи, обладающей общечеловеческой и вневременной ценностью	Жизнь ради причастности к идее, обладающей общечеловеческой и вневременной ценностью

Сущность психолого-акмеологической помощи человеку

Приводя фрагмент рукописи С.Л. Рубинштейна, созданной им в 20-х годах XX века, К.А. Абульханова-Славская фактически предоставляет в распоряжение читателя почти законченную концепцию психолого-акмеологической помощи человеку в конструировании и воплощении желаемого им образа, уровня и способа проживания жизни: «Когда объектом моего воздействия становится другой человек, задача в том, чтобы через мое воздействие на него, преодолевающее его отчужденность, негативную независимость при всех отношениях данности, вызвать его к самостоятельному бытию; для этого нужно, ломая и в условиях его существования и в нем самом то, что искажает его человеческую сущность, таким образом утверждать его бытие. Это его бытие, в котором осуществляется его собственная сущность, но он обретает ее через меня (и в какой-то мере – я через него)» [4, с. 19]. Эффектом подобного воздействия, отмечает С.Л. Рубинштейн далее, становится то, что сама сущность бытия субъекта «не только формируется и развивается, но и ... поднимается на высшую ступень»

[4, с. 19]. То есть субъект поднимается на высшую ступень не своими достижениями, а сама сущность бытия субъекта поднимается на высшую, мы бы сказали, акмеальную ступень. Иначе говоря, здесь в неявном виде С.Л. Рубинштейном намечено такое понимание «акме», которое существенно расширяет сложившееся в современной акмеологии представление об этом понятии.

Психолого-акмеологическая помощь, или, говоря словами С.Л. Рубинштейна, воздействие на другого человека, которое вызывает его «к самостоятельному бытию», как видно из текста, может быть оказана лишь посредством особого отношения к Другому. Спустя пятьдесят лет, — пишет К.А. Абульханова-Славская, — описанный С.Л. Рубинштейном тип этого отношения был назван Б.Ф. Ломовым субъект-субъектным. Здесь отчетливо проступает идея психолого-акмеологической помощи, направленной на обеспечение условий, способствующих самопостроению Другим своего собственного бытия, выведения сущности этого бытия на высшую ступень, то есть на ступень «акме».

Для нас важно, что помощь Другому через субъект-субъектное отношение к нему, ориентирована не на решение проблем Другого, не на тренировку Другого для новых достижений в профессионализме, в мастерстве, в межличностных отношениях, в том или ином виде деятельности. Это помощь человеку в организации, в конструировании, в осознании направленности своего бытия. Нет, здесь под высшей ступенью подразумевается уровень бытия, уровень жизни как процесса, а не уровень достижений личности. Очевидным будет отличие этой помощи от всех других видов и форм психотерапии, психологического консультирования, психологической коррекции, коучинга. Ведь психологическая помощь направлена на то, чтобы способствовать человеку в решении его проблем, в продвижении к желаемым результатам, к потребному будущему состоянию. Помощь человеку в преобразовании сложившегося у него способа проживания жизни, в изменении стратегии его жизни и в том, чтобы он более продуктивно использовал свои личностные ресурсы для превращения желаемой стратегии жизни в реальную жизнедеятельность, — такая помощь становится предметом только психолого-акмеологического консультирования.

Характеризуя высшую ступень человеческого бытия крайне скупое, С.Л. Рубинштейн ограничивается лишь тремя эпитетами: *щедрость, искренность, любовь*. Но, даже эти, скупые на первый взгляд, характеристики отражают практически полностью то, что впоследствии, спустя несколько десятилетий, оформилось в американской психологической практике как феноменологический, человеко-центрированный подход к оказанию психологической помощи. Принципы человеко-центрированного (или клиенто-центрированного) подхода сегодня стали общеизвестными. Это эмпатия, конгруэнтность, аутентичность, открытость к диалогу, которые должен пробуждать в себе и проявлять по отношению к клиенту консультант-психолог. Психолого-акмеологическая помощь как воздействие, способствующее изменениям в способе проживания человеком своей жизни, в осознанном и активном конструировании своей жизнедеятельности, имея много общего с экзистенциально-гуманистическим подходом, отличается от него и от всех существующих концепций психотерапии и консультирования своей направленностью. Направленность этой помощи фокусируется не столько на проблеме клиента, не только на средствах и путях достижения человеком своего потребного будущего положения (состояния). Эта помощь ориентирует человека на преобразование сложившихся, и переставших удовлетворять его способов жизни.

Направления акмеологического анализа (изучения) процесса жизнедеятельности субъекта

В одной из своих, теперь уже относительно давних работ К.А. Абульханова-Славская критически рассматривает практически все ведущие теоретико-методологические подходы, развивавшиеся в советской психологии [3]. Это теория установки, теория отношений, культурно-исторический подход в психологии, общение как общепсихологическая категория, психологическая теория деятельности. Будучи заново прочитанной сегодня, эта книга К.А. Абульхановой-Славской открывает возможность почерпнуть некоторые идеи

теоретико-методологического характера, полезные для развития современной акмеологической науки.

Анализируя основные положения психологической теории деятельности, К.А. Абульханова-Славская сопоставляет их с теоретическими конструктами философско-психологической, а по существу, общепсихологической концепции С.Л. Рубинштейна.

Указывая как на недостаток, на то, что теория деятельности А.Н. Леонтьева строится на одной категории, а концепция С.Л. Рубинштейна построена на понимании «многоосновности психических явлений» [3, с. 95], К.А. Абульханова-Славская оставляет без особого внимания тот факт, что и три другие общепсихологические концепции, о которых она пишет, отличаются той же особенностью. Каждая из них построена на одной ведущей категории, избранной в качестве главной «единицы» анализа. Речь идет о теории установки Д.Н. Узнадзе, теории отношений В.Н. Мясищева и категории общения, как центральной категории субъект-субъектного системного подхода Б.Ф. Ломова. За «одноосновность» К.А. Абульханова-Славская наиболее резко критикует только А.Н. Леонтьева. Разбирая классический труд «Деятельность. Сознание. Личность», она на конкретных примерах показывает противоречивость и расплывчатость формулировок А.Н. Леонтьева, касающихся понятия «субъект». Такая критика была бы действительно уместной, если бы понятие «субъект деятельности» было для А.Н. Леонтьева основной единицей анализа. А это совсем не так, что К.А. Абульханова-Славская и отмечала, как недостаток. А.Н. Леонтьев анализировал не субъекта деятельности, а деятельность субъекта. Субъект деятельности, субъект «установки как модификации целостного субъекта» (цит. по [11, с. 159]) были предметом, основной категорией анализа в подходе Д.Н. Узнадзе. Убедительность доводов К.А. Абульхановой-Славской порождает еще большие сомнения именно тогда, когда она призывает себе на помощь классиков марксизма-ленинизма. Они служат здесь плохую службу, поскольку не идеи А.Н. Леонтьева, а идеи С.Л. Рубинштейна в большей степени противоречат марксовым постулатам. Сегодня, когда сопоставление подобного рода уже не является поводом для обвинений в идеологических диверсиях, когда сам факт такого обсуждения перестал быть предметом политических спекуляций, концептуальная удаленность идей С.Л. Рубинштейна от прямолинейных марксовых редукций человеческого бытия в только лишь материальное, становится совершенно очевидной. Очевидно, например, что принцип детерминизма, сформулированный С.Л. Рубинштейном, — «внешние причины действуют через внутренние условия» является более далеким от марксизма, чем формула А.Н. Леонтьева «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» [3, с. 181].

На первый взгляд, рубинштейновский принцип детерминизма ближе к формуле «бытие определяет сознание», но лишь на первый взгляд. У А.Н. Леонтьева «внутреннее» (субъект), а значит, и сознание субъекта изменяется под влиянием «внешнего», и не просто изменяется, а «само себя изменяет». Вот как глубоко, по А.Н. Леонтьеву, проникает в сознание субъекта влияние на него его бытия. Хоть субъект и действует, но он действует, повторимся, только лишь через внешнее. Значит, как ни крути, а бытие, все же определяет... У С.Л. Рубинштейна все сложнее и все в большей степени отдалено от марксизма. Здесь «внешние причины» (бытие) не могут прямо определять сознание. Они преломляются «через внутренние условия». Это может означать только то, что «внутренние условия», то есть сознание субъекта или сам субъект активно преобразуют внешние причины, влияют на них, и даже, может быть переопределяют эти причины, то есть свое собственное бытие. Проще говоря, человек, по С.Л. Рубинштейну, в большей степени хозяин своего бытия, чем в версии А.Н. Леонтьева.

Ф.Е. Васильюк пишет по этому поводу следующее: «...построения С.Л. Рубинштейна по своему экзистенциально-гуманистическому духу как раз противоречат антиперсонологическим установкам марксизма... исторический вклад С.Л. Рубинштейна в систему советской психологии состоит в создании <...> общей онтологии психологической науки, “онтологии человеческого бытия”, которая лишь неявно подразумевалась в концепциях установки, отношений и деятельности, а явно была разработана именно в теории С.Л. Рубинштейна» [11, с. 150].

Такая «онтологичность» является, на наш взгляд, тем направлением развития, по которому обречена идти акмеология.

Решая методологическую задачу синтеза трех ведущих общепсихологических подходов, созданных советской психологической наукой, а именно психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, теории установки Д.Н. Узнадзе и теории отношений В.Н. Мясищева, Ф.Е. Василюк [11] так объясняет причину, по которой он исключил из своего исследования теоретический подход к построению общей психологии, разработанный С.Л. Рубинштейном. Отличие общей психологии, созданной С.Л. Рубинштейном, — пишет Ф.Е. Василюк, в том, что она не сузила предмет психологии до одной категории. Эта психология по изначальному замыслу, стилю мышления автора и способу построения была *синтетической*. «Теория С.Л. Рубинштейна <...> не может быть поставлена в ряд с теориями А.Н. Леонтьева, В.Н. Мясищева и Д.Н. Узнадзе <...>, потому, что она работала в другой плоскости» [11, с. 150]. Ф.Е. Василюк показал, что общая онтология психологической науки, «онтология человеческого бытия», которая подразумевалась в концепциях установки, отношений и деятельности лишь в неявном виде, была создана и разработана явно именно в теории С.Л. Рубинштейна [11, с. 150].

Свой по-настоящему творческий философско-психологический «парафраз» на тему «человек и мир» в концентрированном виде Ф.Е. Василюк представил как схему (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Типология психологических «единиц» человеческой жизни
(по Ф.Е. Василюку) [11, с. 166].**

Жизнь человека в мире		Жизнь человека	
		Человек (как динамическая структура)	Жизнь (как актуальный процесс)
Мир	Предметный мир	1. УСТАНОВКА	2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
	Мир людей	3. ОТНОШЕНИЕ	4. ОБЩЕНИЕ

Здесь в одну категориальную систему оказались интегрированы деятельностный подход А.Н. Леонтьева, теория установки Д.Н. Узнадзе, теория отношений В.Н. Мясищева и категория общения, которую Б.Ф. Ломов, по выражению К.А. Абульхановой-Славской, наделил статусом «нового методологического принципа» [3, с. 90].

Думается, что типология психологических «единиц» человеческой жизни, созданная Ф.Е. Василюком, имеет много оснований быть рассмотренной как базовые направления акмеологического анализа жизнедеятельности субъекта. Действительно, в большинстве психологических исследований объект изучения познается и анализируется по трем основным аспектам — когнитивному, поведенческому и эмоционально-мотивационному. Если в акмеологическом исследовании двигаться по такому же пути, то оно будет слабо отличаться от исследования психологического.

Но, поскольку акмеология развивается как синтетическая, «многоосновная», поликатегориальная наука, то развертывание исследовательских программ, базирующихся на четырех методологических категориях, имеющих общепсихологический потенциал, глубоко разработанных в отечественной психологии, созвучных «онтологии человеческого бытия», созданной С.Л. Рубинштейном, может оказаться продуктивным.

Таким образом, проведенный нами анализ понятия «акме» в русле философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна и идей К.А. Абульхановой-Славской позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Идеи С.Л. Рубинштейна о субъекте как центре перестройки бытия, о высших ступенях бытия, на которые может выйти субъект, если их рассматривать в русле акмеологического подхода, позволяют расширить сложившиеся представления о сущности акме. Методологическим обогащением акмеологической науки может стать понимание акме не только как «пики», вершины, предела в достижениях, но и как высшей ступени бытия, высоко направленного и высоко организованного процесса жизнедеятельности субъекта. Акме как вершина жизни дополняется представлением об акме как о вершинном уровне жизненного процесса.

2. Развивая идеи С.Л. Рубинштейна о субъекте деятельности, конструирующем свое собственное бытие, и положения К.А. Абульхановой-Славской о стратегиях жизнедеятельности,

можно определить особенности психолого-акмеологической помощи человеку как помощи направленной именно на то, чтобы человек не просто смог преодолеть свои жизненные трудности, не просто сумел достичь желаемого положения (состояния), но преобразовал свой образ и способ жизни, выведя его на более высокую ступень. То есть психолого-акмеологическая помощь — это помощь в преобразовании жизнедеятельности человека.

3. Исходя из представлений С.Л. Рубинштейна о направленности жизнедеятельности субъекта как об основном содержательном и ценностном критерии восприятия уровня бытия каждого конкретного человека, предлагается соответствующая типология субъективных жизненных миров. Эта типология построена по принципу расширяющейся направленности жизнедеятельности субъекта при переходе его на каждую следующую ступень. Если начальная ступень отличается предельно узкой, прагматически и ситуативно ориентированной направленностью, то высшая, акмеальная ступень, соответствует такому процессу жизнедеятельности, который обладает наиболее широкой направленностью. Это направленность на служение идее, обладающей общечеловеческой и вневременной ценностью.

4. Акмеология и философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна, при очевидных различиях, имеют сходство методологического характера. Сходство это состоит в том, что и акмеология и концепция С.Л. Рубинштейна, ставшая основой для построения системно согласованного «здания» общей психологии, опираются не на одну центральную категорию, избранную в качестве основной «единицы» анализа, а сразу на синтез ряда категорий (деятельности, отношений, установки, общения). Если в современном психологическом исследовании изучаемая реальность теперь уже традиционно рассматривается сразу в трех аспектах — когнитивном, поведенческом и мотивационно-эмоциональном, то современное акмеологическое исследование вполне закономерно строить в четырех аспектах, отражающих все основные общепсихологические категории, разрабатывавшиеся в «монокатегориальных» общепсихологических теориях, созданных советской психологией. Это категории деятельности, отношений, общения и установки.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Регресс и утраты личности и возможности психологической поддержки // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики* / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М., 1997. С. 170 – 186.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
3. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
5. *Абульханова-Славская К.А.* Принцип субъекта в концепции С.Л. Рубинштейна // *Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы.* М., 1989. С. 10 – 61.
6. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
7. *Абульханова-Славская К.А.* Акмеологическое понимание субъекта // *Основы общей и прикладной акмеологии.* М., 1995. С. 85 – 95, 108.
8. *Абульханова-Славская К.А.* Субъект – символ российского самосознания // *Сознание личности в кризисном обществе.* М., 1995. С. 10 – 28.
9. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения. М., 1989.
10. *Бодалев А.А.* О предмете акмеологии // *Психологический журнал.* 1993. Т.14. № 5. С. 73 – 79.
11. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М., 1988.
12. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
13. *Деркач А.А.* Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. М., 1999.
14. *Деркач А.А.* Акмеологические основы развития профессионала. — М.; Воронеж, 2004.
15. *Марасанов Г.И.* Психоконструирование: иллюстрация метода. Ч. 1. // *Школьный психолог.* 2005. № 2. С. 21 – 44.

16. *Марасанов Г.И.* Психоконструирование: иллюстрация метода. Ч. 2. // Школьный психолог. 2005. № 3. С. 21 – 28.
17. *Марасанов Г.И.* Гуманитарная метафора профессионализма // Культурно-историческая психология развития: Материалы первых чтений памяти Л.С. Выготского, Москва, 15–17 ноября 2000 г. / Под ред. И.А. Петуховой. М., 2001. С. 263 – 267.
18. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
19. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1976.
20. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2009.

© Марасанов Г.И., 2010

Е.В. Селезнева, Т.А. Майборода

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: развитие, акмеологическое развитие

Keywords: development, acmeological development

Идея акмеологического развития изначально присутствовала в неявном виде во всех акмеологических исследованиях. Однако до недавнего времени термин «акмеологическое развитие» крайне редко использовался в научной литературе, а представления о сущности акмеологического развития практически не были сформированы.

Целенаправленные теоретико-методологические исследования проблемы акмеологического развития начались в 2007 году, когда А.А. Деркач и Э.В. Сайко опубликовали в журнале «Мир психологии» статью «Развитие в акмеологии и акмеологическое развитие в структуре онтогенеза» [5]. В этой статье и статьях, последовавших за ней [3, 4, 6, 7, 8], авторы рассмотрели методологические основания, предложили концептуальную модель и обозначили проблемное поле исследований акмеологического развития.

А.А. Деркач и Э.В. Сайко рассматривают акмеологическое развитие как процесс реализации накапливаемого в индивидуальном, личностном и субъектном развитии потенциала многоплановой активной творческой деятельности, которая в своем интегрированном виде выступает как процесс самореализации и в ходе которой человек предъявляет себя социуму как деятельного субъекта [5, с. 54]. В качестве оснований акмеологического развития и его необходимых компонентов выступают саморазвитие и самореализация, которые обеспечивают реализацию субъектной позиции индивида и его потребности, возможности и способности достигнуть акме как вершины самоосуществления [5, с. 54].

При этом, с точки зрения авторов, в сфере акмеологического развития индивид не столько впитывает социальное, «приобретая» себя в социальном мире, развиваясь в качестве социального существа и формируя свой человеческий потенциал, сколько «выполняет» себя в реальной социально значимой, творческой деятельности [5, с. 54].

В целом соглашаясь с данным взглядом, мы считаем все же необходимым уточнить содержание понятия «акмеологическое развитие» и сформулировать сущностную характеристику данного феномена.

Уточнить содержание понятия позволит нам семантический анализ сложного термина «акмеологическое развитие».

В данном термине выделяется родовая часть «развитие» и видовая – «акмеологическое». Проанализируем смысловое содержание каждой из выделенных частей.

По В.И. Далю понятие «развитие» происходит от глагола «развивать», то есть «развертывать, раскручивать, расплетать, распускать». «Развитие телесное, рост и полнота; – умственное, духовное, степень зрелости души» [2, с. 18].

С.И. Ожегов выделяет два значения понятия «развитие». В первом значении оно образуется от глагола «развить» в значении: «1. Усилить, дать чему-нибудь окрепнуть, укрепиться. 2.

Довести до определенной степени духовной, умственной зрелости, сознательности, культурности», — а также от глагола «развиться» в значении «1. Стать сильнее, окрепнуть, укрепиться. 2. Созреть духовно, умственно, стать сознательнее, культурнее. 3. Дойти до высокой степени силы, мощности, совершенства». Второе значение понятия «развитие» по С.И. Ожегову: «1. Процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему. 2. Степень сознательности, просвещенности, культурности» [13, с. 643]. При этом С.И. Ожегов отмечает исходное значение глагола «развить»: «Разделить, распрямить части чего-н. свитого, свившегося» [13, с. 643].

В словаре Д.Н. Ушакова развитие рассматривается как действие (по глаголу «развить — развивать») и как состояние (по глаголу «развиться — развиваться»). В соответствии с этим выделяются два значения слова «развитие»: процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное и состояние умственной и духовной зрелости, степень сознательности, просвещенности, культурности [16].

Так как в слове «развитие» неявно выделяется приставка «раз-», интересен семантический анализ значения данной приставки в контексте термина «саморазвитие», проведенный ранее одним из соавторов данной статьи [14, 15]. Опираясь на словарь С.И. Ожегова [13, с. 640], Е.В. Селезнева выделила следующие значения данной приставки: деление на части, распределение по частям, по местам, по поверхности (разделить, разложить); усиление, напряженность, интенсивность в проявлении действия (разукрасить, разгуливать); вместе с постфиксом —ся начало длительного и интенсивного действия (разбегаться, разволноваться); вместе с постфиксом —ся направление движения многих в разные стороны (разбежаться, разлететься); вместе с постфиксом —ся или без него прекращение действия, состояния (разлюбить); обратное действие (разбинтовать, размагнитить); всесторонность действия (раззвонить); собственно предел действия (разбудить, разбить).

На наш взгляд, к данному описанию необходимо добавить еще два значения приставки «раз-», напрямую выводящих нас к содержанию понятия «развитие». В одном из этих значений приставка «раз-» обозначает продолжение, увеличение, расширение действия (например, «расширить», «развить»); в другом — в сочетании с «-ся» служит для обозначения постепенно усиливающегося, развивающегося действия или энергичного, напряженного проявления действия (например, разговориться, распеться и т.п.) [16].

Таким образом, на уровне семантического анализа можно выделить следующие опорные точки смысла понятия «развитие»:

- развитие — это и процесс, и состояние;
- как процесс развитие осуществляется как «развертывание» уже имеющихся, но «свернутых» до поры свойств данной целостности или «зарождение» и становление не бывших ранее свойств;
- как состояние развитие проявляется в возникновении в рамках данной целостности «эмерджентных» свойств и, в результате, в качественном изменении, обновлении всей целостности.

В энциклопедических, прежде всего философских словарях развитие определяется как необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов, которое сопряжено с преобразованием их внутренних и внешних связей и в результате которого происходят их качественные изменения, появляются новые формы бытия, инновации и нововведения [12]. При этом подчеркивается, что только одновременное наличие всех трех указанных свойств выделяет процессы развития среди других изменений (функционирования, случайных процессов катастрофического типа и т.п.).

Наиболее общие закономерности развития отражаются в основных законах материалистической диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания.

В соответствии с этими законами внутренним источником любого развития является возникновение внутри целостности как сложной системы противоречий, разрешение которых в ходе столкновения различных сил и тенденций приводит к изменению данной целостности,

то есть ее развитию. Бесконечный процесс возникновения внутри всякой системы противоположных моментов и их превращения друг в друга обеспечивает непрерывность развития. С этой точки зрения развитие выступает как саморазвитие.

Механизмом развития является переход количественных изменений внутри целостности в ее качественное изменение. Изменение качества целостности происходит тогда, когда накопление количественных изменений достигает определенного предела. Переход от старого качества к новому со стороны количественных измерений осуществляется во времени как нечто постепенное, а со стороны качественных как перерыв постепенности — скачок. Начало скачка фиксируется в момент начала преобразования системы связей между элементами целого и самой природы элементов. Завершается скачок с образованием единства качественно новых элементов и иной структуры целого.

Направление, форма и результат развития задается в момент возникновения противоречия и снятия его в дальнейшем. С этой точки зрения развитие выступает как зарождение внутреннего отрицания предыдущей стадии, а затем и отрицание этого отрицания [1, с. 309—310]. Таким образом, развитие как бы частично повторяет уже пройденные ступени, но каждый раз на более высоком уровне. При этом движение осуществляется не по прямой, а по спирали, то есть в соответствии с изменением внешних и внутренних условий развития изменяются и его пути, а чем сложнее процесс развития, тем более относительным становится повторение свойств, имевших место на прежних этапах. С каждым новым витком развития преодолевается все более значительный путь, то есть ускоряются темпы развития, непрерывно изменяется внутренний масштаб времени развивающейся системы.

Описанные диалектические закономерности развития проявляются в рамках любых природных и социальных систем.

Так, И.Ф. Харламов, описывая процесс развития по отношению к человеку, определяет его, прежде всего, как процесс количественных изменений в свойствах и качествах человека. Родившись, человек растет физически, увеличиваются его отдельные органы и системы, у него появляется речь, обогащается его словарный запас. Он овладевает множеством социально-бытовых и моральных умений, трудовых навыков и привычек. Все это необходимо иметь в виду, когда речь идет о развитии личности и человека [17].

В то же время, подчеркивает И.Ф. Харламов, главными в развитии человека являются качественные изменения. Так, обогащение речевой деятельности влечет за собой повышение и совершенствование познавательных способностей человека, развитие логического мышления и памяти. Разрозненные мнения и взгляды на жизнь постепенно систематизируются и способствуют формированию мировоззрения. Реактивные формы поведения все более и более уступают место активно-преобразующей деятельности. Повышается способность к самостоятельности и управлению собственным поведением [17].

Таким образом, подчеркивает автор, под развитием следует понимать взаимосвязанный процесс количественных и качественных изменений, которые происходят в анатомо-физиологическом созревании человека, в совершенствовании его нервной системы и психики, а также его познавательной и творческой деятельности, в обогащении его мировоззрения, нравственности, общественно-политических взглядов и убеждений [17].

В нашей статье проблемы развития также рассматриваются на уровне человека как сложноорганизованной открытой саморегулируемой целостности.

При изучении проблем развития (как на уровне общества, так и на уровне личности) в большинстве случаев исследователи опираются на представления о цикличности или направленности (линейной или нелинейной) процессуальных изменений; их одно- или многовекторности; их однозначной предзаданности или возможности альтернатив; эволюционном или скачкообразном характере социокультурных или личностных изменений; их «искусственности» или «естественности» [12].

При этом в рамках любой модели развития основной проблемой становится понимание качества изменений и определение критериев оценки этого качества. Часть авторов считает, что развитию безусловно присуще приращение качества, то есть развитие всегда прогрессивно. Однако, как отмечает В.Л. Абушенко, в подобных моделях развития проблематичным

оказываются выбор критериев, обоснование их безусловности и исходной точки отсчета; применимость за пределами рассматриваемой области, определение временной перспективы, позволяющей увидеть «последствия» развития, универсальности данного типа развития для иных систем и т. д. [12]. Другая часть авторов, не отождествляя развитие с прогрессом, задает формальные основания развития и критерии его оценки, что позволяет выделять в процессах развития не только наращивание, но и потерю качества, которое важно удержать в системе для поддержания ее идентичности и целостности. В этом случае развитие рассматривается скорее как процесс изменений, который может быть противопоставлен фазам консервации и / или стагнации целостности [12].

Исследования проблем развития личности (в форме саморазвития) показывают, что вектор ее развития зависит от сформированности экзистенциальной сферы, а объектом могут выступать социально и психологически непродуктивные, неэффективные качества. Например, А.А. Реан показал, что к самоизменению могут стремиться специалисты как с продуктивной, так и с неоптимальной профессиональной мотивацией: первые стремятся стать менее, вторые – более авторитарными. Противоположными оказываются их представления о направлениях саморазвития, самокоррекции и способах приближения к профессиональному идеалу [цит. по: 9].

Прогрессивность развитию (в форме саморазвития) человека задает его направленность на достижение акме и самоосуществление [9].

Так, М.А. Манойлова определяет акмеологическое развитие как «закономерное, направленное качественное изменение и формирование личности взрослого человека в направлении достижения профессионального мастерства. Результатом является достижение “акме”» [10, с. 84]. Сужая пространство акмеологического развития до профессиональной сферы, автор в целом достаточно точно выразил его сущность.

С точки зрения О.А. Басовой (2008) акмеологичность развития выражается в направленности человека не только на внешний успех, но и на удовлетворенность трудом, осознание степени его общественной значимости, позитивное социальное проявление, созидание.

Акмеологический вектор развития характеризуется прежде всего тем, что определяющим фактором «движения» человека в онтогенезе и одновременно одним из структурообразующих компонентов этого процесса изначально выступает саморазвитие [7, с. 222–234].

В акмеологических исследованиях саморазвитие рассматривают как:

- тенденцию к самораскрытию и саморазвертыванию творческого потенциала человека,
- сознательный процесс самосовершенствования с целью эффективной самореализации на основе внутренне значимых устремлений и внешних влияний,
- целенаправленное, многоаспектное самоизменение, служащее цели максимального духовно-нравственного и деятельностно-практического самообогащения, саморазвертывания и самоосуществления [9].

Подчеркивается, что саморазвитие – это интегративный творческий процесс сознательного личностного становления, который основан на взаимодействии внутренне значимых и активно творчески воспринятых внешних факторов и которому присущи целесообразная внутренняя активность и осознанная направленность на разворачивание и совершенствование значимых для человека и формирование ранее не бывших свойств, сторон, качеств и т. п. [9].

Результатом саморазвития как компонента акмеологического развития является, с одной стороны, повышение уровня субъектности человека, его способности и потребности в самоопределении, самопознании и т. д. [6], с другой стороны, создание системы акмеологических ресурсов и формирование на их основе личностного потенциала как условия и предпосылки полноценной реализации человека в конкретной деятельности.

При этом уровень субъектности выступает не только как проявление уровня саморазвития, но и как его фактор.

А.А. Деркач и Э.В. Сайко рассматривают субъектность как свойственную человеку, как его сущность, которая образует его, дифференцирует его человеческую определенность и в

неразрывной связи с самостью, сознанием, деятельностью определяет действенные возможности индивидов [8, с. 208]. Авторы исходят из понимания субъекта как носителя особого типа активности — деятельности, в которой человек в качестве субъекта осуществляется и развивается за счет реализации и развития в онтогенезе, филогенезе, культурно-историческом процессе его субъектных способностей [8, с. 208–209]. Несомненно, однако, что субъектность на уровне онтогенеза не дается полностью и сразу. Мы согласны с А.С. Мельничуком, который говорит о потенциальной субъектности как филогенетической («родовой») субъектности, которая может становиться актуальной и воплощаться в жизнедеятельности отдельного человека в разной степени [11].

Как показывают А.А. Деркач и Э.В. Сайко, развитие субъектности обуславливает развитие человека за счет расширения его способностей к преобразовательной, целенаправленной, целесообразной деятельности и развития других системно связанных с субъектностью свойств (самости, самосознания и т. д.), стимулирует рост его потребности к саморазвитию и самореализации [8, с. 212]. При этом уровневые характеристики развития человека, возрастные особенности развития его субъектности, соответствующие возможности и потребности, а также его психологическая готовность к творческой самореализации в целом определяются характером деятельности и ее результативными эффектами [8, с. 211].

Высокий уровень субъектности человека и сопряженный с ним высокий уровень его способности и потребности в самопознании, самоопределении, самосовершенствовании проявляются в том, что человек стремится (и способен) к постоянному «переходу» через себя, к творческому прорыву в новое в развитии, который «осуществляется не только за счет изменения себя, саморазвития, субъектного роста, но и за счет *деятельности* субъекта как деятельности социально необходимой, в которой он переходит через себя» [5, с. 52]. Сформированная система акмеологических ресурсов и личностный потенциал не только обеспечивают продуктивность такой деятельности, но и развиваются в ней.

Так как саморазвитие субъекта по своему существу полагает потребность и необходимость реализации приобретенного уровня [6, с. 222–234], процесс саморазвития в рамках акмеологического развития человека с необходимостью «переходит» в процесс самореализации: «плюс саморазвития (его уровень, степень и т. д.) постоянно «уравновешивался» полюсом самореализации в разной степени выраженности, вплоть до высшего уровня ее — акме» [5, с. 54].

Так, по мнению О.А. Басовой (2008), акмеологическое развитие профессионала выражается в удовлетворенности самореализацией, позитивном социальном проявлении, осознании социальной полезности профессионального труда, в сохранности профессионального здоровья личности.

Как отмечают А.А. Деркач и Э.В. Сайко, «именно возможность самореализации человека в деятельности обеспечивает потребность его саморазвития, и наоборот, саморазвитие индивида полагает потребность его самореализации» [4, с. 221]. Авторы подчеркивают, что саморазвитие и самореализация как компоненты акмеологического развития в своей неразрывной связи, не будучи свойственны другому живому и обеспечивая феномен человека, сами способны существовать и развиваться при развитии важнейшей ее (целостности) образующей — социальности [4, с. 221].

«Понимание значимости выполнения потребности в самореализации как в принципе необходимой для дальнейшего продуктивного роста индивида, своего рода отдачи накопленного в саморазвитии, обеспечивающей проверку-утверждение себя в последнем на новой ступеньке при формировании новой уровневой дистанции развития, и осмысление самореализации в этом развитии как особой составляющей, которая выступает как сложно структурированный процесс в структуре онтогенеза, имеющий свои особые закономерности, свои этапы и уровни осуществления, <...> приобретает особый смысл в познании особенностей развития человека. В онтогенезе этот процесс обеспечивает возможности удовлетворения той оптимальной для каждого периода развития дозы потребности в своей самореализации, которая постепенно, но постоянно объективно формируется в системном развитии человека (хотя и осуществляется она на разном уровне, в том числе и при возможной ее смятости и неполной выполненности) как обусловленная его природой» [4, с. 222].

Сравнительный анализ исследований акмеологического развития позволяет выделить существенные особенности этого феномена.

Содержательные характеристики акмеологического развития зависят от того, как рассматривается этот феномен – как процесс или как состояние.

Как *процесс* акмеологическое развитие динамично, осуществляется как необратимое, направленное, закономерное «развертывание» уже имеющихся, но «свернутых» до поры или «зарождение» и становление не бывших ранее психических состояний, способностей, качеств человека как индивида, личности, субъекта деятельности, которые в своей целостности обеспечивают реализацию субъектной позиции индивида и его потребности, возможности и способности достигнуть акме как вершины самоосуществления.

В процессе акмеологического развития можно выделить две взаимосвязанные и взаимообусловленные фазы. В фазе саморазвития осуществляется акмеориентированное преобразование индивидуальных, личностных и субъектных структур, в результате чего происходят их качественные изменения, появляются новообразования, обеспечивающие расширение социальных и деятельностных возможностей человека, накапливаются акмеологические ресурсы, формируется акмеологический потенциал. В фазе самореализации человек «отдает» накопленные ресурсы, «опредмечивает» свой акмеологический потенциал, осуществляя себя в социально значимой деятельности.

Фаза саморазвития в процессе акмеологического развития обеспечивается сформированностью способностей и умений самоопределения, самопознания, самоактуализации, самопроявления, самоорганизации, саморегуляции, самодетерминации, самоидентификации, самооценки, самовоспитания, самокоррекции, самосовершенствования и т. д., которые позволяют углубить содержание самости и развить деятельностные способности человека. Фаза самореализации в процессе акмеологического развития обеспечивается сформированностью способностей и умений самопрезентации, самоутверждения, самовыражения и т. п., которые позволяют человеку предъять себя миру через творчество.

Как *состояние* акмеологическое развитие – это система сформированных в процессе саморазвития «эмерджентных» свойств человека, отражающих качественные изменения индивидуальных, личностных и субъектных структур, обеспечивающие эффективное использование акмеологических ресурсов, максимальное для данного этапа онтогенеза осуществление акмеологического потенциала, а также достижение в процессе самореализации социально значимых творческих результатов.

Внутренним источником акмеологического развития является процесс разрешения человеком как субъектом саморазвития и самореализации внешних и внутренних противоречий за счет надситуативной активности, которая обеспечивает человеку «выход» за его пределы, творческое преобразование самого себя и окружающего мира, деятельное проектирование своей жизненной траектории и конструирование пространства своей жизни.

Механизмом акмеологического развития является переход от «накопления» психических состояний, способностей, качеств и их реализации в нормативной деятельности в соответствии с заданными извне условиями к качественному преобразованию ЭТИХ «накопленных» состояний, способностей и качеств в акмеологические ресурсы, которые обеспечивают творческую сверхнормативную активность человека, которыми человек способен целенаправленно распоряжаться и которые может осознанно совершенствовать.

Осуществляется *акмеологическое развитие* в многоступенчатых поуровневых фазах саморазвития и самореализации, когда в процессе самореализации человека как исполнения себя в деятельности (и деятельностью) происходят одновременно удовлетворение потребности в самореализации и зарождение новой, иной по параметрам, потребности в ней, что вызывает необходимость в процессе саморазвития сформировать соответствующие данной потребности акмеологические ресурсы.

Так как потребность в самореализации принципиально ненасыщаема, возрастает по мере удовлетворения и ориентирует человека на максимальное раскрытие его возможностей, то процесс саморазвития на каждом последующем этапе онтогенеза предполагает постановку постоянно усложняющихся задач и ускорение темпов накопления акмеологических ресурсов и формирования акмеологического потенциала.

Акмеологическое развитие, пронизывая пространство всей жизни человека, в то же время имеет специфику в зависимости от этапа онтогенеза и / или сферы жизнедеятельности человека, в которой оно осуществляется.

Литература

1. Гегель. Сочинения. Т. 6. М., 1939.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1–4. М., 1981–1982. Т. 4. 1982.
3. Деркач А.А., Сайко Э.В. Деятельность как основание акмеологического развития субъекта и надситуативная активность субъекта как действенный фактор ее развития // Мир психологии. 2008. № 2. С. 193–205.
4. Деркач А.А., Сайко Э.В. Потребность в самореализации как феномен социального мира и основание акмеологического развития // Мир психологии. 2008. № 1. С. 218–229.
5. Деркач А.А., Сайко Э.В. Развитие в акмеологии и акмеологическое развитие в структуре онтогенеза // Мир психологии. 2007. № 2. С. 43–55.
6. Деркач А.А., Сайко Э.В. Самореализация как структурообразующий конструкт и процесс в онтогенезе (теоретико-методологическое основание) // Мир психологии. 2009. № 2. С. 222–234.
7. Деркач А.А., Сайко Э.В. Самость – базовый конструкт становления и развертывания процесса самореализации как содержания акмеологического развития // Мир психологии. 2008. № 4. С. 225–238.
8. Деркач А.А., Сайко Э.В. Субъектность субъекта в акмеологическом развитии и проблемы его субъектного самоосуществления // Мир психологии. 2008. № 3. С. 205–219.
9. Деркач А.А., Селезнева Е.В. Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития. М.; Воронеж, 2006.
10. Манойлова М.А. Акмеологическое развитие эмоционального интеллекта учителей и учащихся. Псков, 2004.
11. Мельничук А.С. К проблеме оценки субъектности // Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Л.Г. Дикая, Ю.И. Александров. М., 2009. С. 42–44.
12. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн., 2003.
13. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., 1999.
14. Селезнева Е.В. Общение как среда саморазвития личности. М., 2002.
15. Селезнева Е.В. Саморазвитие личности как акмеологическая категория // Акмеология. 2002. № 1. С. 18–25.
16. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред.Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940.
17. Харламов И.Ф. Педагогика. М., 1999.

© Селезнева Е.В., Майборода Т.А., 2010

Ю.В. Синягин, О.Ю. Переверзина, Ю.А. Яковлева, А.В. Полякова

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ¹

Ключевые слова: индивидуальная жизненная стратегия, детерминанты, образование, карьера, личность, биографический анализ, акме-событийный подход, акмеологическая жизненная стратегия

Keywords: person's vital strategy, determinants, education, career, person, biographic analysis, acme – event's approach, acme logical vital strategy

Жизненные стратегии прямо или косвенно являются предметом исследования целого ряда наук о человеке и обществе – психологии, акмеологии, социологии, культурной антропологии, а также философии. Однако, на фоне общего увеличения числа научных и научно-популярных изданий психологического направления, работ, непосредственно касающихся проблемы жизненных стратегий личности, не так много. Можно отметить перемещение некоторой части научных материалов со страниц печатных изданий на сайты сети Интернет, что отвечает современным реалиям и расширяет границы читательской аудитории.

Проблема жизненных стратегий личности привлекает современных исследователей, помимо своей актуальности, в том числе и тем, что имеется интересный научный задел, и в то же время многое осталось неизученным. *Западная психологическая мысль* в качестве научной основы исследования предоставляет обширный материал для комплексного изучения жизненных стратегий личности. В этой связи особенно ценны открытия Э. Берна, А. Бандуры, А. Маслоу, Г. Олпорта, В. Франкла, Э. Фромма, К. Юнга. *Отечественные* психологи С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник, Ю.М. Резник, Е.И. Головаха, Р. Пехунен и др. посвятили анализу жизненных проблем личности многие свои работы. В центре их внимания оказались вопросы смыслополагания и формирования установки, выбора жизненного пути, образа и стиля жизни, совершенствования культуры жизни личности, ее самореализации и жизнотворчества.

Б.Г. Ананьев [2] рассматривал личность как объект «общественного развития» и включил в систему детерминант ее развития положения о социальной ситуации развития, статусе, образе жизни и др., показав зависимость кульминации и наивысших достижений человека в избранной деятельности от момента старта, а старта – от истории воспитания личности. Эти факты Б.Г. Ананьев преимущественно связывает с человеком как субъектом избранной деятельности, а не жизненного пути в целом.

Наиболее разработанным в отечественной науке является подход к изучению жизненных стратегий, связанный с развитием субъекта жизнедеятельности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская и др.). Основным определяющим фактором здесь выступает активность и творчество личности как организатора и преобразователя своей жизни, а наличие и развитость жизненной стратегии является важнейшим показателем того, насколько человек стал субъектом собственной жизни.

В качестве примера нового направления исследований жизненных стратегий выступает, в частности, определение детерминант их формирования в образовании и карьере.

В целом же анализ научной проблемы связан со следующими основными вопросами:

- определение (понимание) жизненных стратегий личности в широком контексте и более узком (в карьере и образовании);
- типологизация жизненных (а также карьерных и образовательных) стратегий;

¹ Статья написана при выполнении НИР «Исследование детерминант формирования индивидуальной жизненной стратегии личности в образовании и карьере» в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

- жизненные стратегии отдельных социальных или профессиональных групп (молодежи, государственных служащих и т.п.);
- методы и методики эмпирического исследования индивидуальных стратегий личности.

Проблема определения жизненных стратегий личности

В литературе встречается несколько разных понятий, отражающих, по сути, одно и то же, или близкое по смыслу (жизненный сценарий, жизненные истории, жизненный путь, жизненный план, стиль жизни, жизненная программа личности, жизненная перспектива и т. п.). Многообразие интерпретаций связано с тем, что наряду с жизненными стратегиями в развитии личности участвуют способы ведения жизни (форма, уклад и стиль жизни), способы определения жизненных ситуаций (жизненная позиция и линия), способы описания жизни (жизненная история, биография) и способы символического конструирования жизни (жизненные планы и сценарии).

Психологи, изучающие жизненный путь личности, часто обращаются к *сценарному подходу*, разработанному Э. Берном [3]. Под сценарием понимается «бессознательный жизненный план», который составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается ходом событий и достигает пика при выборе пути. Жизненный *сценарий* отличается от *жизненного плана* бессознательным характером и искусственным происхождением своего содержания, но при желании его можно изменить в результате принятия волевого решения. Э. Берн выделяет несколько сценариев, применяемых в типичных повседневных ситуациях, такие как: «Никогда», «Всегда», «После того, как», «Перед тем, как», «Снова и снова».

Вместо понятия «стратегия жизни» Е.И. Головаха предпочитает использовать понятие «*жизненная перспектива*», обосновывая это тем, что последнее не так жестко и формально фиксирует рамки будущего жизненного пути. «...Жизненную перспективу, – подчеркивает он, – следует рассматривать как целостную картину будущей сложной противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми человек связывает социальную ценность и индивидуальный смысл своей жизни» [7, с. 226–227].

В понимании сущности жизненных стратегий основополагающей является работа К.А. Абульхановой-Славской «Стратегия жизни» [1], которая послужила основой всех современных разработок. Автор рассматривает стратегию жизни как способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни. В широком смысле стратегия жизни (в отличие от многочисленных жизненных тактик), говорит К.А. Абульханова-Славская, это «принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию» [1, с. 245]. В узком смысле – это разработка определенного жизненного решения для преодоления жизненных противоречий.

К.А. Абульханова-Славская выделила три основных признака жизненной стратегии: выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу-имею» и создание условий для самореализации, творческий поиск. В процессе жизни личность выступает субъектом общения, субъектом деятельности, являясь, в конечном итоге, субъектом собственной жизни. Позиция субъекта позволяет человеку соотнести свои возможности с поставленными целями, интегрировать свои способности в разных сферах.

Другие ученые, так или иначе, затрагивают в своих авторских дефинициях эту тему: Л.С. Самсоненко [18], говорит о том, что «для каждой личности характерен свой, уникальный способ жизни, способ ее организации, оценивания и осмысления». О.С. Васильева и Е.А. Демченко [6, с. 74–75] под стратегией жизни понимают «такой способ бытия, систему ценностей и целей, реализация которых, согласно представлениям человека, позволяет сделать его жизнь наиболее эффективной. Другими словами, это искусство ведения собственной жизни, главной целью которой является поиск и осуществление своего уникального смысла».

К.А. Абульханова-Славская говорит о том, что возможность строить разные стратегии, пробовать разные способы достижения цели соотносится со степенью ответственности личности и ее активностью. «...В процессе жизни человек выбирает сам, за что взять на себя ответственность. ... Критерием полноты принятия личностью ответственности может служить согласование необходимости с желаниями и потребностями личности, а потому и с инициативой в осуществлении дела» [1, с. 113]. Развивая эту тему, О.С. Васильева и Е.А. Демченко признают, что «важнейшими характеристиками жизненных стратегий является уровень ответственности, степень осмысленности жизни, система ценностей и отношений человека» [6, с. 74], а основными показателями эффективности стратегии жизни человека – его удовлетворенность жизнью и психическое здоровье. Тема ответственности как значимая для рассматриваемой проблематики поднимает вопросы, связанные с необходимостью учитывать в исследовании стратегий личности такие характеристики, как *уровень субъективного контроля (локус контроля)*, в соответствии с которым можно судить о том, в какой степени человек считает себя активным субъектом собственной деятельности, а в какой – пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств; *смысл жизни и ценностные ориентации личности, жизненные силы, волевые качества и сила личности* и др.

Силы, которые направляют человека к реализации своих возможностей, реализации стратегических целей во множестве научных концепций рассматриваются в контексте *творческой деятельности* личности, раскрытия ее *творческого потенциала*.

О.С. Васильева и Е.А. Демченко говорят о том, что «стратегия творчества предполагает способ жизни «здесь и теперь». Для человека, который чувствует себя творцом своей жизни и осознает, что никто, кроме него самого, не сможет сделать его счастливым, смысл жизни чаще всего определяется понятием свободы» [6, с. 78]. Становление творца происходит в детстве стихийно, отмечают Е.П. Варламова и С.Ю. Степанов [5]. В течение жизни эта тенденция может угасать. Но позже, как правило, зрелая личность как бы вспоминает об этом и уже сознательно выбирает ценность творческого бытия. Эта способность человека выйти за рамки социальных стереотипов, шаблонов и заблуждений позволяет ему преобразовать свой прошлый опыт и найти место в жизни. Несколько забегаая вперед, отметим, что Е.П. Варламова и С.Ю. Степанов выявили четыре типа жизненных стратегий на основе соотношения выраженности индивидуального своеобразия и творческой активности (творческая уникальность, пассивная индивидуальность, активная типичность, пассивная типичность).

Определяя место жизненной стратегии в структуре человеческой деятельности, исследователи вводят одну из основополагающих категорий, детерминирующую, по нашему мнению, процесс формирования и закрепления индивидуальной жизненной стратегии – категорию *времени*. В частности, Ю.М. Резник [15] пишет о том, что «*стратегическое ориентирование* распространяется на события будущей жизни и предопределяет во многом их характер и содержание. *Оперативное ориентирование* детерминирует в значительной степени текущие, повседневные жизненные события. *Ретроспективное ориентирование* относится главным образом к событиям прошлой жизни, хотя уже свершившимся, но по-прежнему остающимся по тем или иным причинам в сфере внимания личности. Чаще всего жизненное событие является областью действия разных типов (подсистем) ориентирования». Ю.М. Резник, вслед за К.А. Абульхановой-Славской делает следующий вывод: личность как носитель активной жизненной позиции оказывается способной к сознательному конструированию собственной жизни; она становится субъектом жизненных стратегий – компонента общей системы ориентирования личности, «отвечающего» за формирование ее желательного будущего в соответствии с идеалами и ценностями общества.

Выводы Р. Пехунена также косвенно касаются временных аспектов жизненных стратегий – по мнению автора, консервативная стратегия заключается в стремлении личности сохранять привычный образ жизни, не обращая внимания на изменившиеся условия.

К.А. Абульханова-Славская определила существование индивидуально-типологических способов организации жизни личности, присущих ей как субъекту. Важным тезисом для дальнейшего эмпирического и теоретического исследования детерминант жизненных стратегий является понимание того факта, что субъект не существует без объекта, на который он направляет свою активность. Анализ индивидуального стиля жизни заключается в изучении субъект-объектного взаимодействия, включающего в качестве необходимых этапов постановку цели (*целеполагание*) и ее достижение (*целеосуществление*).

Таким образом, большинство исследователей объединяет понимание того, что жизненные стратегии – это способ организации жизни личности, индивидуальность которого проявляется у разных людей степенью проявления таких характеристик как активность, ответственность, творчество, целеполагание и целеосуществление, воля и др.

Интересно отметить, что далеко не все ученые рассматривают стратегию как рациональное образование, формирующееся в определенной структуре деятельности личности. По мнению В.А. Горяниной и И.К. Масалкова [8, с. 161], стратегия является исходным материалом для декодирования субъективного опыта и «представляет собой отрабатываемую мозгом последовательность репрезентаций и операций, ведущую к конкретной цели, но при этом независимую от содержательной направленности поведения». Каждый фрагмент стратегии – это этап ментального процесса (программы), для которого характерно использование одного из пяти чувств (внутреннего или внешнего).

Проблема типологизации жизненных стратегий

Вопрос типологий интересен рассмотрением различных оснований, которые выбираются авторами для их разработки.

Так, например, В.Е. Купченко [9] считает, что для выделения основных параметров жизненных стратегий необходимо использовать три системы *планирования деятельности* – притяжения, саморегуляцию и удовлетворенность, предложенные К.А. Абульхановой-Славской.

Современные исследователи (О.С. Васильева, Л.С. Самсоненко, Е.А. Смирнов и многие другие) активно используют в своих работах классификацию Ю.М. Резника, который выделил три основных типа стратегий жизни: *стратегия благополучия, стратегия жизненного успеха и стратегия самореализации*.

Эти типы основаны на обобщенных представлениях о том, к чему, как правило, стремятся в жизни люди. Содержание этих стратегий определяется *характером социальной активности* личности. Так, рецептивная («потребительская») активность является основой стратегии жизненного благополучия. Предпосылкой стратегии жизненного успеха выступает, прежде всего, мотивационная («достиженческая») активность, которая рассчитана на общественное признание. Для стратегии самореализации характерна творческая активность.

По мнению Ю.М. Резника [15], жизненные стратегии личности различаются между собой по характеру ведущей ориентации или доминирующей форме активности и подразделяются на несколько типов: индивидуалистические, коллективистские и персоналистические стратегии, стратегии благополучия, успеха и самореализации. При этом каждому из указанных типов стратегического ориентирования личности соответствует та или иная модель жизненного поведения. Всего Ю.М. Резник выделил три таких модели – жизнеобеспечение, жизнестроительство и жинетворчество.

В качестве основания классификации жизненных стратегий Р. Пехунен [13] предлагает рассматривать способ, которым личность разрешает возникающие *жизненные конфликты* между требованиями и возможностями социальной среды и привычным образом жизни личности. Несмотря на то, что данный автор типологизирует жизненные стратегии по иному основанию, нежели ранее упомянутые нами ученые, однако подсистемы личности, которые «отвечают» за выработку различных аспектов жизненной стратегии, по мнению Р. Пехунена, включают схожие (с другими авторами) характеристики: целеполагающие, характеристики достижения жизненных целей и эмоциональные характеристики (обратная связь как степень открытости выражения эмоции успеха или неудачи).

Наличие различных (и схожих) точек зрения указывает на сложность и специфичность рассматриваемого научного вопроса.

Проблема исследования жизненных стратегий социальных и профессиональных групп

Существуют попытки классифицировать не только индивидуальные стратегии, но и стратегии социальных групп. Так, например, проблеме формирования стратегии жизни *молодежи* посвящено теоретическое исследование Т.Е. Резник [14], содержащее описание моделей стратегического поведения и жизненных стратегий молодежи. Основанием может служить тип доминирующей ориентации, определяющей содержание жизненной стратегии молодого человека (модель жизнеобеспечения, соответствующая жизненной стратегии благополучия, модель жизнестроительства, соответствующая стратегии успеха и модель жизнестворчества, соответствующая стратегии самореализации).

Интересной, но не бесспорной, представляется мысль автора о том, что большинство российской молодежи вынужденно реализует *модель выживания* и формирует в своем сознании стратегию выживания. Пределом целеполагания становится обеспечение себя (своей молодой семьи) самыми необходимыми средствами жизни. Реализуемая модель выживания и одномерного потребления ведет к постепенной деградации личности. Стратегия выживания играет роль психосоциальной защиты – средства, снижающего уровень страха до допустимых пределов: мечты и цели молодого человека становятся более чем скромными.

Еще одна дискуссионная мысль, на наш взгляд, заключается в том, что в известном смысле можно говорить, как считает Т.Е. Резник, о формировании «*рынка личностных стратегий успеха*». При этом продуктивной признается та стратегия, которая пользуется в обществе наибольшим спросом. Вместо обычного представления об успехе как статусном продвижении, восхождении по социальной лестнице, появляется более сложное, многоплановое определение жизненного успеха, учитывающее возрастающую роль знания и информации. Однако этот тезис противоречит акмеологическим принципам стремления к гармонизации внутренних усилий и внешних факторов успеха – встает вопрос цены личностных стратегий успеха.

Более близка нашему пониманию мысль Н. Федотовой [20], которая отмечает, что на рефлексивном уровне традициями у нашего соотечественника заложена модель поведения ценностно-рационального типа в отличие от предлагаемой обществу западной модели целерационального типа. В реальном поведении молодежи, по мнению автора, отчетливо проявились два основных типа стратегий: пассивный и активный. Данное утверждение пересекается с мыслью К.А. Абульхановой-Славской, которая также определила, что все жизненные стратегии делятся на два общих типа – активные и пассивные [1, с. 247]. Проведя собственное исследование, Н. Федотова с учетом данного типологического основания выделила следующие типы жизненных стратегий молодежи: пассивная рефлексивно-запаздывающая стратегия, пассивная умеренно-приспособительная стратегия, активная позитивно-карьерная стратегия, активная позитивно-инструментальная стратегия, активная криминально-карьерная стратегия.

Исследования жизненных стратегий государственных служащих особо актуальны. Представляет интерес статья Е.А. Смирнова «Жизненные стратегии государственных служащих», в которой автор приводит анализ относительно новой проблемы – жизненного самоопределения и стратегического ориентирования личности государственного служащего [19]. Остановимся на основных положениях, изложенных в статье, более подробно.

Опираясь на системно-деятельностную концепцию жизненных стратегий личности, Е.А. Смирнов предлагает не только определение и типологию стратегических ориентаций госслужащего, но и обосновывает необходимость их дифференцированного изучения в зависимости от модели государственной службы, вида социального управления, типа бюрократии и типа самих госслужащих, системы их отбора и продвижения. В зависимости от социокультурных условий предложено апеллировать к трем типам стратегий жизни госслужащих – *стратегии благополучия, успеха и самореализации*.

В качестве оснований дифференциации стратегий жизни госслужащих Е.А. Смирнов предлагает рассматривать те или иные социальные и социально-психологические факторы (тип социальной организации, тип госслужбы, категория и тип работников и др.) [19, с. 114–115].

Автором сделаны следующие предположения [19, с. 117]:

- в странах с развитой рыночной экономикой в перспективном ориентировании госслужащих преобладает стратегия жизненного успеха;
- в странах и регионах, находящихся на стадии перехода от административно-плановой экономики к экономике рынка, деятельность госслужащих регулируется и направляется главным образом стратегией жизненного благополучия, а государственная служба превращается в один из главных источников жизнеобеспечения.

Реальная картина стратегических предпочтений российских госслужащих, по мнению Е.А. Смирнова, такова.

1. Содержание и направленность жизненной стратегии госслужащего зависит, с одной стороны, от уровня развития личностного потенциала, а с другой – от социокультурных и социально-политических условий его жизнедеятельности.

2. Структура стратегии жизни преобладающего типа госслужащего («карьерный тип», «профессионал» и т.д.) определяется непосредственно состоянием и развитием духовно-нравственного потенциала его личности. Эта зависимость прослеживается и устанавливается в большинстве исследований и опросов. «Служение Отечеству», «понимание государственных интересов», «польза обществу и государству» – вот далеко не полный перечень идеологем, определяющих направленность жизни и деятельности подавляющего числа госслужащих профессионального и карьерного типов. Исключение составляют лишь «политические мутанты», а также приспособленцы и карьеристы всех мастей, у которых страх потерять свое положение и престиж приобретает форму психопатологии.

3. Нельзя со всей очевидностью утверждать, что стратегии успеха и стратегии реализации менее всего присущи госслужащим, большинство из которых явно предпочитают устойчивое социальное положение и материальное благополучие.

Несмотря на неоднозначность выводов, работа Е.А. Смирнова крайне важна для продолжения исследований жизненных и карьерных стратегий государственных служащих и будет, безусловно, учтена в наших дальнейших разработках.

Проблема методов и методик исследования жизненных стратегий

Сложное и недостаточно разработанное проблемное поле, охватывающее мир жизненных стратегий личности, побудило Т.Е. Резник, Ю.М. Резника и Е.А. Смирнова обратиться в своих работах [14–16, 20] к познавательным и методологическим возможностям *комплексного анализа*.

Комплексное, системное исследование жизненных стратегий, предложенное Ю.М. Резником, учитывает единство психических и социальных, интернальных и экстернальных сторон стратегической деятельности личности. Оно включает, следовательно, два взаимосвязанных аспекта: анализ внешних рамок этой деятельности и изучение ее внутреннего состояния. В первом случае стратегия жизни рассматривается в более широком контексте человеческой деятельности, а во втором – с точки зрения его структурных компонентов и взаимосвязей [15].

М.О. Мдивани и П.Б. Кодесс в работе «Методика исследования жизненных стратегий личности» [10] выделили два основных методических подхода к изучению жизненных стратегий:

- исследования особенностей планирования времени с помощью различных техник личного интервьюирования;
- изучение иерархии представлений о желательном будущем с помощью ранжирования списков целей, планов, событий и т.д.

Указанные авторы разработали экспериментальную методику исследования жизненной стратегии в юношеском возрасте. Содержание психологического будущего молодого человека

оказывает влияние на его активность в настоящем, а формирование временной перспективы является проекцией мотивационной и ценностной сферы.

Кроме того, весьма значимыми для изучения жизненных стратегий являются исследования, использующие методы *психобиографического анализа*, определяющие влияние событий жизни человека на его дальнейшее становление и развитие. Надежным методом исследования жизненных стратегий личности является *биографический метод*, который нацелен на исследование уникальной целостной личности как субъекта жизни. Именно этот метод сочетает в себе аналитичность, строгость научного познания с синтетичностью и метафоричностью художественного описания сложных психологических явлений.

Биографический метод базируется на изучении личности в историческом ракурсе и исследовании перспектив развития ее индивидуального бытия, анализе взаимоотношений со значимыми другими. Данный метод направлен на реконструкцию жизненных программ и сценариев развития личности, пространственно-временной организации ее жизни. Использование биографического метода в современной психологической науке предполагает получение информации посредством применения автобиографических методик (опросников, интервью, тестов, автобиографий), свидетельств очевидцев, исследования продуктов деятельности (контент-анализа дневников и писем, построения кривых продуктивности и диаграмм жизненных измерений).

Уникальность жизненного пути каждого человека показывает *событийно-биографический подход* к изучению психологических феноменов взаимодействия человека и ситуации. Практически все исследователи, затрагивающие интересующую нас тематику, используют этот подход в своих работах. Обращение к проблеме жизненного пути, несомненно, предполагает анализ социальных аспектов человеческого бытия. У Р. Пехунена [14] мы встречаем обращение к роли события (ситуации), благодаря которому личность начинает демонстрировать один из трех подтипов жизненных стратегий: стратегию отказа, стратегию приспособления или стратегию развития. При этом детерминантой формирования и реализации определенного типа стратегий является, по мнению автора, обнаружение жизненного конфликта. *Акме-событийный подход*, в свою очередь, говорит о том, что не только конфликтная ситуация, но и событие с позитивной эмоциональной окраской способно привести к изменениям в личностной сфере человека. Можно полностью поддержать мысль о том, что в целом проблема ситуации – это фундаментальная методологическая проблема соотношения субъективного и объективного, внешнего и внутреннего мира человека.

Обращение к роли событий как неких внешних детерминант формирования стратегий, вновь возвращает нас к работе К.А. Абульхановой-Славской, которая отмечает, что принципиальной стороной жизненной стратегии является вопрос соотношения типа личности со способом жизни, в связи с чем выделяются два критерия жизненных стратегий – внутренний и внешний. К внутреннему критерию относится степень активности личности в построении собственной жизни. Внешним критерием выделения жизненных стратегий являются объективные требования социальной реальности.

Психолого-акмеологический подход (А.А. Бодалев, А.А. Деркач и др.) обращает исследователей к проблемам высших достижений – акме – в жизненном пути личности и связывает понятие акме с качеством субъекта жизни. В последние годы появилось несколько научных работ по исследованию стратегий, выполненных в русле психолого-акмеологической школы. Так, О.В. Москаленко [12] и ее учениками (в частности, в диссертации Т.А. Смахтиной (2008)) было проведено исследование индивидуальных стратегий карьерного роста государственных служащих и выявлено, что существуют группы стратегий карьерного развития, характеризующиеся определенными акмеологическими особенностями, такими как включенность в профессиональную деятельность, готовность преобразования самого себя в соответствии с образцом; изменение внешней действительности и преобразование внутреннего мира субъекта деятельности; активность, сознательность, мотивированность, субъективность, адаптивность. Индивидуальная стратегия карьерного роста личности, по мнению О.В. Москаленко и Т.А. Смахтиной зависит от профессиональных знаний, умений и навыков, карьерных целей и мотивации, эмоционально-волевой и саморегулирующей составляющей карьерного роста.

Данные компоненты стали составными частями теоретической модели индивидуальной стратегии карьерного роста, предложенной учеными. Теоретическая модель индивидуальных стратегий карьерного роста личности включает в себя: профессиональные знания, умения и навыки, эмоционально-волевую и саморегулирующую составляющие, карьерные цели и мотивацию.

Проблема исследования субъективных стратегий личностно-профессионального развития исследуется А.С. Мельничуком [11]. В частности, автором доказано, что использование выражения «субъективная стратегия развития» неявно предполагает наличие класса «объективных» стратегий данного процесса. Определение «субъективный» характеризует принадлежность того или иного феномена к внутреннему миру человека. Под «объективными» традиционно понимаются те явления, которые существуют вне нас, независимо от нашего сознания. В соответствии с таким подходом под «объективной» можно понимать ту стратегию, которая сложилась у другого человека. Структура субъективной стратегии личностно-профессионального развития в образовании включает, по А.С. Мельничуку, следующие блоки: целевой (образ желаемого результата), мотивационно-смысловой, прогностический, содержательный, организационно-содержательный, процессуально-временной, ресурсный.

Подводя итоги анализа научной проблемы индивидуальных жизненных стратегий личности следует отметить, что перечень признаков (субъектность, активность, самореализация и др.), которые выделяет большинство исследователей как присущие жизненным стратегиям и сущностные характеристики этих признаков, позволяют говорить об акмеологическом содержании данного феномена. Считаем возможным ввести понятие *акмеологической жизненной стратегии* личности как наиболее оптимальном для каждого субъекта способе организации своей жизнедеятельности.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с эмпирическим исследованием детерминант формирования индивидуальной жизненной стратегии личности, в частности, в образовании и карьере, продолжением исследований индивидуальных стратегий государственных служащих и представителей других профессиональных групп, созданием диагностического инструментария для исследования индивидуальных жизненных стратегий.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
3. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. 4-е изд. М., 2005.
4. *Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций: Учебное пособие. М., 1998.
5. *Варламова Е.П., Степанов С.Ю.* Психология творческой уникальности. М., 2002.
6. *Васильева О.С., Демченко Е.А.* Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. №2. С.74–85.
7. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000. С. 212–267.
8. *Горянина В.А., Масалков И.К.* Преображение жизненных ситуаций. Эффективные психосоциальные технологии. М., 1999.
9. *Купченко В.Е.* Типологии жизненных стратегий // Актуальные проблемы современной психологии: сб. научных трудов. Вып.1. Омск, 2002. С. 28–34.
10. *Мдивани М.О., Кодесс П.Б.* Методика исследования жизненных стратегий личности // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 146–150.
11. *Мельничук А.С.* Субъективные стратегии личностно-профессионального развития кадров управления. М., 2009.
12. *Москаленко О.В.* Акмеология профессиональной карьеры личности. М., 2007.
13. *Пехунен Р.* Задачи развития и жизненные стратегии // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М., 1987. С.125–129.

14. Резник Т.Е. Стратегии жизни молодежи в обществе риска: проблемы социальной безопасности // Ломоносовские чтения в 2004 году / Россия и социальные изменения в современном мире: Сборник научных докладов в 2-х томах. Т. 2. М., 2004. <http://lib.socio.msu.ru>.
15. Резник Ю.М. Человек и общество (опыт комплексного изучения) // Личность. Культура. Общество. Избранные статьи. 2000. Т.2. вып. 4(6). http://www.reznik-um.ru/lko/jur_reznik_2_3_00.htm
16. Резник Ю.М., Резник Т.Е. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив. М., 1995.
17. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М., 2002.
18. Самсоненко Л.С. Основные параметры построения жизненной стратегии личности // <http://www.rusnauka.com>
19. Смирнов Е.А. Жизненные стратегии жизни государственного служащего // Государственная служба. Научно-политический журнал. 2002. № 4 (18). С.108–118.
20. Федотова Н. Жизненные стратегии молодежи // Сайт Поволжского межрегионального учебного центра: <http://www.pmtuc.ru>.

© Синягин Ю.В., Переверзина О.Ю., Яковлева Ю.А., Полякова А.В., 2010

О.Г. Квасова

К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: временная перспектива, темпоральное единство, темпоральная концепция деятельности, темпоральная работа личности, темпоральная форма

Keywords: time perspective, temporal unity, temporal conception of activity, temporal work, temporal form

Парадигмальная трансформация современной науки от классической рациональности к неклассической, постнеклассической не в последнюю очередь затрагивает и проблему понимания времени. В философии время даже в классических трактовках рассматривалось как априорная форма организации человеческого опыта. В психологии только в последние годы наметился переход от структурно-морфологической трактовки психической деятельности к темпорально-динамической трактовке деятельности и других психических явлений [3]. Наконец, нестабильность, неустойчивость динамических систем, которые становятся предметом современной науки, имеет множество альтернатив своего развития, и требует, в свою очередь, пересмотра концепции линейной темпоральности, распространенной сегодня в научной литературе. Особое место в темпоральной структуре личности, психической деятельности занимает временная перспектива, прояснение и уточнение определения которой в связи с отмеченным парадигмальным сдвигом в современной психологии и является основной целью данной статьи.

Изучение проблемы времени в психологии осуществлялось в целом ряде работ, начиная с исследования переживания длительности у А. Бергсона, внутреннего сознания времени у Э. Гуссерля. Наиболее развернутая классификация направлений изучения различных аспектов психологического времени представлена в работах К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной [1]. Первое направление объединяет исследования нейрофизиологических, психофизиологических особенностей временной организации человека, отраженных в работах Н.Н. Брагиной, Т.А. Доброхотовой, Ю.М. Забродина, Л.В. Бороздиной и других исследователей. К первому направлению также можно отнести изучение процессуально-динамических объективных временных характеристик психики, таких, как скорость запоминания, скорость реакций, темпы,

ритмы нейрофизиологических, психофизиологических процессов, описанных П. Фрессом, изучавшихся Е.Е. Соколовым, исследовавшихся в 60-е годы Д.Г. Элькиным и Т.М. Козиной, рассмотренных Д.Н. Узнадзе. Второе направление объединяет область изучения субъективного отражения объективного времени, механизмов этого отражения: изучение субъективного образа длительности, врожденного чувства времени и способности к осознанной оценке времени, предпринимавшихся С.Л. Рубинштейном, разрабатывавшихся П. Фрессом, Ж. Пиаже, а также Б.И. Цукановым и целым рядом других авторов [1]. Проблемы оценки времени при восприятии объективных длительностей, временных интервалов и феноменов дробления времени интервалами при помощи речевых действий, мысленного счета, изучение возрастных особенностей в восприятии времени также были в фокусе работ С.Л. Рубинштейна, рассматривались в исследованиях А.С. Дмитриева, Т.М. Элькина, Т.М. Козиной. Третье направление включает в себя изучение регуляции времени движений, действий и деятельности, в том же контексте – временной специфики отдельных профессий и их временных характеристик, соотношения, связывания в деятельности или противоречий различных времен: скорости, ритмов психофизиологических процессов, социальных требований и временных норм осуществления деятельности, которое последние годы интенсивно разрабатывается в работах Ю.К. Стрелкова. Четвертое – представляет собой проблематику личностной организации времени жизни и деятельности, то есть временно-пространственной констелляции ценностных отношений личности с миром, времени жизненного пути, «личностного времени», которое представлено последнее двадцатилетие в работах К.А. Абульхановой-Славской, Т.Н. Березиной, В.И. Ковалева; закономерностей в смене фаз жизни и доминирующих тенденций у Ш. Бюллер, временной транспективы субъекта и ее возрастных изменений, связанных с разным ощущением течения времени, которое может субъективно ускоряться и замедляться, сжиматься и растягиваться, что было показано в исследованиях Л.В. Бороздиной и И.А. Спиридонова (1998), А.К. Болотовой и В.А. Штроо (2002); исследование социального пространства-времени детства в работах Д.И. Фельдштейна; представлений человека о динамике жизни, ценностно-временной ориентации жизни, разрабатывавшейся в трудах В.Н. Мясищева, в экспериментах Е.И. Головахи, Л. Кублицкене, В.Ф. Серенковой, в том числе в общественно-исторической детерминации жизни человека в контексте работ Б.Г. Ананьева; изучение временных структур человека как индивида, личности, субъекта деятельности, например, у А. Аарелайда (1978); исследования роли памяти, мышления, воображения в восприятии продолжительных интервалов времени, отраженные в причинно-целевой концепции Е.И. Головахи и А.А. Кроника; переживания времени жизни, транспективе как способности соединять настоящее, перспективу и ретроспективу, предложенные В.И. Ковалевым, и наконец, временной перспективе, рассматриваемой С.Л. Рубинштейном, а также разработанной Л.С. Франком, К. Левиным, Ж. Ньютеном, Р. Кастенбаумом и целой плеядой исследователей в рамках мотивационных, возрастных, психобиографических и общепсихологических подходов.

Мы предлагаем дополнить эту классификацию еще одним направлением изучения времени, осуществляемом в рамках подхода к времени как конструированию опыта жизни человека в темпоральной конструктивной работе личности [3]. Рассмотрим, каким образом различные аспекты изучения временной перспективы могут быть переинтерпретированы в соответствие с данным подходом.

Проблема временной перспективы занимает сегодня особое место в психологических исследованиях человеческого поведения, мотивации, личности, когнитивных аспектов Я-концепции, динамических параметров, а также в последнее время – в экстремальных и кризисных ситуациях. Изучаются разнообразные характеристики и параметры временной перспективы. Наличие в структуре Я-концепции определенных временных «модусов» является традиционными для психологических исследований личности. В работах У. Джемса в понятие «Я-концепция» присутствует не только актуальная самопрезентация, но и то, как сам индивид оценивает возможности своего развития в будущем, своего идеального Я. Многие исследователи обращались и обращаются к идее актуализации того или иного временного «модуса» Я-концепции при анализе мотивации, например, в динамической Я-концепции Ж. Ньютена.

Помимо теорий, подчеркивающих опосредованное влияние ракурса индивидуального самовосприятия на поведение (например, феноменалистского подхода к Я-концепции), сегодня в ряде исследований отмечается и экспериментально подтверждается роль «прошлых» и «будущих» образов Я как непосредственных мотивационных составляющих социального поведения человека, рассмотренных, в частности, в работах Альфреда Шуца. Поскольку формирование Я-концепции рассматривается через призму идентичности, то основное внимание уделяется представлениям человека о своем ближайшем социальном будущем – как, например, желание обретения позитивной социальной идентичности (в частности, в концепциях Г. Тэджфела и Дж. Тэрнера). Экспериментально авторами обнаружены временные различия в характере самоописаний, когда Я воспринимается как Другой. Когда человек описывает свои внутренние состояния, то описания своих прошлых и будущих Я оказываются более бедными, нежели «настоящих» Я, что демонстрирует различие видов работы с опытом, которые использует человек, отчуждая нечто негативное в своем опыте, повторяя позитивные тенденции, или же будучи направлен на укрепление тенденций стойкости к бедствию [3]. Работа со своим опытом, развертывающимся во временной перспективе, происходит и тогда, когда молодые люди осознают свои телесные возможности как обуславливающие характер выбора формы самоопределения в пространстве предстоящих жизненных отношений. Аналогичные данные приводятся западными исследователями, например, Дж. Хэддоком в Европейском журнале социальной психологии в 2006 году в контексте анализа изменения в самовосприятии внешности как функции временной перспективы. Исследователи выделяют и специфические условия для формирования временной перспективы «ментальной проекции мотивационной сферы человека», его ценностных установок, согласно представлениям Н.Н. Толстых, Е.Ю. Мандриковой, И.В. Дубровиной периода 1989-2006 гг. Так, в работе И.В. Дубровиной при сравнении временной перспективы подростков, воспитывающихся в детских домах, и обычных российских школьников обнаружено, что временная перспектива у них глубже, и в ней присутствуют мотивы, связанные с реализацией более отдаленных целей, чем у их сверстников из детского дома, у которых преобладают мотивы ближайшего будущего.

Особая тема современных работ, ставящих проблему временной перспективы – это анализ темпоральных аспектов экстремальных событий – также вызывает необходимость для интерпретации и дальнейшего изучения. Так становится широко распространенным убеждение, что одним из психологических последствий социальных кризисов является нарушение временной перспективы личности, крушение жизненных планов и временная дезориентация субъекта. Часто для этого используются обыденные представления и художественные метафоры: например, указывается, что темпоральные характеристики предельных, экстремальных «модусов существования» включают себя феномены: «обрыва временной перспективы», ее «сужения» или «жизни в отсутствии будущего» с отказом от ее планирования. Так, при исследовании особенностей жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на Чернобыльской атомной станции, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), и без него [4] предпринято изучение качественной структуры изменений представлений о жизненной перспективе при психологической травме различного генеза. Рассматривались эмоциональный компонент субъективной картины будущего – образ будущего и чувства, связанные с ним, и когнитивный компонент – способность индивида проявлять активность по отношению к жизни, строить планы и их реализовывать. Тенденция к искажению перспективы усугубляется с ростом показателей травматизации. Обнаружено, что в случае военной травмы больше деформируется эмоциональный компонент перспективы будущего. Для ликвидаторов аварии на ЧАЭС планирование будущего включает в себя ожидаемую травму, связанную с угрозой здоровью или жизни, независимо от степени исходной травматизации. Исследования подобного рода также показывают, что линейный, более того – однонаправленный характер трактовки временной перспективы ограничивает ее понимание и сводит к так называемой «стреле времени», «перспективе будущего» и т. п.

При анализе временной перспективы и отношения к прошлому, настоящему и будущему у различных социальных групп в условиях экономического кризиса в России [5] выявлено,

что у большей части наших соотечественников временная перспектива сильно сокращена или не определена; значительное количество людей испытывают временную дезориентацию (преимущественная ориентация на прошлое и неопределенность временной ориентации); настоящее время оценивается как исключительно негативное, а прошлое — как позитивное. Оптимизм, диспозиционная надежда, внутренний локус контроля, высокое самоуважение значимо влияют на дальность временной перспективы и выбор ориентации на настоящее и будущее. Ориентированные на настоящее (в большей мере) и на будущее, преимущественно выбирают эффективные виды стратегии совладания с материальными трудностями: личностную адаптацию, рациональную когнитивную и рациональную поведенческую стратегии, ориентированные на прошлое, наоборот, выбирают пассивные неэффективные, формы стратегии.

Популярность области исследования Я-концепции и временной перспективы через призму «автобиографической памяти» объясняется не в последнюю очередь тем, что ее изучение выходит за пределы собственно когнитивного подхода, где этот термин появился. Так, в коллективном исследовании В. Нурковой, О. Митиной, Е. Янченко [6] изучается эффект «пика воспоминаний», заключающийся в непропорционально высоком количестве личных воспоминаний, относящихся к возрасту 15–30 лет, когда во временной организации культурно типичных жизненных сценариев выявляется событийное «сгущение», придающее эффекту «пика» характер универсальной закономерности. Наряду с этим в субъективной картине прошлого обнаруживается и индивидуальная конфигурация наиболее воспроизводимых автобиографических событий, которые группируются вокруг воспоминаний о переломных событиях жизни. Данный факт может свидетельствовать о том, что жизненные события личности, в том числе автобиографические события, размещены в темпорально-смысловой структуре жизненного мира и располагаются в зависимости от смыслового содержания события, характеристик дискретности или связанности, направления, психологической близости, наличия переходных феноменов, конструктивной работы с опытом — согласно трансформационной концепции темпоральной работы личности М.Ш. Магомед-Эминова [2, 3].

В ряде исследований [10] воспоминания прошлых действий и поведения рассматривается через призму визуализации временной перспективы, что показывает возможность интерпретировать этот процесс воспоминания как процесс конструирования и размещения событий жизни в сферическом пространстве-времени жизненного мира [3], а не в рамках традиционного линейного представления о времени личности как «отрезке» жизненного пути или формально-логической представленности образов прошлого, настоящего и будущего.

Припоминание, направленное на автобиографические воспоминания, связанные с желательными характеристиками для сохранения позитивного Я-образа, можно объяснить в терминах конструктивной темпоральной работы личности, направленной на конструирование историй, нарративов, конструирование автобиографий, наконец, на конструирование идентичности личности.

Всевозможные искажения в воспроизведении событий жизни исследуются традиционно как экспериментально созданные ложные автобиографические взгляды, воспоминания, и интерпретируются с точки зрения пристрастий человеческого сознания [8]. В исследовании роли влияния темпорального фокуса на интенсивность аффективных пристрастий в восприятии будущих ожидаемых событий изучались ожидаемые позитивные и негативные реакции на будущие и уже произошедшие события. Предполагалось, чем больше человек фиксирован на ожидаемом событии и больше отрицает прошлый опыт, тем более ожидаемые реакции от будущего события кажутся интенсивными, и чем больше ожидаемые события рассматриваются через призму прошлого опыта, тем в меньшей степени прогноз этих событий будет интенсивно эмоционально оцениваться и переживаться [7]. Изучение отношения, взгляда человека на свое будущее и прошлое происходит часто путем побуждения людей в экспериментальной ситуации припомнить значимые эпизоды своей жизни [9]. Так, авторы показывают, что люди легко припоминают прошлые эпизоды, содержащие как взлеты, так и падения, но склонны воображать будущее как целиком позитивное, и не склонны уделять большое внимание негативным аспектам будущего. При попытке воспроизвести будущие

возможные позитивные и негативные события позитивные — воспроизводились сразу, а негативные требовали на это больше времени.

Для объяснения подобных феноменов продуктивным представляется концепция М.Ш. Магомед-Эминова, в которой показано, что темпоральность выступает как темпоральная деятельность человека, как деятельность по конструированию, порождению временной формы. Временная форма рассматривается четырехмерно: три модуса времени связываются в протяженную целостность. Если следовать этому подходу, то временную перспективу следует дифференцировать: на временную форму и конструирование человеком временной формы, то есть временной перспективы.

Временная перспектива с точки зрения различных аспектов ее традиционного изучения: динамическая Я-концепция, автобиографические воспоминания, а также протяженность, структурированность, плотность, экспансивность временной перспективы, соотношение ее с различными возрастными этапами и т. д. — также может быть подвергнута дифференциации. Так, например, темпоральную идентичность человека, а также «автобиографическую» идентичность личности необходимо отличать от темпоральной работы личности, в которой эта идентичность конструируется. Следовательно, во временной перспективе отмечается размещение бывшей, настоящей и будущей идентичности. Очевидно, что без признания темпоральной работы связывания этих темпоральных форм идентичности, связывания в темпоральной протяженности целостности мы не можем объяснить целостность человека.

Для дальнейшего обобщения и анализа понятия временной перспективы выдвинем следующее определение: временная перспектива — это темпоральное единство модусов прошлого, настоящего и будущего в истории жизни личности. Конструирование истории бытия личности происходит в темпоральной работе личности: опыт может приобщаться и отчуждаться, размещаться в жизненном мире человека в соответствии со смысловой работой. Опыт жизни не просто вспоминается, а конструируется в работе личности и размещается в пространстве жизненного мира в единстве модусов настоящего, прошлого и будущего.

Литература

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. *Время личности и время жизни*. СПб., 2001.
2. Магомед-Эминов М.Ш. *Трансформация личности*. М., 1998.
3. Магомед-Эминов М.Ш. *Позитивная психология*. Т.1. М., 2008.
4. Миско Е.А., Тарабрина Н.В. Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии ЧАЭС // *Психологический журнал*. 2004. №3. С. 44–52.
5. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // *Психологический журнал*. 2000. №4. С. 5–21.
6. Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «сгущения» в субъективной картине прошлого // *Психологический журнал*. 2005. №2. С. 22–32
7. Buehler R., McFarland C. Intensity bias in affective forecasting the role of temporal focus // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol. 27. P. 1480–1493.
8. Mazzoni G., Vannucci M. Hindsight bias, the misinformation effect, and false autobiographical memories // *Social Cognition*. 2007. Vol.25. P. 203–220.
9. Newby-Clark I.R., Ross M. Conceiving the past and future // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. P. 807–818.
10. Sanitioso R.B. Motivated self and recall: visual perspectives in remembering past behaviors // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38. P. 566–575.

И.А. Геронимус

**АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ПЛАНИРОВАНИЯ КАРЬЕРЫ
В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ**

Ключевые слова: временная перспектива, профессиональная перспектива, жизненная позиция, планирование карьеры

Keywords: future time perspective, professional perspective, life position, career planning

В последнее время растет интерес психологов к изучению временной перспективы. Она выступает в качестве объекта исследования в различных областях психологии. Изучение структуры временной перспективы и процесса ее построения является актуальной задачей и в рамках исследования процесса профессионального самоопределения и планирования карьеры.

В данной статье представлен оригинальный подход к проблеме планирования карьеры, в рамках которого планирование профессионального развития рассматривается как процесс построения временной перспективы в области профессиональной деятельности. Теоретико-методологическим основанием для разработки данного подхода явились методологический принцип личности как субъекта жизненного пути, теория жизненной перспективы, разработанная и обоснованная К.А. Абульхановой и ее сотрудниками [1], а также принципы культурно-исторической теории Л.С. Выготского.

Как отмечает Ж. Нюттен, термину «временная перспектива» в психологической литературе придается нескольких различных значений [4]. Мы будем рассматривать временную перспективу в наиболее распространенном значении – как целостное представление человека о своем будущем.

Профессиональную перспективу мы рассматриваем как одну из составляющих временной перспективы и определяем ее как совокупность представлений человека о своем профессиональном развитии в будущем. В этой связи подходы к исследованию и построению временной перспективы могут быть применены и к профессиональной перспективе.

При анализе построения профессиональной перспективы мы исходим из того, что процесс профессионального развития личности имеет две содержательные линии: внутреннюю и внешнюю. С одной стороны, профессиональное развитие является одной из составляющих индивидуального психического развития человека и предполагает качественные изменения в психике человека в результате выполнения им профессиональной деятельности. Однако, согласно принципам культурно-исторической теории Л.С. Выготского, процесс психического развития человека неотделим от той социальной ситуации, в которой он находится, и определяется теми задачами, которые ставятся перед человеком его социальным окружением [2]. В этой связи профессиональное развитие личности включает в себя не только появление качественных изменений в психике, но и динамику изменения социальных отношений и взаимодействий, которые определяются профессиональной деятельностью.

Человек, как субъект своего профессионального развития сталкивается с необходимостью сопоставить и согласовать две выделенные нами линии профессионального развития и выстроить систему социальных связей и отношений в рамках профессиональной деятельности таким образом, чтобы они в наибольшей степени способствовали развитию в желаемом для него направлении (реализации его профессионального потенциала, способностей и склонностей, жизненных замыслов и ценностных ориентаций).

Основным механизмом, с помощью которого личность может согласовать и сопоставить внутренний и внешний аспект профессионального развития, является построение профессиональной перспективы.

Построение профессиональной перспективы часто рассматривается как задача возрастного развития, связанная с определенной социальной практикой (необходимостью выбора направления получения профессионального образования после окончания школы). В контексте акмеологического подхода, изучающего закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости, построение гармоничной профессиональной перспективы является необходимым условием успешной реализации профессионального потенциала человека и на других этапах жизни.

Отметим, что временная перспектива может не только открывать для человека возможность дальнейшего успешного развития в желаемом для него направлении, но и, наоборот, препятствовать этому процессу, дезорганизовывать поведение или даже закрывать существующие у личности возможности [1, 3]. В этом контексте особенно важно определить, какой должна быть профессиональная перспектива, чтобы способствовать гармоничному развитию личности.

Развивая подход С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульханова выделила три вида перспектив (или три типа личности с выраженными особенностями их жизненных перспектив): когнитивная, мотивационная и жизненная перспективы [1]. Отметим, что только жизненная перспектива, которая основывается на прошлом жизненном опыте и поддержана уже достигнутым человеком к настоящему времени уровнем жизни, гарантирует возможность успешного развития человека в будущем, так как при наличии когнитивной перспективы и мотивационной готовности путь для успешного развития в будущем может быть закрыт тупиковой жизненной позицией личности [1, с. 41].

Отметим, что рассмотрение временной перспективы в контексте жизненного пути личности в целом является отличительной особенностью подхода К.А. Абульхановой. Преобладающим подходом к изучению жизненных перспектив является рассмотрение их вне контекста жизненного пути (хотя, несомненно, учитываются традиционно выделяемые составляющие: прошлое, настоящее и будущее). Существующие связи между прошлым опытом личности и репрезентациями будущего подробно рассматриваются лишь в рамках нарративного подхода [7]. Однако существенным ограничением нарративного подхода, с нашей точки зрения, является отсутствие разграничений между объективными особенностями жизненного пути личности и субъективным способом интерпретации личностью своего жизненного опыта. Это ограничение преодолевается в интегральном подходе к жизненному пути К.А. Абульхановой.

Подход К.А. Абульхановой реализовался в выделении трех составляющих: жизненной позиции, жизненной линии и перспективы [1]. Опираясь на эту концепцию, мы поставили новую задачу: выявить влияние жизненной позиции на временную перспективу, учитывая при этом и характер жизненной линии. Жизненная позиция определяется К.А. Абульхановой следующим образом: «Жизненная позиция есть результирующая достижений личности (и в этом смысле она аккумулирует ее прошлый опыт). Но поскольку эти достижения в направлении самореализации воплощены не только в качестве самой личности, но и в достигнутой ею расстановке жизненных сил, жизненная позиция есть некоторый жизненный потенциал для будущего. И в этом качестве она связана с жизненной перспективой: достигнутые уровень и качество жизни (ценностное, духовное, материальное) открывают личности новые возможности самореализации» [1, с. 26].

Профессиональную позицию мы понимаем как одну из важных составляющих жизненной позиции личности, которая включает в себя жизненный опыт личности, связанный с профессиональной деятельностью. Таким образом, гармоничная профессиональная перспектива личности должна основываться на уже полученном личностью жизненном опыте в области профессиональной деятельности, а если жизненный опыт беден (низкий уровень), неуспешен, то выработка профессиональной перспективы чрезвычайно затруднена.

Мы выделили следующие составляющие профессиональной позиции личности, каждая из которых оказывает специфическое влияние на формирование профессиональной перспективы:

- ценностно-смысловая сторона профессиональной деятельности;

- вневременные интегральные способности личности, представленные в самосознании;
- представление о своей профессиональной пригодности (способности и личностные качества);
- профессиональные знания, умения, навыки;
- социальный статус личности.

При этом первые три составляющие определяются не только объективными характеристиками жизненного пути человека, но и субъективным способом интерпретации полученного жизненного опыта, а следующие описывают более формальные характеристики, связанные со статусом человека в профессиональном сообществе и обществе в целом.

Рассмотрим выделенные нами составляющие профессиональной позиции.

Первой основной составляющей является ценностно-смысловая сторона профессиональной деятельности. Обобщая и анализируя жизненный опыт, личность определяет, какие ценностные ориентации и смыслы она может реализовать в рамках профессиональной деятельности.

В формировании профессиональной перспективы ценности являются основой для создания человеком представления об идеальной ситуации профессионального развития, которое может служить конечным ориентиром его профессионального движения. Отталкиваясь от этого конечного ориентира, личность может ставить себе те или иные профессиональные цели в контексте конкретной жизненной ситуации.

Для того чтобы представление о желаемом состоянии дел в области профессиональной деятельности имело устойчивый характер, человеку необходимо не только сформировать представление о ценностно-смысловой стороне своей профессиональной деятельности, но и определить, какая именно система социальных отношений и связей может оптимальным образом способствовать реализации этих ценностей.

Отталкиваясь от этого ориентира, личности необходимо построить согласованную между собой систему приоритетов профессионального движения, на основании которых будет возможно гибко ставить различные профессиональные цели в зависимости от конкретных жизненных условий.

Таким образом, в оптимальном случае ценностные ориентации представлены в профессиональной перспективе в форме репрезентации желаемого профессионального положения личности, как конечного ориентира и в форме согласованной системы приоритетов профессионального развития.

Следующей составляющей профессиональной позиции, тесно связанной с ценностями личности, являются представленные в самосознании вневременные интегральные способности. Составляющими самосознания являются: общее представление человека о себе, о своих сильных и слабых сторонах, характерных особенностях, способах взаимодействия с окружающим миром. Важнейшим в самосознании личности является выраженность способностей личности, как субъекта жизненного пути: инициативы и ответственности.

Согласно принципу единства сознания и деятельности, самосознание человека формируется только в процессе деятельности, в контексте реальных социальных отношений [5]. Формирование самосознания личности является активным процессом интерпретации человека своего жизненного опыта. Интегральные способности и особенности личности могут быть представлены в самосознании человека совершенно по-разному в зависимости от того, какое субъективное значение личность придает зависимости жизни от ее самой, своей роли и месту в жизненных отношениях.

Представление о своей профессиональной пригодности (способности и личностные качества) как составляющая профессиональной позиции включает себя представление о соответствии способностей личности профессиональным условиям и характеристикам профессии в целом. Знание того, какие профессионально важные качества необходимы для успешного развития в данной профессиональной области, и представление о степени своего соответствия этим качествам определяет формирование конкретных целей и планов в рамках профессионального развития личности. Представление о своей профессиональной пригодности также формируется личностью на основе анализа успешности выполнения ею

различных видов деятельности. Отметим, что и в этой области также существенным является субъективный способ интерпретации личности полученного ее опыта.

Еще одной важной составляющей профессиональной позиции являются профессиональные знания и навыки. Они могут гарантировать дальнейшее успешное профессиональное движение. С другой стороны, человек может отказаться от полученных знаний и навыков и избрать деятельность в другой профессиональной области.

Под социальной позицией мы понимаем формальный и неформальный статус в различных более или менее широких социальных группах и сообществах. При построении профессиональной перспективы невозможно не учитывать актуальную социальную позицию личности, как некую стартовую позицию для дальнейшего профессионального движения.

В контексте описанных нами составляющих жизненной позиции мы можем предположить, что гармоничной является такая профессиональная перспектива, которая сформирована на основе жизненной позиции личности, и в которой все составляющие жизненной позиции отрефлексированы и соотнесены между собой, а отсутствие осознания различных составляющих жизненной позиции или согласованности между ними является причиной противоречий и затруднений в формировании профессиональной перспективы.

Не рассматривая детально особенностей разных типов жизненных линий, можно определенно выделить их зависимость от жизненной позиции, оптимальность / неоптимальность, непрерывность/прерывность. Но в особенностях последней не меньшую роль, чем сама личность играет реальная социальная ситуация, сложившаяся в российском обществе. Для достижения удовлетворительного жизненного уровня (качества жизни, обеспеченности) личность *вынуждена* менять «место работы», т. е. вид профессиональной деятельности. С одной стороны, это приводит к разрушению линии профессионального развития, зачеркиванию статуса и достижений прошлого, с другой — иногда личность обнаруживает новые, потенциальные, то есть до сих пор не реализованные способности, которые могут привести к успешной новой деятельности.

По-видимому, эти особенности будущего личность должна предвидеть на всех этапах своего профессионального становления. Это предвидение связано с трудностями и противоречиями построения ее жизненной перспективы. В этой связи мы обращаемся к анализу не только теоретически оптимальной жизненной и профессиональной перспективы, но и к трудностям и противоречиям ее построения.

Разрешение этих трудностей и противоречий — одна из важных задач, стоящих перед личностью как перед субъектом жизненного пути. Представленная нами модель жизненной позиции позволяет создать новый подход к описанию противоречий возникающих в процессе формирования профессиональной перспективы и способам их разрешения.

Мы выделили следующие виды противоречий, которые могут возникать при формировании профессиональной перспективы:

1. *Отсутствие взаимосвязи между профессиональной перспективой личности и ее ценностными ориентациями.* В этом случае профессиональное движение с большой вероятностью не будет иметь устойчивой направленности, последовательности, а будет носить ситуативный и хаотический характер.
2. *Затруднение в выборе между несколькими направлениями профессионального движения.* Это затруднение связано с отсутствием согласованности между различными ценностными ориентациями представленными в профессиональной перспективе. Неумение соотнести и согласовать различные ценностные ориентации, представленные в профессиональной деятельности, часто мешает личности сформировать образ желаемой профессиональной позиции и определить основное направление дальнейшего профессионального движения.
3. *Субъективное несоответствие между качествами и способностями личности и выбранным ею направлением профессионального развития.* Это затруднение связано с тем, что, несмотря на наличие образа желаемого будущего и системы приоритетов профессионального движения, личность субъективно воспринимает себя как неспособную достичь поставленной ею цели, не видит у себя необходимых для этого качеств и умений

4. *Несоответствие социальной позиции и полученных знаний, умений навыков и выбранного направления профессионального движения.*

Обобщая представленный нами подход к планированию карьеры, отметим, что задача планирования своего профессионального пути актуальна не только в подростковом возрасте после окончания школы, но и на более поздних этапах профессионального развития. Однако при построении профессиональной перспективы личность часто сталкивается с препятствиями и затруднениями (некоторые из которых связаны с актуальными социальными условиями, а некоторые с внутренними конфликтами и противоречиями самой личности) и испытывает потребность в психологической помощи. Представленный оригинальный подход к изучению структуры и механизмов профессиональной перспективы личности позволил нам, опираясь на уже имеющиеся в данной области методы, разработать практическую методику консультирования личности по проблеме профессионального самоопределения и планирования карьеры. Проведенное пилотажное исследование в целом продемонстрировало эффективность данной методики и необходимость ее дальнейшего апробирования и совершенствования.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Время личности и время жизни. М., 2001.
2. *Выготский Л.С.* Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестн. Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. № 4. С. 5–18.
3. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000. С. 272–276.
4. *Нютен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004.
5. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 2006.
6. *Cohran L.* Career counseling: a narrative approach. Sage publications. 1997.

© Геронимус И.А., 2010

И.В. Бабакова

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Ключевые слова: профессиональная деятельность, компетентность, виды компетентности, информационная система, информационное обеспечение деятельности,

Keywords:

В психологических и акмеологических исследованиях последнего времени проблема компетентности и ее специальных видов – профессиональной, социальной, личностной, психологической, акмеологической и других выходит на ведущие позиции как по объему исследований, так и по количеству публикаций. Это связано прежде всего с интенсивной разработкой проблемы профессионализма в общей акмеологии и ее прикладных направлениях. Однако, несмотря на интенсивное развитие акмеологической отрасли знания применительно к проблеме компетентности в профессиональной деятельности, недостаточно изученными остаются системные свойства компетентности, механизмы ее формирования и развития, логические и функциональные связи между различными видами компетентности, а также некоторые ее виды, являющиеся необходимыми для практики. К одному из таких видов компетентности, важного для эффективного функционирования структур власти, относится компетентность специалистов информационно-аналитических

служб. Особую значимость приобретает акмеологический акцент этой проблемы. Это связано со спецификой информационно-аналитической деятельности, с теми новыми задачами, которые стоят перед специалистами этой сферы деятельности и обуславливают необходимость их постоянного саморазвития и самосовершенствования, овладения новыми для них видами компетентности.

В настоящее время профессиональная деятельность специалистов информационно-аналитических служб в государственных и других органах власти гораздо в большей мере, чем раньше связана с удовлетворением информационных потребностей, переработкой огромного количества разнообразной информации, необходимой для достижения поставленных целей. Поэтому можно сказать, что основой деятельности любой современной структуры власти является та или иная информация. Она составляет информационную основу деятельности.

Под информационной основой деятельности понимается совокупность информации, позволяющей организовать деятельность в соответствии с вектором «цель – результат». Для формирования продуктивной информационной основы деятельности необходимо ее структурирование и наличие соответствующей информационной системы. В рассматриваемом случае информационной системой называется специфический способ организации знаний, специально рассчитанный на наиболее эффективное их использование для решения определенного рода профессиональных задач.

Деятельность по формированию информационной системы называется информационным обеспечением. Собственно информационно-аналитическое обеспечение всех структур государственной власти является главной функциональной составляющей деятельности информационно-аналитических служб.

Анализ характера деятельности, связанный с информационно-аналитическим обеспечением, позволил выявить структуру компетентности специалистов этой сферы. К основным из компонентов компетентности относятся: коммуникативный, аналитический, организационный, PR-компетентность, связанная с организацией так называемой представительской деятельности. Рассмотрим эти компоненты компетентности подробнее.

Коммуникативная компетентность. Основной ее характеристикой является умение общаться с людьми, готовность личности к общению в плане развития соответствующих ценностей, установок, умений. К составляющим коммуникативной компетентности относятся: во-первых, умение вступать в коммуникацию с другими людьми, постоянно поддерживая с ними нужные контакты; во-вторых, владение и умение оперировать смысловой информацией, которая характеризует как общую, так и профессиональную эрудицию вне зависимости от сферы деятельности и т. д. В настоящий момент кроме обозначенных, в качестве первостепенных и необходимых, но, как оказалось, недостаточно развитых выступают: IT-компетентность и вербальная компетентность. Это связано с тем, что во властных структурах преимущественно работают специалисты гуманитарного профиля, не имеющие специальной подготовки работы с IT-технологиями, а современный документооборот осуществляется в значительной степени через компьютерную связь. Кроме того, тенденция развития коммуникаций между различными акторами взаимодействия властных и обслуживающих их структур такова, что в недалеком будущем эти процессы будут осуществляться в основном на безличностной основе, что также потребует специальных знаний, умений и навыков.

Необходимость развития вербальной компетентности обусловлена тем, что большинство руководителей среднего и низшего уровня государственной власти, за исключением незначительного их числа, не владеет навыками грамотной, логически выстроенной, доступной речи и возлагает обязанности по подготовке своих выступлений на специалистов информационно-аналитических служб. Но, как показывает практика, сами специалисты этого профиля также не способны оптимально решать эти задачи. Все это актуализирует проблему развития данных качеств специалистов информационно-аналитических служб.

Организационная компетентность специалиста информационно-аналитических служб – это совокупность ориентированных на организацию личной работы и кооперацию в совместной деятельности взаимозависимых и избирательных связей специалистов с элементами организационной среды и другими сотрудниками (как руководителями, так и рядовыми

сотрудниками). Содержательная составляющая организационной компетентности связана со структурой организационных отношений, которая представлена в сознании специалиста и служит основой его организационного поведения. Организационные отношения, складывающиеся в процессе реализации организационной функции, обеспечивают закрепление конкретных профессиональных функций и конкретного участка работы за каждым сотрудником, согласованное взаимодействие между структурными звеньями и отдельными специалистами. Все это является общими положениями, относящимися к описанию организационных отношений и организационной компетентности в рамках любого вида профессиональной деятельности.

Однако специфика деятельности специалистов информационно-аналитических структур заключается в том, что здесь организационная деятельность выступает самостоятельным видом по сопровождению функционала организации ведения, в рамках этой деятельности ей предписаны определенные организационные функции. Это требует наличия у специалистов информационно-аналитических структур особых организаторских качеств и способностей, например, связанных с подготовкой и проведением различного рода представительских мероприятий, встреч, конференций и т. д. Поэтому организационная составляющая такой деятельности для специалистов этого профиля играет ключевую роль. А организационная компетентность специалистов информационно-аналитических структур должна являться их неотъемлемым качеством.

Аналитическая компетентность. С точки зрения акмеологии, сущность аналитической компетентности характеризуется содержанием, отличным от описательных и объяснительных конструктов. Особенность этого вида компетентности связана со спецификой аналитической деятельности, в процессе которой объекты познания превращаются в структуры мышления, становятся логическими формами, то есть способами анализа, синтеза, категориализации.

С помощью аналитической деятельности в информационно-аналитических структурах решается целый комплекс исследовательских задач:

- осуществляется оценка состояния того или иного явления или процесса, выявление проблемных ситуаций;
- производится их сравнительный анализ, в результате чего определяются приоритетные направления, наиболее актуальные и возможные для их поэтапного решения;
- прослеживается процесс их изменения до конструктивного результата.

Тем самым из инструмента научного познания в результате аналитической деятельности происходит формирование представлений о возможности преобразования и конструирования практической сферы жизнедеятельности.

Практическая сущность аналитической деятельности выражается в необходимости доведения ее результатов до прогнозирования, проектирования, программирования. По итогам аналитической деятельности должен создаваться определенный механизм информационно-аналитического взаимодействия всех субъектов, участвующих в решении стоящих проблем.

Эти задачи аналитической деятельности позволяют сформулировать следующие ее особенности: во-первых, аналитическая деятельность из инструмента познания, из средства получения актуальной информации превращается в инструмент преобразования; во-вторых, она направлена на изучение «внешних» и «внутренних» условий и обстоятельств развития явления или процесса; в-третьих, аналитическая деятельность всегда направлена на решение какой-либо практической задачи (например, под разработку концепции социальной политики в сфере занятости населения и т.д.), поэтому эта деятельность в рамках информационно-аналитической структуры всегда практикоориентирована и привязана к конкретному объекту.

Важной составляющей аналитической деятельности является ее прогнозирующая функция. К этапам прогнозирования относятся: проблемная постановка вариантов развития ситуации, включая поиск и выявление потенциальных «критических точек», характерных для будущего состояния явлений или процессов; анализ и оценка полученного варианта их развития; разработка положений программы с учетом выбранного варианта.

Исходя из специфики этого вида деятельности, аналитическую компетентность специалистов информационно-аналитической структуры можно определить как способность решать аналитические, исследовательские, прогностические задачи, обеспечивающие эффективность конструирования и программирования решения практических проблем.

Таким образом, аналитическая деятельность является необходимой предпосылкой осмысления и поиска оптимального решения насущных задач, а аналитическая компетентность специалистов информационно-аналитических служб — важной составляющей их профессиональной компетентности.

Компетентность PR-деятельности (представительской деятельности). Условно этот вид деятельности в отечественной транскрипции получил название «связь с общественностью». Это особый вид профессиональной деятельности, направленный на создание благоприятных условий для двустороннего общения тех или иных субъектов индивидуального или группового уровня. Можно сказать, что эта деятельности возникла из функциональной потребности найти такой способ управления, при котором субъект и объект управления существовали бы не как разнополюсные, подчас антагонистические, разделенные субстанции, а как взаимозависимые субъекты отношений. Под субъектами в данном случае подразумеваются лидеры, исполнительные органы, различного уровня организации и рядовые сотрудники. В большинстве случаев этот вид деятельности трактуется как управленческая деятельность.

Наиболее интенсивное развитие этого вида деятельности началось с развитием электронных средств массовой коммуникации и информации, когда появилась новая возможность создания информационной картины мира, совпадающей или отличающейся с той социальной реальностью, которая сконструирована в обществе. Общие требования к управленческой деятельности применительно к деятельности специалистов по связям с общественностью, по мнению исследователя этого вида деятельности В.Г. Зызыкина, выглядят следующим образом:

- знание потребностей и интересов потенциальной социальной базы, по отношению которой выстраиваются отношения определенной структуры государственной власти и его руководства;
- знание и обеспечение необходимых характеристик субъекта управления в лице ее руководителей (это прежде всего информированность о профессиональных, идеологических, психологических характеристиках их работников), наличие актуальной информации об экономическом, политическом, идеологическом уровне развития того или иного региона, о политической ориентации их исполнительных и законодательных органов власти, региональных лидеров и т.д.;
- создание и развитие информационной системы прямых и обратных связей, гибкость и адаптивность специалистов по отношению к условиям высокой динамики экономических и политических процессов и др.

Данный перечень по существу раскрывает специфику этого вида профессиональной деятельности и определяет основные компетентностные характеристики специалиста этого направления. Специалисты этой сферы деятельности не только планируют и информационно обеспечивают деятельность той или иной структуры, но они ее организуют и «представляют» публике, то есть ответственны за ее позитивный имидж. Эта деятельность по существу интегрирует и коммуникативные, и организационные, и аналитические функции. Поэтому компетентностные характеристики специалиста по связям с общественностью также имеют интегративный характер, который, на наш взгляд, имеет еще творческую доминанту.

Таким образом, подводя общий итог характеристике деятельности специалистов информационно-аналитических служб, можно прийти к выводу, что эта деятельность имеет многофункциональный характер и обуславливает особую компонентностную и содержательную структуру их профессиональной компетентности, что требует наличия определенного «набора» психологических и акмеолого-психологических личностных качеств специалистов, реализующих эту деятельность.

Методология исследования психологической, личностной составляющей профессиональной деятельности специалистов различного профиля разработана в акмеологии. Она

базируется на основополагающей идее о том, что профессионализм деятельности имеет две составляющие. Одна из них – профессионализм деятельности, вторая – профессионализм личности. Исследование профессионализма личности осуществляется на основе различных подходов и принципов. В настоящее время главными из них признается принцип субъектности или принцип субъекта деятельности и принцип развития (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, А.А. Деркач, А.К. Маркова, А.С. Огнев, Ю.В. Синягин и др.). Признаками субъектности определены следующие характеристики личности: активная ориентировка в новой ситуации, материале; осознание (структуры своей деятельности, качеств личности, содержания этапов жизненного пути); инициатива, самостоятельное целеполагание, планирование, предвосхищение; интенсивная включенность в деятельность; стремление к самоэффективности, самоконтролю, самокоррекции, владение приемами саморегуляции; осознание противоречий своего развития, их устранение, обеспечение баланса и гармонии; постоянная настроенность на саморазвитие и самообновление; стремление к самореализации и творческому созиданию; интеграция своего профессионального пути, структурирование и упорядочение своего профессионального опыта и опыта других.

Принцип развития в профессиональной деятельности означает признание необходимости постоянного самосовершенствования и саморазвития, что повышает вероятность освоения субъектом нововведений, инновационных начинаний, и в конечном итоге повышает успешность и эффективность деятельности.

Эти психологические и акмеологические характеристики являются основой личностных, психологических качеств специалистов информационно-аналитических служб.

Предпосылкой обладания такими качествами являются разносторонние знания. К ним относятся: знание основ организационной работы, психологии общения, составной частью которой являются коммуникативные, перцептивные, интерактивные знания умения, навыки, а также знание современных информационных технологий.

Это предполагает планирование и организацию процесса личностно-профессионального развития, кадрового продвижения, определение перспективности того или иного сотрудника, которые требуют от руководителей таких подразделений высокой ответственности.

© Бабакова И.В., 2010

И.В. Бабичев

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ

Ключевые слова: развитие профессионализма, правоохранительные органы, акмеологические технологии

Ключевые слова: development of professionalism, law-enforcement system, akmeological technologies

Значимость вопросов, связанных с развитием профессионализма в целом трудно переоценить. В современной психологической науке проблемам профессионализма личности уделяется достаточно пристальное внимание. Имеющиеся научные разработки по различным видам профессиональной деятельности позволяют утверждать то, что имеет место быть существенное продвижение в вопросах понимания сущности профессионализма как психологического феномена. В психологии труда это работы Е.А. Климова по проблемам профессионального самоопределения, В.Д. Шадрикова по проблемам системогенеза профессиональной деятельности, Е.П. Ермолаевой по изучению преобразующих и идентификационных аспектов профессионализма, Д.И. Завалишиной по анализу взаимосвязи профессионального развития и профессионального мышления. В инженерной психологии это разработки

В.А. Бодрова по психологии профессиональной пригодности, Ю.К. Стрелкова по проблемам операционно-смысловой структуры профессионального опыта, ошибок в деятельности специалиста, Г.С. Никифорова по проблемам самоконтроля и надежности профессиональной деятельности, Г.В. Суходольского по психологической теории деятельности.

Но наиболее многосторонне профессионализм как явление рассматривается в акмеологии. Являясь интегративной наукой, акмеология предлагает интегративный подход к изучению профессионализма как такового, а также условий и факторов, влияющих на его успешное развитие. Этот подход подразумевает использование достижений как различных разделов психологической науки – психологии развития, психологии труда, социальной психологии, психологии профессионального здоровья и долголетия, инженерной психологии и др., так и других наук – педагогики, философии, социологии и др.

Подобный подход нашел свое отражение в работах А.А. Деркача [2-5], А.А. Бодалева [1], В.Г. Зазыкина [6], Н.В. Кузьминой и др.

Представляется, что именно акмеологические принципы и подходы должны быть максимально востребованы в изучении вопросов профессионализма работников правоохранительных органов и специальных служб.

Актуальность данной темы продиктована не только стабильно высоким уровнем преступности в стране, но и ростом коррупции в правоохранительных структурах.

Подобные факты находят отражение в средствах массовой информации и усиливают имеющееся в обществе недоверие к силовым ведомствам, ограничивают уровень необходимого социального взаимодействия гражданских институтов и правоохранительных органов, что в конечном итоге сказывается на результатах борьбы с преступностью и снижает иммунитет государства в противостоянии угрозам национальной безопасности.

Кроме того, в последнее время участились случаи совершения сотрудниками милиции особо тяжких преступлений, которые получили широкий общественный резонанс. Стоит ли говорить о том, что подобные факты совершенно недопустимы, так как коренным образом сказываются на имидже государства, как внутри страны, так и в международном сообществе.

Для эффективного противодействия возникшим негативным тенденциям в правоохранительной сфере необходимо понимание того, что является причиной их возникновения.

Первой очевидной причиной является недостаточная эффективность работы по подбору и проверке кандидатов на службу в силовых структурах. Причем речь не только об устаревших методах психологического и психофизиологического исследования кандидатов. В большинстве правоохранительных ведомств они достаточно наработаны и доказали свою состоятельность в течение нескольких десятилетий.

Основная проблема заключается в отсутствии достаточного конкурса на замещение вакантных должностей в оперативных подразделениях правоохранительных органов и силовых структур.

Во многом это является следствием недостаточного внимания, уделяемого на государственном уровне вопросам социальной защищенности сотрудников правоохранительных органов, а также сформировавшегося в обществе мнения о непрестижности работы в правоохранительных органах. Эти факторы имеют решающее значение, так как сложившаяся на данном этапе общественного развития система ценностей предполагает ориентирование на реализацию имеющихся способностей и возможностей исключительно в целях достижения материального благополучия, максимального уровня потребления и высокого социального статуса.

Вследствие вышеизложенного, кадровые подразделения правоохранительных структур вынуждены работать с достаточно ограниченным контингентом кандидатов на замещение вакантных должностей в подразделениях, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Иногда этот процесс напоминает откровенное «латание дыр».

Между тем, данный вид юридической деятельности предполагает наличие у лиц, его осуществляющих, целого ряда специфических профессионально важных качеств, формирующихся на основе развитых способностей, прежде всего, интеллектуальных, коммуникативных, а также способностей к саморегуляции.

Проведенное нами методом экспертных оценок ($N = 45$) исследование позволило выделить основные специальные требования, которые оперативно-розыскная деятельность предъявляет к оперативным работникам:

- способность к высокой концентрации внимания;
- способность к быстрому запоминанию зрительной информации;
- способность к быстрому запоминанию слуховой информации;
- умение выделить в информации существенное, главное (логическое мышление);
- способность быстро находить правильные решения при дефиците времени (быстрота мышления);
- способность действовать нешаблонно, быстро корректировать план действий в изменяющейся обстановке;
- умение правильно оценить окружающих, выявить их сильные и слабые стороны;
- умение легко вступать в контакт с людьми;
- самообладание и выдержка;
- высокий уровень ответственности за исполняемую работу;
- способность к быстрому установлению контактов с людьми;
- способность находить наиболее целесообразную форму общения в зависимости от индивидуальных особенностей собеседника.

Кроме того, в ходе исследования нами подтвержден тезис о том, что некоторые выраженные черты характера (акцентуации характера) и их развитие в ходе профессиональной деятельности оказывают непосредственное влияние на успешность выполнения оперативными сотрудниками своих функциональных обязанностей.

Так, результаты проведенного тестирования по методу ММРП позволяют говорить о том, что оперативные сотрудники с выраженной гипертимностью (9 шкала) и пониженной интроверсией (0 шкала) имеют более высокие результаты профессиональной деятельности.

Из всего вышесказанного следует, что требования, предъявляемые профессией, носят достаточно конкретный характер и должны учитываться в ходе кадрового отбора.

Однако решение задач, связанных с развитием профессионализма специалистов оперативно-розыскной деятельности, не должно ограничиваться диагностикой кандидатов на службу, а также реагированием на возникающие проблемы психологического характера, как отдельных сотрудников, так и оперативных коллективов.

Известно, что лучшее решение проблемы – это создание условий, исключающих возможность ее возникновения. Для реализации данной концепции на практике необходим постоянный мониторинг состояния и развития основных психических функций и профессионально важных способностей и качеств оперативных работников правоохранительных органов. Кроме того необходима разработка и внедрение внутри силовых ведомств развивающих технологий, ориентированных на личностное и профессиональное становление специалистов оперативно-розыскной деятельности. Решением подобных задач могло бы стать создание в структуре силовых ведомств специальных психолого-акмеологических служб.

Вопросы создания и функционирования подобных служб подробно исследуются на кафедре акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Особенности и направления работы, регламент психолого-акмеологических служб рассматривают в своих кандидатских диссертациях М.А. Анаев (2002), Е.Б. Касьян (2007) и др.

Представляется, что внедрение современных психолого-акмеологических технологий совместно с управленческими решениями, направленными на решение вопроса социальной защищенности сотрудников правоохранительных органов, позволят решить основную проблему в этой сфере – кадровую. Только подготовленные специалисты, уделяющие постоянное внимание повышению собственной профессиональной компетентности, развитию имеющихся способностей и нацеленные на внутреннюю гармонизацию, способны качественно решать задачи по обеспечению государственной безопасности и защите конституционных прав граждан.

Литература

1. *Бодалев А.А.* Вершина в развитии взрослого человека: характеристика и условия достижения. М., 1998.
2. *Деркач А.А.* Акмеология: личностное и профессиональное развития человека: В 5 кн. Акмеологические основы управленческой деятельности. Кн.2. М., 2000.
3. *Деркач А.А.* Личностно-ориентированный подход к развитию и саморазвитию государственных служащих. М., 2002.
4. *Деркач А.А., Зызыкин В.Г., Маркова А.К.* Психология развития профессионала. М., 2000.
5. *Деркач А.А., Кузьмина Н.В.* Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. М., 1993.
6. *Зызыкин В.Г.* Акмеографический подход в развитии профессионализма государственного служащего. Психология воздействия в деловом общении. М., 1999.

© Бабичев И.В., 2010

А.А. Клевцов

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: стиль деятельности, когнитивные стили, самореализация, смысло-жизненные ориентации, личностные особенности

Keywords: style of activity, cognitive styles, self-realization, valued orientations, personality features

Проблема самореализации личности — одна из наиболее разрабатываемых в последние десятилетия тем исследований в психологии. Данный феномен достаточно хорошо изучен с точки зрения его структуры, детерминант, личностных особенностей и т. д. Менее изученной является проблема взаимосвязи самореализации с типологическими и стилевыми особенностями человека. С точки зрения системного подхода, психика представляет собой многоуровневое образование. Разные уровни связаны между собой как субординационно, так и координационно [1]. Также вполне доказанным можно считать факт, что проявления любой деятельности человека имеют определенные стилевые особенности [2]. В данной работе нами сделана попытка теоретического и эмпирического анализа взаимосвязи разных уровней проявления психики, с точки зрения ее стилевой организации.

Проблема самореализации личности только с недавнего времени обрела статус психологической проблемы. Следует отметить, что наряду с термином «самореализация», который в последнее время все чаще встречается в психологической литературе, используются близкие к нему термины (например, «самоактуализация» или «саморазвитие»). Так, представления о самореализации в зарубежных теориях ориентированы на нормы гуманистического познания. В связи с этим анализ представлений о самореализации личности в зарубежных психологических теориях требует привлечения подчас достаточно обширного теоретического контекста, соответствующего рассматриваемым психологическим концепциям. Для отечественной психологии характерен фундаментальный подход к психологическим понятиям. Различные методологические основания порождают различия в качестве анализа.

Представления о самореализации личности в зарубежных психологических теориях (А. Адлер, К. Роджерс, Э. Фромм, К. Гольдштейн, А. Ангъял, А. Маслоу) в большей степени носят описательный (феноменологический) характер и базируются на гуманистическом подходе. Подчеркнем, что они опираются на философские представления о самореализации

и не обозначают собственно психологическую сущность представлений о самореализации, характерных для уровня современной психологической науки. В них отсутствуют психологические категориальные построения. Всем им свойственно понимание самореализации (самоактуализации) как врожденного свойства человека.

Проведенный анализ представлений о самореализации личности в отечественных психологических теориях свидетельствует о том, что истоки представлений о самореализации присутствовали в контексте других психологических проблем и, в то же время, очевидно, что самореализация не являлась предметом специального изучения и не была выделена как самостоятельная психологическая проблема до недавнего времени. Это позволяет не только обозначить самореализацию как психологическую проблему, требующую отдельного научного изучения, но и продвинуться в понимании собственно психологической сущности самореализации как предмета исследования.

По мнению Л.А. Коростылевой, самореализация как психологическая проблема предполагает, прежде всего, исследование особенностей внутреннего мира людей с разным уровнем самореализации в основных сферах жизнедеятельности во взаимосвязи с их индивидуальными личностными свойствами, а также изучение особенностей стратегий, способствующих самореализации.

В последние десятилетия в психологии познания все более активно стал проявляться интерес к индивидуальной специфике интеллектуальной деятельности, которая в общем виде была обозначена термином «познавательные стили». Понятие «познавательный стиль» акцентировало внимание исследователей на индивидуальных различиях в способах изучения реальности.

Общепризнанным среди исследователей является положение «об обусловленности стилевых закономерностей свойствами человеческой индивидуальности». Именно психологи обратили внимание на дифференцирующие признаки, являющиеся следствием предпочтений человека, и обратились к научному анализу стилевых проявлений, отражающих различие в способах взаимодействия людей с окружающим миром и друг с другом [3].

Однако представление о стиле неоднозначно. Представлению о стиле как способе самопроявления творческой, спонтанной индивидуальности противостоит понимание стиля как формальной характеристики, придающей поведению или деятельности человека лишь форму, никак не связанную с содержанием, сущностью личности. В настоящее время по мере продвижения исследований в направлении изучения стилевых проявлений обретает обоснованность и устойчивость точка зрения, приближенная в большей мере к пониманию стиля как способа самопроявления творческой, спонтанной индивидуальности в контексте деятельности и жизнедеятельности с учетом субъективной, субъектно-объектной и когнитивной составляющих.

В ходе теоретического анализа проблемы взаимосвязи самореализации и особенностей познавательной деятельности (когнитивных стилей), нам неоднократно встречались утверждения о тесной взаимосвязи когнитивных стилей и личностных особенностей [3, 4]. Причем упоминалось как о зависимости личностных особенностей с определенными когнитивными стилями (Г. Уиткин), так и об обусловленности когнитивных стилей особенностями личности.

На основании проведенного теоретического анализа нами была выдвинута гипотеза о наличии взаимосвязи когнитивных стилей и особенностей самореализации. Для проверки выдвинутой гипотезы нами было спланировано и проведено эмпирическое исследование, цель которого состояла в том, чтобы выявить структуру и степень взаимосвязи когнитивных стилей и самореализации личности. Предмет исследования – взаимосвязь когнитивных стилей и особенностей самореализации.

В качестве переменных для анализа выступали когнитивные стили человека, то есть принадлежность человека к одному или другому полюсу данного стиля, различные характеристики самореализации. Исследовались три когнитивных стиля: полнезависимость–полнезависимость, узость–широта диапазона эквивалентности, гибкость–ригидность когнитивного контроля. Данные стили были выбраны потому, что они являются наиболее

исследованными как в теоретическом плане, так и в плане их диагностики, а также это единственные стили, которые можно исследовать внелабораторных условиях. В характеристики самореализации личности включены как субъективные критерии, например, удовлетворенность самореализацией и удовлетворенность процессом жизни, так и объективные показатели, например, ориентация во времени, локус контроля и т. д. Перед проведением исследования выдвигалась гипотеза о наличии достоверной взаимосвязи когнитивных стилей и самореализации личности.

В исследовании приняли участие 53 человека (33 женщины и 20 мужчин). Средний возраст испытуемых составлял 40 лет (в пределах от 31 до 52 лет). Все испытуемые проживали в Кемеровской области. Социально-экономический статус испытуемых был примерно одинаковым. 39 человек имели высшее образование, 14 человек – средне-специальное и неоконченное высшее.

Для комплексного решения поставленных задач применялись следующие методы: анализ научно-психологической и специальной литературы, соответствующей теме исследования; беседа, наблюдение, анкетный опрос, методы математической статистики. Использовались методики: тест «Включенные фигуры» Г. Уиткина, «Свободная сортировка понятий», тест словесно-цветовой интерференции Дж. Струпа [3], тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, самоактуализационный тест, адаптированный Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, М.В. Загикой и М.В. Крозом.

Исследование проводилось в несколько этапов. На начальном этапе исследования были сформулированы цель, задачи, выдвинута гипотеза, произведен отбор методик обследования и испытуемых.

На следующем этапе проводился сбор эмпирических данных. Обследование испытуемых проводилось индивидуально. Сначала предлагалось выполнить методики исследования когнитивных стилей: тест Г. Уиткина, методику «Свободной сортировки» и тест Дж. Струпа, затем испытуемые заполняли бланки тестов СЖО и САТ.

Затем проводилась первичная обработка данных исследования (подсчет баллов, деление испытуемых на группы). В зависимости от результатов выполнения методики для исследования того или иного стиля, исходная выборка была поделена на две группы для каждого стиля. В эти группы вошли испытуемые, чьи результаты по когнитивным методикам отличались от среднего более чем на величину стандартного отклонения. Таким образом, для каждого стиля получилось две полярные группы. Далее проводилась статистическая обработка результатов исследования методом однофакторного дисперсионного анализа и последующая формулировка выводов.

На заключительном этапе исследования проводилась статистическая обработка результатов исследования, а также их анализ и интерпретация.

Как уже упоминалось выше, на основании результатов выполнения методик на выявление особенностей когнитивных стилей все испытуемые были разделены на две группы по каждому стилю. Отбор в группы производился по следующему принципу: в группы включались только те испытуемые, результаты которых превышали стандартное отклонение от среднего значения для всей выборки. Таким образом, были сформированы группы испытуемых с полярными характеристиками по каждому когнитивному стилю. В результате в группу полезависимых вошли 13 испытуемых, в группу полenezависимых – 8 испытуемых; в группу испытуемых с узким диапазоном эквивалентности – 8 испытуемых, в группу с узким диапазоном эквивалентности также 8 испытуемых, в группе с гибким когнитивным контролем оказалось 12 испытуемых и в группе с ригидным когнитивным контролем 13 испытуемых.

Для статистической обработки данных нами использовала программа SPSS 13.0. В качестве основного метода статистической обработки нами был избран дисперсионный анализ, с проверкой на гомогенность дисперсий по критерию Ливеня.

При дисперсионном анализе в качестве нулевой гипотезы (H_0) выдвигалось предположение об отсутствии взаимосвязи когнитивных стилей и самореализации личности. В качестве альтернативной гипотезы (H_1) – предположение о наличии достоверной взаимосвязи когнитивных стилей и самореализации. В результате статистического анализа данных, вы-

явлены статистически значимые различия средних в группах испытуемых с когнитивным стилем полнезависимость—полнезависимость по следующим шкалам теста СЖО: осмысленность жизни ($F = 24,528$; $p = 0,01$), локус контроля Я ($F = 21,545$; $p = 0,01$), локус контроля жизнь ($F = 82,113$; $p = 0,01$); и по шкалам теста САТ: компетентность во времени ($F = 7,651$; $p = 0,01$) и поддержки ($F = 18,613$; $p = 0,01$). Выявлено статистически значимое взаимодействие когнитивного стиля узость—диапазона эквивалентности и следующих характеристик самореализации: осмысленность жизни ($F = 9,310$; $p = 0,01$), удовлетворенность процессом жизни ($F = 15,170$; $p = 0,01$), убежденность в управляемости жизни ($F = 21,974$; $p = 0,01$) и компетентностью во времени ($F = 4,934$; $p = 0,05$). Также выявлены достоверные различия в группах испытуемых с ригидным и гибким когнитивным контролем по следующим параметрам: осмысленность жизни ($F = 16,012$; $p = 0,01$), определенность целей в жизни ($F = 4,836$; $p = 0,05$), удовлетворенность процессом жизни ($F = 20,712$; $p = 0,01$), локусом контроля Я ($F = 33,930$; $p = 0,01$), локусом контроля жизнь ($F = 21,292$; $p = 0,01$), а также компетентностью во времени ($F = 21,292$; $p = 0,01$).

Таким образом, в результате проведения дисперсионного анализа мы можем отвергнуть гипотезу H_0 и принять альтернативную гипотезу H_1 , так как нами было выявлено наличие статистически значимой взаимосвязи когнитивных стилей и большинства рассматриваемых нами параметров самореализации.

На основании проведенного дисперсионного анализа можно заключить, что испытуемые с разными когнитивными стилями отличаются друг от друга по ряду параметров. Полнезависимые люди отличаются более глубокой осмысленностью жизни, отличаются уверенностью в собственных силах, верят в то, что сами могут управлять своей жизнью, а также склонны пребывать в настоящем, испытывая всю полноту бытия. Это описание вполне соответствует описанию личностных характеристик полнезависимого стиля, сделанным Г. Уиткиным. Полнезависимые испытуемые менее склонны задумываться о смысле своего существования, более пассивны и неуверенны в собственных силах и полагаются на помощь окружающих людей, более фаталистичны и склонны застревать в прошлом или будущем, упуская настоящее.

Люди, отличающиеся узким диапазоном эквивалентности, чаще задумываются о смысле своей жизни и удовлетворены ее процессом, живя большей частью в настоящем, что может быть следствием убежденности в управляемости процессом жизни и наличии доверия к процессу жизни. Испытуемые с широким диапазоном эквивалентности категорий склонны верить в предрешенность своего существования и жить либо прошлым, либо будущим, не задумываясь о смысле жизни.

У лиц с гибким когнитивным контролем обнаруживается высокая рефлексия относительно смысла своей жизни, но этим людям не свойственно ставить перед собой грандиозные цели и следовать им, они склонны жить сегодняшним днем и получать от этого удовольствие, не особо задумываясь о прошлом и будущем. Они решают встающие перед ними проблемы по мере их поступления, уверенно справляясь с трудностями жизни. Ригидность когнитивного контроля связана с такими особенностями самореализации как прожектерство, «застревание» в прошлом или будущем, низкую удовлетворенность настоящим. Выявленные особенности самореализации согласуются с данными других авторов, занимающихся проблемой когнитивных стилей.

На основании проведенного эмпирического исследования взаимосвязи когнитивных стилей и особенностей самореализации личности можно сделать следующие выводы.

Анализируемые нами когнитивные стили статистически значимо взаимосвязаны с большинством рассматриваемых характеристик самореализации. Следовательно, можно констатировать тесную взаимосвязь этих феноменов. Выявленные в ходе исследования особенности самореализации и личностные особенности людей с разными когнитивными стилями, соответствуют описаниям других авторов, занимающихся изучением личностных особенностей людей с различными когнитивными стилями [2, 4].

В данной работе исследовалась взаимосвязь когнитивных стилей и особенностей самореализации личности. Изучение взаимосвязи позволяет выявить отличия, или особенности,

самореализации людей, обладающих разными когнитивными стилями. Поэтому большой интерес для дальнейшего изучения представляет исследование влияния когнитивных стилей на стратегии самореализации и возможности целенаправленно изменять данные стратегии путем расширения диапазона используемых когнитивных стилей.

В ходе эмпирического исследования было найдено подтверждение многим положениям, обсуждаемым в ходе теоретического анализа. Выявлена достоверная взаимосвязь рассматриваемых когнитивных стилей с большинством характеристик самореализации личности, что позволяет считать выдвинутую в начале исследования гипотезу подтвержденной. Также на основании результатов исследование нами было составлено описание личностных характеристик людей с различными когнитивными стилями, что может учитываться в практической работе психологов-консультантов.

В целом можно сказать, что поставленная цель и связанные с ней задачи были полностью реализованы в ходе теоретического и эмпирического исследования проблемы взаимосвязи когнитивных стилей с особенностями самореализации. Результаты, полученные в данной работе, могут использоваться в когнитивной, социальной, педагогической психологии и психологии личности. Также результаты данной работы могут использоваться в работе психологов-консультантов, которые имеют дело с клиентами, испытывающими затруднения в самореализации.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб., 2002.
2. *Ильин Е.П.* Психология индивидуальных различий. СПб., 2004.
3. *Коростылева Л.А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб., 2005.
4. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. М., 2002.

© Клевцов А.А., 2010

**ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КАДРОВ УПРАВЛЕНИЯ**

Ключевые слова: кадры управления, ценностные ориентации, ответственность

Keywords: personnel management, value orientation, responsibility

Роль способа дифференциации объектов по их значимости и оснований для оценок человеком окружающей действительности и ориентации в ней играют ценностные ориентации. Выступая как внутриличностный ориентир, ценностные ориентации побуждают человека к активности и определяют ее направление, то есть выступают в качестве ее ценностных детерминант.

Ответственность как качество, обеспечивающее субъектный контроль в любых сферах жизнедеятельности человека, также имеет закономерные ценностные основания.

В качестве таких оснований выступает уровень ценности ответственности, который выражается через уровень значимости ценностной ориентации на ответственность.

Особенности проявления ценностных детерминант ответственности в целом по выборке. При анализе уровня значимости ценностной ориентации на ответственность кадров управления в выборке в целом оказалось, что максимальное значение данной ценностной ориентации составляет 18 баллов, минимальное - 3 балла, медиана – 13 баллов. Выборка распределилась по уровням значимости ценностной ориентации на ответственность следующим образом (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Группы, выделенные по уровню значимости ценностной ориентации на ответственность в выборке в целом (n=200)

Уровень значимости (баллы)	Количество человек	%
Высокий (16 и более)	56	28
Средний (от 10 до 15)	90	45
Низкий (9 и менее)	54	27

В группе с низким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность средний балл составил 5,9 балла, в группе с высоким уровнем - 17,3 балла.

При сравнении групп с низким и высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность было установлено, что они значимо различаются по уровню поведенческой (соответственно 8,37 и 9,37 балла при $p=0,000$) и эмоциональной (соответственно 7,33 и 7,82 балла при $p=0,014$) ответственности, выраженности самоуверенности (соответственно 7,69 и 8,20 балла при $p=0,013$) и потребности в социальном одобрении (соответственно 12,17 и 13,84 балла при $p=0,009$).

Таким образом, для участников исследования с высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность характерны:

- охотное, добровольное и осмысленное принятие новых обязанностей;
- беспокойство за качественное и своевременное выполнение деятельности;
- самостоятельное преодоление трудностей в процессе деятельности;
- исключение внешнего контроля при планировании и осуществлении деятельности;
- качественное и своевременное выполнение деятельности;
- представление о себе как о самостоятельном, волевом, энергичном, надежном человеке, которому есть за что себя уважать;
- стремление заслужить одобрение своих поступков от значимых окружающих людей.

В то же время участники исследования с низким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность отличают:

- нежелание брать на себя новые обязанности;
- страх перед возможными трудностями при выполнении деятельности и нежелание их преодолевать;
- отсутствие переживаний по поводу нарушения сроков и некачественного выполнения деятельности;
- невыполнение данных обещаний;
- стремление избегать ответственности;
- частое нарушение сроков деятельности, низкое качество ее результатов;
- неудовлетворенность собой и своими возможностями,
- сомнения в способности вызывать уважение окружающих.

Особенности проявления ценностных детерминант ответственности были проанализированы также в зависимости от возраста и пола участников исследования.

Особенности проявления ценностных детерминант ответственности у мужчин до 37 лет и моложе. Анализ показал, что с повышением значимости ценностной ориентации на ответственность в данной группе повышается поведенческая ответственность ($r=0,428$ при $p=0,002$), уровень потребности в социальном одобрении ($r=0,330$ при $p=0,019$). Кроме того, уровень значимости ценностной ориентации на ответственность оказался отрицательно взаимосвязан с командной ролью «руководитель» ($r=-0,339$ при $p=0,016$) и положительно – с командной ролью «мотиватор» ($r=0,313$ при $p=0,027$).

При сравнении в данной подгруппе респондентов с низким и высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность (соответственно 6,2 и 17,1 балла при $p=0,000$) были выявлены различия в выраженности поведенческой ответственности (соответственно 8,5 и 10,1 балла при $p=0,001$) и командной ролью «руководитель» (соответственно 7,1 и 4,3 балла при $p=0,014$).

На наш взгляд, мужчины до 37 лет и младше с высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность более эффективно, чем мужчины с низким уровнем значимости, реализуют свою ответственность в конкретных действиях и поступках. В то же время они ниже и, вероятно, более адекватно оценивают свои способности к руководству командной деятельностью.

Особенности проявления ценностных детерминант ответственности у мужчин 37 лет и старше. В данной группе с повышением значимости ценностной ориентации на ответственность повышается, как и в выборке в целом, уровень поведенческой ($r=0,291$ при $p=0,016$) и эмоциональной ($r=0,346$ при $p=0,004$) ответственности.

Необходимо также отметить, что в данной подгруппе выявлена взаимосвязь стажа с ценностными ориентациями на неудачу ($r=0,238$ при $p=0,050$) и чувство долга ($r=0,284$ при $p=0,019$).

При сравнении в данной подгруппе респондентов с низким и высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность (соответственно 4,8 и 17,8 балла при $p=0,000$) были выявлены различия в эмоциональной ответственности (соответственно 7,1 и 7,9 при $p=0,028$).

Таким образом, мужчины 37 лет и старше с высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность положительно относятся к принятию новых обязанностей, обещаниям, трудностям в процессе деятельности; переживают за качество и своевременное исполнение работы, огорчаются, если не выполняют порученное или запланированное самостоятельно.

У мужчин 37 лет и старше с низким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность явно негативное отношение к выполнению своих обязанностей, страх перед трудностями и нежелание отвечать за сделанное или несделанное.

Особенности проявления ценностных детерминант ответственности у женщин до 37 лет и моложе. В данной подгруппе с ценностная ориентации на ответственность взаимосвязана с уровнем поведенческой ответственности ($r=0,359$ при $p=0,011$), выраженностью отражен-

ного самоотношения ($r=0,304$ при $p=0,034$), командной ролью «снабженец» ($r=0,329$ при $p=0,021$).

Таким образом, с повышением значимости ценностной ориентации на ответственности женщины до 37 лет и младше начинают более самостоятельно, качество и вовремя выполнять поставленные задачи; уверены в том, что окружающие уважают и одобряют их; считают себя способными обнаруживать за пределами группы новые идеи, разработки и ресурсы, налаживать полезные для команды внешние контакты и проводить переговоры.

При сравнении в данной подгруппе участников с низким и высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность (соответственно 6,8 и 17,2 балла при $p=0,000$) были выявлены различия в уровне поведенческой ответственности (соответственно 7,5 и балла при $p=0,019$), выраженности самоуверенности (соответственно 7,4 и 8,4 балла при $p=0,029$) и отраженного самоотношения (соответственно 7,0 и 8,5 балла при $p=0,007$), командной роли «снабженец» (соответственно 6,7 и 9,9 балла при $p=0,030$).

Можно говорить о том, что женщины до 37 лет и младше с высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность качественно и в срок решают поставленные извне и самостоятельно задачи, умеют работать за пределами своей команды в ее интересах, считают себя самостоятельным, волевым, энергичным, надежным человеком, которому есть за что себя уважать и которого уважают и одобряют окружающие.

Особенности проявления ценностных детерминант ответственности у женщин 37 лет и старше. В данной подгруппе уровень значимости ценностной ориентации на ответственность взаимосвязан с когнитивной ответственностью ($r=0,347$ при $p=0,048$), с командной ролью «генератор идей» ($r=0,546$ при $p=0,001$).

Можно говорить о том, что с повышением значимости ценностной ориентации на ответственность женщины 37 лет и старше начинают рассматривать ответственность как способность самостоятельно планировать и осуществлять деятельность, осознают значимость собственной деятельности для других и необходимость качественного и своевременного ее выполнения, перед началом осуществления ответственной деятельности стремятся четко прогнозировать ее. При этом повышается их способность выдвигать новые идеи стратегии в командной деятельности.

При сравнении в данной подгруппе участников с низким и высоким уровнем значимости ценностной ориентации на ответственность (соответственно 5,9 и 17,1 балла при $p=0,000$) были выявлены различия в значимости ряда ценностных ориентаций (табл. 2).

Таблица 2

Различия в уровне значимости ценностных ориентаций в группах с высокой и низкой значимостью ценностной ориентации на ответственность в группе женщин 37 лет и старше

Ценностные ориентации	Оценка значимости в зависимости от уровня ценностной ориентации на ответственность (баллы)		Уровень значимости различий
	Низкий	Высокий	
Самореализация	12,1	16,0	0,020
Свобода	12,1	16,9	0,003
Я сам	13,1	16,8	0,039
Карьера	4,1	15,1	0,000
Семья	15,4	17,6	0,050
Здоровье	14,1	16,7	0,040
Совесьть	11,9	17,5	0,000
Работа	10,4	16,4	0,003
Друзья	15,9	17,8	0,006

Таким образом, исследование позволило показать взаимосвязь между значимостью ценностной ориентации на ответственность и особенностями проявления ответственного поведения кадров управления.

А.В. Коноваленко

МОТИВАЦИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: мотивация, учебная деятельность, познавательная активность, профессиональное образование

Keywords: motivation, learning activity, cognitive activity, vocational education

Важным резервом повышения эффективности учебно-образовательной деятельности является обращение к мотивационной сфере личности обучающихся. В связи с этим одной из важных проблем профессиональной подготовки является проблема формирования и оптимизации познавательной мотивации как исходного условия и постоянно действующего фактора, обеспечивающего успешный учебно-образовательный процесс. Знание закономерностей генезиса, развития и функционирования мотивационной системы личности, знание мотивационных механизмов регуляции познавательной деятельности позволяет существенно повысить эффективность учебной деятельности и снизить функциональные нагрузки.

К числу актуальных вопросов мотивационной детерминации познавательной активности вообще и учебно-образовательной деятельности в частности относятся:

- вопросы структурного строения мотивационной системы личности будущих специалистов на начальном этапе профессионального образования;
- психологический анализ трудностей процесса учебной деятельности с начального этапа профессионального образования;
- формирование мотивационной готовности к учебно-познавательной деятельности;
- разработка основ психолого-акмеологического обеспечения этого процесса в организационном, технологическом, личностно-мотивационном аспектах.

Проблема мотивации учебной деятельности школьников интенсивно разрабатывалась в трудах Л.И. Божович, А.К. Марковой, П.М. Яковсона, В.Э. Чудновского, в научной школе В.В. Давыдова и Д.Б. Эльконина. К этой проблеме неоднократно обращались С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев; ряд вопросов мотивации учебной деятельности рассматриваются в работах Е.П. Ильина, В.К. Вилюнаса, М.Ш. Магомед-Эминова. Проблема мотивации достижения, включая учебно-образовательную деятельность, активно разрабатывается в работах И. Аткинсона, Х. Хекхаузена.

В рамках акмеологического направления к проблеме мотивационной детерминации учебно-познавательной активности, творчества, самосовершенствования, мотивации достижения обращаются в своих трудах А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, В.А. Сластенин, В.С. Агапов, Л.Г. Лаптев, М.А. Ковалева, А.К. Маркова, Л.В. Маркелова, А.С. Мельничук, И.А. Лисица, В.А. Москалев, М.И. Мурзабеков, Е.А. Аджидерская, С.Н. Толстов и др. Оригинальную теорию зонального и модальностного структурного строения мотивационной системы предлагает В.Г. Асеев.

В.Г. Асеев выделяет две существенно различные и вместе с тем единые мотивационные тенденции. Одна — тенденция к достижению некоторого положительно значимого желательного состояния действительности как благоприятного условия жизнедеятельности и вместе с тем избеганию отрицательно значимого нежелательного состояния. Эта тенденция автором обозначена как содержательная. Другая тенденция аналогично содержательной включает побуждения как отрицательного типа (избегание деприваций, глубокого неудовлетворения потребностей в том или ином виде деятельности или, наоборот, функциональных перегрузок), так и положительного типа (актуализация и развитие своих возможностей функционально-

го удовлетворения). Эта тенденция фиксирует состояние деятельности в ее энергетических аспектах и может быть обозначена как динамическая. Взаимосвязь этих двух мотивационных тенденций состоит в том, что развитие и обогащение системы побуждений содержательного типа (интересов, мотивов, целей, идеалов, ценностных ориентаций) создает благоприятную основу для успешного удовлетворения побуждений динамического типа; развитие же потенциала и обогащение потребностей в различных видах деятельности создает благоприятную основу для успешного удовлетворения побуждений содержательного типа.

Гармоничное развитие личности приводит к формированию обширной зоны, в пределах которой пересекаются категории «я могу» и «я хочу». В то же время в ситуации дисгармонии формируются и проявляются две экстремальные, потенциальных зоны: «могу, но не хочу» и «хочу, но не могу», которые являются по природе своей чисто негативными, как зоны блокировки деятельностных взаимодействий человека с действительностью. Вместе с тем, посредством этих зон реализуются функция движущегося диалектического противоречия и функция стимула развития психики и мотивации. Одной из задач стимулирования развития ребенка (равно как и взрослого) является как раз задача провокации данного типа противоречий. В ходе их реализации формируются интересы и потребности с последующим развитием соответствующих деятельностных возможностей – или стимулируется развитие функциональных способностей с последующим формированием соответствующим мотивационных установок.

Проблема зонального строения мотивационной системы и соответствующих механизмов мотивационной регуляции деятельности, включая учебную, возникает в связи с тем, что значимое пространство личности оказывается нелинейным. Центральная актуальная зона и экстремальная, крайняя, потенциальная зоны характеризуются принципиально разными типами связей и закономерностей, вплоть до противоположных. При этом первая характеризуется достаточной соотносимостью содержательных и динамических характеристик, в то время как последние – резким расхождением модальностей и нарушением их эквивалентности.

Рассматривая проблему мотивов учебной деятельности, следует остановиться на том, что представляют собой внутренние побуждения к данной деятельности, то есть, то, ради чего и почему учащийся ее совершает. Они зарождаются у детей еще в дошкольном возрасте и интенсивно начинают развиваться в ходе самой учебной деятельности.

В психологической науке по-разному решается вопрос классификации мотивов учения. Л.И. Божович было установлено, что учебная деятельность определена двумя видами мотивов, различающимися по происхождению и психологической характеристике. Первый тип порождается учебной деятельностью (содержательные и процессуальные мотивы процесса учения). Другие проявляются за пределами собственно учения и порождаются отношениями между учеником и окружающей деятельностью (социальные и личные мотивы).

А.К. Марковой предложена иная структура групп мотивов: ею выделены познавательные и социальные мотивы. Познавательные включают в себя широкую группу общепознавательных мотивов (овладение новыми знаниями), учебно-познавательных (усвоение способов приобретения знаний) и мотивы самообразования. В группу социальных входят широкие социальные мотивы (статусное стремление занять определенное положение в отношениях с окружающими) и мотивы социального сотрудничества.

Следующая классификация, которой следует уделить внимание, была предложена П.М. Якобсоном. Он выделяет три типа мотивации:

- мотивация, условно названная «отрицательной» – побуждения, вызванные сознанием определенных неудобств и неприятностей, которые могут возникнуть, если они не будут учиться;
- «положительная» мотивация, включающая в себя две формы: мотивацию учения, связанную с гражданскими и моральными мотивами учащегося, и мотивацию, которая определяется не широкими социальными, а узколичными мотивами, например, когда нет интереса к учению как таковому, но есть сознание того, что без знаний не удастся продвинуться, устроиться в жизни и пр., и поэтому прилагается усилия для овладения этими знаниями;

- мотивация, заложенная в самом процессе учебной деятельности, когда побуждает учиться сам процесс приобретения знаний и в основе стремления овладевать знаниями лежат любознательность, неудержимое стремление познавать новое.

По мнению П.М. Якобсона, эти три формы мотивации учения, разумеется, никогда не выступают в чистом виде. Фактически мотивы учения всегда носят более сложный характер.

На основе рассмотренной нами ранее классификации, предложенной Л.И. Божович, М.В. Матюхина выделяет следующие группы и подгруппы и мотивов:

1. Мотивы, заложенные в самой учебной деятельности, связанные с ее прямым продуктом. В этой группе учебно-познавательных мотивов выделяются следующие подгруппы:

- мотивы, связанные с содержанием учения. Учащегося побуждает к познавательной деятельности стремление узнавать новые факты, овладевать знаниями, способами действий, проникать в суть явлений. Такую мотивацию можно условно назвать мотивацией содержанием;
- мотивы, связанные с самим процессом учения. В данном случае побуждает само стремление проявлять интеллектуальную активность, думать и рассуждать, и увлекает именно процесс решения, а не только полученные результаты. Такую мотивацию условно называют мотивацией процессом.

2. Мотивы, связанные с косвенными продуктами процесса учения, с результатом, с тем, что лежит вне собственно учебной деятельности. Здесь можно выделить следующие подгруппы мотивов:

- социальные мотивы: мотивы долга и ответственности перед другими (общество, класс, учитель т.п.); мотивы самоопределения и самосовершенствования;
- узолические мотивы: стремление к одобрению со стороны значимых взрослых, одноклассников, стремление получать хорошие отметки; желание занять достойное место среди товарищей, быть лучшим, или хотя бы быть в числе первых учеников. Данная мотивация условно названа мотивацией престижа;
- отрицательные мотивы, связанные с деятельностью «от противного» (желание избежать неприятностей, возникающих со стороны учителей, родителей, если школьник не будет хорошо учиться). Подобную мотивацию можно назвать мотивацией избегания неприятностей.

И познавательные, и социальные мотивы могут иметь различные уровни.

Уровни познавательных мотивов:

- широкие познавательные мотивы (ориентация на овладение новыми знаниями);
- учебно-познавательные мотивы (ориентация на усвоение способов добывания знаний);
- мотивы самообразования (ориентация на приобретение дополнительных знаний).

Социальные мотивы могут иметь следующие уровни:

- широкие социальные мотивы (долг, ответственность);
- узкие социальные мотивы (стремление занять определенную позицию в отношениях с окружающими, получить их одобрение);
- мотивы социального сотрудничества (ориентация на разные способы взаимодействия с другим человеком).

Качества мотивов могут быть содержательными, связанными с характером учебной деятельности (самостоятельность, обобщенность, осознанность, действенность, доминирование в общей структуре мотивации и т.д.), и динамическими, связанными с психофизиологическими особенностями личности (устойчивость, сила и выраженность мотива, переключаемость с одного мотива на другой, эмоциональная окраска и др.).

Исходя из построенной теоретической модели мотивации будущих специалистов на начальном этапе профессионального образования, выявленных акмеологических критериев, показателей и уровней ее развития, а также с учетом результатов эмпирического исследования уровня развития мотивации будущих специалистов на начальном этапе профессионального образования, нами была разработана программа его развития – *«Акмеологическая программа развития мотивации будущих специалистов на начальном этапе профессионального образова-*

ния», целью которой является формирование психолого-акмеологической направленности мотивации познавательно-творческой деятельности студента как фактора непрерывного личностно-профессионального саморазвития и самосовершенствования.

Методология акмеологии опирается на совокупность идей о ценности человека и его духовного мира, способности к самосовершенствованию (А.А. Деркач). В акмеологических исследованиях показано, что эффективность акмеориентированных самоизменений человека обуславливается формированием и развитием акмеологической культуры личности. Одновременно акмеологическая культура выступает как интегральный показатель этих самопреобразований. Как системно-структурное образование акмеологическая культура обуславливает целостное согласование всего комплекса индивидуально-личностных и субъектных особенностей человека с целями его саморазвития.

Человек, обладающий высоким уровнем мотивации акмеологического развития, способен реализовывать максимальное число степеней свободы и, в результате, преодолевать ограничения в этом развитии, одномерность существования, опробовать различные варианты действий и, сопоставляя полученные результаты с наличными потребностями, выходить на свои основные цели в данном жизненном периоде.

Учет закономерностей развития мотивации будущих специалистов при разработке содержания, методик, технологий и организационных форм современного высшего профессионального образования обеспечит ускорение процесса акмеориентированных самоизменений студентов вузов, сделает более эффективным процесс их личностно-профессионального становления, приведет к формированию необходимых современному специалисту качеств.

Методологической основой программы развития мотивации будущих специалистов на начальном этапе профессионального образования стали акмеологический и личностно-ориентированный подходы с учетом принципов культуру- и природосообразности, диалектического метода познания и базировалась на подходе В.Г. Асеева, основных идеях акмеологии (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, А.К. Маркова, В.Н. Маркин, О.В. Москаленко, Л.А. Степнова и др.), теории контекстного обучения (А.А. Вербицкий) и андрогогики (Т.Г. Браже, С.Г. Вершловский, Л.Н. Грановская, М.Т. Громкова, Ю.Н. Кулюткин, К.М. Левитан, Г.С. Сухобская).

Опираясь на основные положения личностно-ориентированного подхода, нами были сформулированы цели и задачи экспериментальной акмеологической программы.

Ведущую цель – развитие мотивации будущих специалистов на начальном этапе профессионального образования – мы можем подразделить на следующие цели:

1. *Развитие мотивации будущего специалиста до начала профессионального образования* – определяет долгосрочные перспективы и приоритеты развития составляющих профессионального развития личности.

2. *Развитие мотивации будущего специалиста на начальном этапе профессионального образования* – определяет необходимый уровень интенсивности внешних и внутренних прилагаемых усилий для решения задач развития профессионализма личности, решения задач гармонизации личностного развития и формирования креативности личности.

Для достижения вышеуказанных целей необходимо было выделить и решить комплекс следующих задач: задачи в области профессионального образования; задачи в области развития и саморазвития личности студента.

Задачи в области *профессионального образования*:

- познакомить с акмеологической концепцией мотивации будущих специалистов;
- сформировать теоретические знания о сущности мотивации будущих специалистов на начальном этапе профессионального образования, ее составляющих и механизмах развития;
- разработать комплексную технологию мотивации будущих специалистов;
- сформировать программу обучения студентов, призванную активизировать и развивать процесс мотивации обучения;
- познакомить с психолого-акмеологическими развития мотивации будущих специалистов;
- сформировать навыки и умения управления мотивационным процессом.

Задачи в области развития и саморазвития личности студента направлены на:

- формирование акмеологического самосознания как системообразующего компонента в структуре психологической готовности личности специалиста к саморазвитию;
- формирование психолого-акмеологического саморазвития личности в процессе обучения;
- формирование у будущих специалистов мотивации достижения и ее развитие;
- развитие у студентов привычки к творческому подходу в процессе профессиональной деятельности;
- актуализацию потребности в повышении уровня развития акмеологической культуры;
- развитие личностного потенциала участников.

Для реализации цели развития мотивации будущих специалистов до начала профессионального образования была разработана программа работы приемной комиссии, включающая в себя следующие этапы:

1. Предварительная работа по рекламе факультета (основанная на активном привлечении студентов к внеаудиторным занятиям по агитации в школах и на днях открытых дверей).

2. Подготовка рабочего места (оформление рабочего места, направленное на продуктивную презентацию факультета; организация рабочего пространства; определение и разделение обязанностей сотрудников при работе по набору на факультет).

3. Работа с абитуриентами и их родителями (технология коммуникации, включающая в себя структурированную беседу и демонстрацию наглядных материалов, и приемы продуктивной агитации абитуриентов и их родителей);

Основные этапы аргументации:

- аргументация, направленная на установление доверительных отношений с сотрудником приемной комиссии, направленная на получение «да — реакция»;
- аргументация, направленная на формирование сомнения в выбранной специальности (если это не специальность факультета). Коррекция или деструкция сформированных стереотипов посредством их подмены другими;
- аргументация, направленная на формирование положительного отношения к специальностям факультета группы.

4. Сопровождение абитуриентов, подавших заявления (взаимодействие с абитуриентами, подавшими заявления на поступление на факультет, агитация на замещение мест на договорной основе).

Руководствуясь в работе со студентами личностно-ориентированным подходом, повышение эффективности обучения обеспечивается наличием высокомотивирующего информационного контекста, когда учебная деятельность студентов осуществляется в логике общего и профессионального саморазвития личности и предполагает учет ценностных ориентаций и мотивации, их динамики в процессе профессионального становления. Работа по данной программе велась в направлении развития самосознания студентов, развития творческого мышления и творческой деятельности, формирования знаний о нравственности и взаимоотношений на ее основе.

Обучение будущих специалистов уже на начальном этапе профессионального образования должно быть наполнено актуальными, профессиональными темами, а не только теоретическими постулатами. Необходимо внедрить в процесс обучения ситуации творчества, переживания, активизировать собственную активность учащихся, сформировать ситуации успеха, проблемные ситуации, дать возможность учащимся открыто высказывать собственное мнение в процессе изучения учебной дисциплины, а также в обсуждении профессиональных и связанных с ними широких мировоззренческих проблем.

В работе со студентами были использованы следующие практические действия по развитию мотивации учебной деятельности: использование эффекта незавершенности, эмоциональная поддержка, поощрение, сотрудничество, неадаптивность, обратная связь, интерес к процессу, гибкость, подтверждение уникальности каждого, поощрение, взаимодействие на уровне сотрудничества и равенства, яркая выразительная жестикация, требовательность, настойчивость. Подобные действия в совокупности выступают как

необходимые в субъект-субъектном взаимодействии и соответствуют требованиям развивающегося взаимодействия.

«Эффект незавершенности» приводит к актуализации побуждений, которые заставляют искать средства для их реализации, завершения. Поиск средств для решения чего-то неразрешенного, означает опробования различных элементов ситуации в качестве потенциальных условий разрешения. В итоге у индивида накапливается резерв нереализованных возможностей, которые избыточны относительно исходного источника. Само состояние незавершенности как бы «заряжено действием» и может реализоваться даже спустя длительное время.

Построение учебного процесса определяется обозначенными целями и задачами. Развивать мотивацию будущих специалистов можно используя как интерактивные технологии обучения, так и традиционные методы. Интерактивное обучение, в отличие от традиционного лекционного способа подачи нового материала основано на активном, эмоционально окрашенном общении участников друг с другом и с преподавателем.

Литература

1. *Асеев В.Г.* Зональная структура мотивационной системы личности // Мотивационная система личности: сборник научных трудов к 70-летию профессора В.Г. Асеева / сост. В.А. Соловьева; под ред. А.Г. Кирпичкина. Кострома, 2008. С. 6–21.
2. *Асеев В.Г.* Личность и значимость побуждений. Мн., 2005.
3. *Божович Л.И.* Изучение поведения мотивации детей и подростков. М., 1997.
4. *Деркач А.А.* Акмеология: личностное и профессиональное развития человека: в 5 кн. Кн.5. Акмеологические технологии диагностики и актуализации личностно-профессионального роста. М., 2001.
5. *Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б.* Формирование мотивации учения. М., 1990.
6. *Матюхина М.В.* Мотивация учения младших школьников. М., 1984.
7. *Якобсон П.М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

© Коноваленко А.В., 2010

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

П.Ю. Рассудов

**МЕТОДЫ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
МЕНЕДЖЕРА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ**

Ключевые слова: избирательная кампания, агитационное действие, акмеологическая оценка, информационно-аналитическая компетентность

Keywords: election campaign, campaign effects, acmeological assessment, information and analytical expertise

Клиентами или работодателями избирательных менеджеров выступают кандидаты на различные должности и политические партии, для которых выбор специалиста определяет не просто качество в будущем выполненных работ, а присутствие в органах власти и как следствие – определение политики региона, государства. Кроме того, сжатые временные рамки избирательных кампаний не позволяют производить замену менеджера или вводить испытательный срок для него.

Тем не менее, на сегодняшний день менеджерами избирательных кампаний зачастую выступают непрофессиональные избирательные технологи. Существуют примеры последних лет, когда менеджерами избирательных кампаний становились ректора ведущих ВУЗов, государственные служащие и даже деятели искусства (например, галерист Марат Гельман был руководителем избирательной кампании партии «Родина» в 2003 г.). Практика показывает, что при назначении на должность менеджера чаще всего принимаются во внимание опыт проведения избирательных кампаний, социальный вес соискателя, известность в профессиональных кругах, личные отношения с кандидатом или партийным руководством и практически никогда речь не идет о профессиональной компетентности будущего руководителя кампании, что связано в первую очередь с отсутствием четких критериев профессионализма менеджеров избирательных кампаний, а так же с невозможностью применения традиционных методов оценки.

Сложившаяся этика на рынке политического консалтинга не предполагает прохождения соискателем на должность менеджера избирательной кампании тестов, анкетирования или других подобных методов оценки. При этом оценка может быть произведена в форме индивидуального собеседования под видом переговоров по блокам вопросов, касающихся организации предстоящей избирательной кампании. В данной статье мы не будем рассматривать особенности индивидуального собеседования в связи со значительной разработанностью данной проблемы.

Деятельность менеджера избирательной кампании направлена на изменение электорального поведения избирателей с использованием избирательных и политических технологий и организации сотрудников избирательного штаба. Для эффективного выполнения должностных обязанностей менеджер избирательной кампании обязан быть профессионально компетентен, другими словами обладать набором ключевых, базовых и специальных компетенций [4]. Для проведения собеседования необходимо сформировать вопросы по каждой из компетенций.

Одной из ключевых компетенций для менеджера избирательных кампаний является информационно-аналитическая компетенция, так как деятельность связана с анализом большого количества разрозненной информации и оперативного принятия решений с несколькими неизвестными. Основной профессиональной задачей по реализации информационно-аналитической компетенции является «анализ и диагностика имеющейся управленческой ситуации (объекта управления) для обоснования последующего принятия решения» [4, с. 40],

а так же умение эффективно применять новые информационные технологии. Так, менеджеру избирательной кампании необходимо разбираться в предоставляемой аналитической информации, а зачастую и самостоятельно формировать требования к проводимым исследованиям. Проведенное нами исследование показало, что 14 % менеджеров избирательных кампаний вообще не пользуются методами сбора информации и более половины не используют все методы (опрошено 43 менеджера избирательных кампаний; незначительная выборка связана с закрытостью профессии и объективно малым количеством занятых специалистов в отрасли; тем не менее, опрос не репрезентативен и лишь иллюстрирует тенденцию, направленность) (Диаграмма 1).

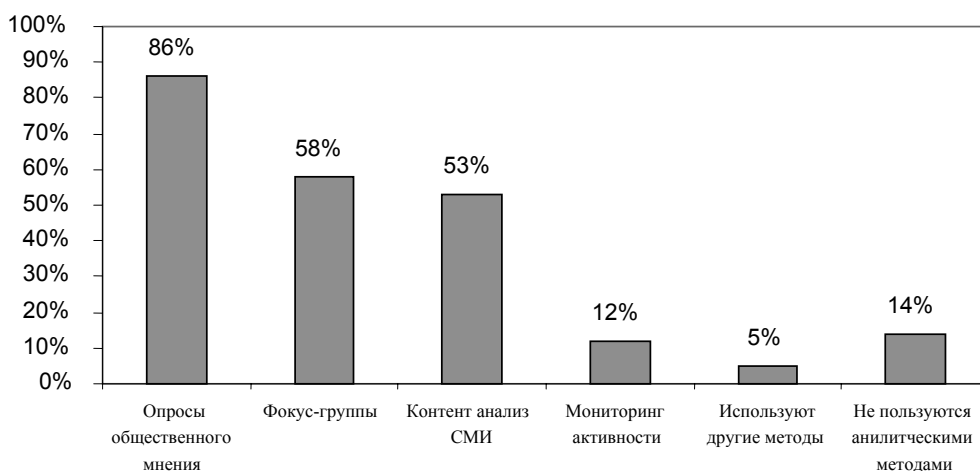

Диаграмма 1. Применяемые методы сбора и обработки информации

Наиболее часто в рамках выборных кампаний применяются опросы общественного мнения, метод фокус-групп и контент анализ СМИ. К сожалению, методы аналитического сопровождения выборных кампаний на сегодняшний день не включают в себя оценку эффективности проводимых агитационных мероприятий и всей кампании в целом. Тем не менее, в смежной области – рекламе – уже достаточно давно разработаны методы оценки эффективности проводимых рекламных кампаний. Подобные методы позволяют не только оценить работу, проводить ротацию среди специалистов, но и в целом приводят рынок данных услуг к более цивилизованному виду.

На сегодняшний день чаще всего применяются только два способа оценки проведенной избирательной кампании: победа кандидата/партии и количество затраченных денежных средств в расчете на один голос избирателя. Оба метода хоть и имеют более высокую точность, по сравнению с методами оценки применяемыми рекламистами, но относятся к методам *post factum*, когда уже нельзя повлиять на ход событий. В связи с чем, получаемые данные хоть и занимательны для клиента, но не имеют ценности для оперативного изменения ситуации, что крайне важно в условиях коротких сроков проведения избирательных кампаний.

В 2007 году сначала на выборах в Законодательное собрание г.Санкт-Петербурга, а затем на выборах депутатов Государственной Думы проектной группой ассистента кафедры политической психологии СПбГУ, кандидата психологических наук В.А. Бианки, под руководством кандидата психологических наук, заведующего лабораторией политической психологии СПбГУ В.К. Васильева при участии автора статьи был разработан и применен метод мониторинга активности избирательной кампании. Данный метод может применяться к выборным кампаниям всех уровней, проводимым как по пропорциональной, мажоритарной, так и смешанным системам. Необходимо так же отметить, что метод основывается на расширенной системе контроля В. Полуэктова [5].

Далее мы рассмотрим информационно-аналитическую компетенцию через призму профессиональных действий и приемов, применяемых менеджерами при использовании метода

мониторинга активности избирательной кампании как наиболее полного метода анализа избирательной кампании.

При описании метода мы будем использовать следующие определения.

Субъект избирательной кампании – кандидат или партия, борющиеся за прохождение в парламент или получение выборной должности.

Под *объектом избирательной кампании* мы будем понимать избирателей.

Агитационное действие – любое действие, санкционированное субъектом и направленное в конечном счете на изменение электорального поведения избирателей округа.

Масштаб агитационного действия – охват избирателей; количество избирателей, оказавшихся под воздействием агитационного действия.

Агитационная емкость определяется как максимально возможное абсолютное количество и масштаб агитационных мероприятий на заданной территории в расчете на единицу времени.

Канал агитационного воздействия – виды агитационных действий, применяемых в рамках избирательных кампаний. Каналы агитационного воздействия совершенствуются политическими менеджерами каждую избирательную кампанию. Время от времени появляются новые каналы. На сегодняшний день можно выделить девять основных каналов агитационного воздействия, которые можно разделить на две группы: СМИ и «полевые». Термин «полевые» является профессиональным жаргонизмом менеджеров избирательных кампаний, но наиболее точно отражает суть. Перечислим выделяемые каналы: ТВ, печатные издания, радио, Интернет, широкоформатная наружная реклама, наружная реклама малых форматов (плакаты, граффити), адресная/без адресная рассылки, пикет, массовые мероприятия.

Общая организация сбора и анализа информации включает следующие этапы:

- частота сбора информации. Для обеспечения наиболее высокого качества мониторинга необходимо организовывать ежедневный сбор информации;
- объективность. Для обеспечения объективности подрядчик, выполняющий мониторинг, должен быть подчинен непосредственно клиенту и не знать о проводимых избирательных штабом мероприятиях. Такая работа «вслепую» (за исключением руководства проекта сотрудники не будут знать заказчика) повысит надежность получения достоверной информации.

Менеджер избирательной кампании должен представлять основные этапы поиска, получения и обработки информации среди которых можно выделить следующие:

1 этап. Определение выборки

Для количественной обработки данных необходимо составление репрезентативной выборки. Как и в социологических опросах для определения общественного мнения нет необходимости опрашивать всех членов одной гомогенной группы, а достаточно правильно сформировать выборку [3]. Так и в мониторинге активности избирательной кампании достаточно делать выборку по каналам агитационного воздействия. Так для полевого мониторинга все территориальные единицы должны быть равными не по площади, а по агитационной емкости.

Мониторинг СМИ – достаточно хорошо разработанное направление, на котором мы не будем останавливаться в данной статье. Тем не менее необходимо указать, что выбор прессы для анализа может включать как все выпускаемые газеты на территории избирательного округа, так и состоять из выборки наиболее популярных общественно-политических изданий. Для мониторинга ТВ достаточно анализа вечерних новостных выпусков основных каналов, а так же общественно-политических программ, список которых составляется по сетке вещания. Так же менеджером избирательной кампании должно быть принято решение будет ли проводиться мониторинг Интернета. Интернет является наиболее перспективным каналом агитационного воздействия, но электоральное влияние Интернета пока не велико. Кроме того, на избирательных кампаниях ниже регионального уровня Интернет как канал агитационного воздействия не используется.

2 этап. Определение емкости каналов агитационного воздействия.

На этом этапе проводится паспортизация территории, определяются территориальные единицы и реперные точки, проводится паспортизация СМИ.

Для определения емкости каналов агитационного воздействия проводится паспортизация. Паспорт СМИ должен включать в себя перечень всех общественно-политических изданий, ТВ каналов, радиостанций; тираж, способ распространения, охват аудитории и т.д. Емкость каналов СМИ определяется количеством максимально возможного размещения агитационных материалов за неделю.

Для определения емкости «полевых» каналов агитационного воздействия необходимо зафиксировать количество рекламоносителей, почтовых ящиков, квартир, подъездов, объектов социальной и культурно-досугового сектора и прочих объектов на территории или посредством которых может осуществляться агитация. Также на карте округа необходимо определить так называемые реперные точки, то есть места возможной повышенной агитационной активности.

3 этап. Сбор данных

Этап состоит из полевого мониторинга и мониторинга СМИ.

Полевой мониторинг

Необходимо отметить, что данный этап, несмотря на свою кажущуюся простоту, вызывает сложность у большинства специалистов. Такое положение дел связано, прежде всего, с тем, что даже в ВУЗах, выпускники которых чаще всего становятся менеджерами избирательных кампаний, не уделяют значительного внимания этапу сбора информации. В результате чего многие аналитические отчеты не представляют никакой ценности именно в связи с тем, что основаны на ложных или неправильно собранных данных.

Мониторинг СМИ

Для мониторинга активности избирательной кампании необходимо учитывать частоту и модальность упоминаний. Для учета электорального воздействия каждого сообщения необходимо учитывать охват аудитории медиа, в котором был размещен материал. Отдельно необходимо учитывать модальность сообщений.

4 этап. Обработка данных

Обрабатывать полученные данные можно как количественно, так и качественно. Мы остановимся только на подсчете агитационной активности, для чего необходимо подсчитать процент наполнения каждого канала в отдельности. После нужно ранжировать полученные данные по каждому каналу по шестибалльной шкале от 0 («нет активности») до 6 («очень высокая активность»). При ранжировании необходимо учитывать, что для каждого канала один и тот же процент наполненности означает разную степень активности. Так, наполненность наружной рекламы на уровне 50 % будет означать «очень высокий уровень» (6) активности, а для адресной/ безадресной рассылки – «средний» (4).

Проранжировав агитационную активность по каждому каналу в отдельности необходимо подсчитать среднюю агитационную активность по всем каналам.

Отдельно необходимо учитывать уровень контрагитационных действий по такому же принципу, как и по агитации.

5 этап. Анализ и интерпретация полученных результатов

На основании полученных данных можно не только определять уровень агитационной активности, но и строить тактический рисунок избирательной кампании конкурентов, определять технологии, применяемые конкурентами, и их долю в агитационной кампании, содержательную концепцию кампании, количество агитационных контактов в расчете на одного избирателя и т. д.

Добавляя дополнительные параметры при сборе информации можно получать данные о доле региональных и федеральных материалах, качество агитационных действий, соотношение количества и охвата агитационных мероприятий и т. д.

Тем не менее, опрос менеджеров избирательных кампаний показал, что большинство из них не только не владеют методами анализа, но и даже не могут интерпретировать данные (Диаграмма 2). Нами было опрошено 43 респондента. Менеджерам избирательных кампаний предлагалось пройти тест, состоящий из двадцати закрытых вопросов, касающихся анализа и интерпретации используемых на избирательных кампаниях данных. Затем полученные ответы ранжировались по пятибалльной шкале.

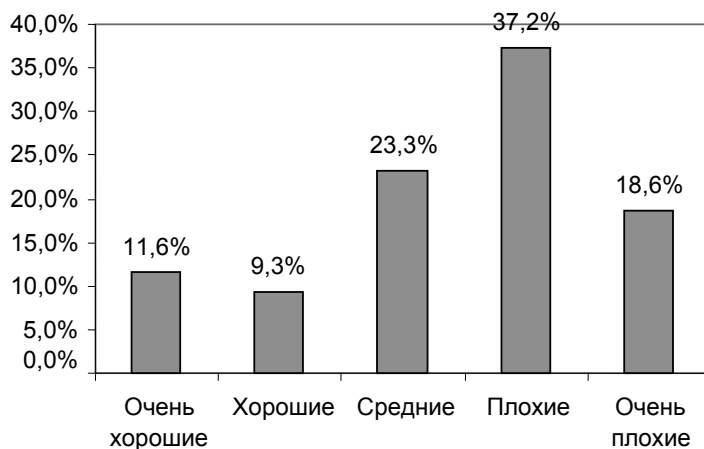

Диаграмма 2. Оценка когнитивного компонента (знаний) информационно-аналитической компетенции менеджеров избирательных кампаний

Полученные результаты, в свою очередь, говорят о том, что менеджер избирательной кампании не сможет воспользоваться даже готовым, то есть подготовленным аналитиком отчетом и, как следствие, не сможет адекватно воспользоваться полученной информацией и примет неправильное управленческое решение.

Среди недостатков данного метода следует отметить невозможность точной оценки масштабов и качества таких методов как телефонная и поквартирная агитация, а так же подкуп избирателей. Хотя данный пробел можно восполнить с помощью опросов избирателей на предмет того, с какими видами агитации они встречались, получить точные данные о масштабе и качестве данных агитационных действий не представляется возможным.

Так же к недостаткам метода необходимо отнести малую разработанность, связанную с тем, что впервые метод был опробован в январе 2007 года на выборах в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга и осенью 2007 года на выборах в Государственную Думу РФ пятого созыва.

Кроме того, необходимо отметить, что лишь комплексное использование различных методов может позволить обеспечить управленческое решение аналитической информацией.

Упражнение «Концепция избирательной кампании»

Для определения уровня информационно-аналитической компетенции менеджера избирательной кампании можно предложить упражнение по построению концепции избирательной кампании. Упражнение может проходить в виде беседы-интервью и содержать данные конкретной предвыборной ситуации.

Текст упражнения. Вы – менеджер избирательной кампании в Междуреченском регионе партии «Лучшая партия». Клиент ставит перед вами задачу получить блокирующий пакет голосов в областной думе. Вам нужно составить концепцию избирательной кампании.

Исходные данные. По данным социологических исследований «Лучшая партия» имеет рейтинг поддержки в районе 15 %. По данным «Всемирного центра социологических исследований» рейтинг известности партии 25 %. Кандидаты «Лучшей партии» представляют собой представителей малого и среднего бизнеса региона.

В Междуреченском регионе недавно сменился губернатор, который возглавит список «Единого Междуреченска». Говорят, что известность основного конкурента «Единого Междуреченска» составляет более 40 %, а антирейтинг около 15–20%. Так же в регионе присутствует схожая с «Лучшей партией» оппозиционная «Отличная партия», которая имеет рейтинг поддержки 10–15%, при этом «Отличная партия» эксплуатирует образ «хорошего прошлого». Партия «Единый Междуреченск» аккумулирует представителей большого бизнеса и чиновников.

В регионе применяется смешанная избирательная система, расчет количества мандатов по пропорциональной системе основывается на принципе Имперали. Всего в региональном

парламенте 36 депутатов, из которых 18 избирается по партийному списку и 18 – по одномандатным округам. Избирательный порог – 5%.

Наиболее сильные позиции «Лучшая партия» имеет среди городского населения. Имеется проблема образа кандидатов, возглавляющих список партии, как бывших бандитов. На предыдущих выборах в региональный парламент «Лучшая партия» заняла 3 место.

Междуреченский край расположен близко от столицы республики. Уровень жизни в крае существенно ниже, чем столице, но существенно не отличается от соседних регионов.

После начала экономического кризиса Междуреченский край не только не ухудшил экономические показатели, но и показал небольшой рост за счет ужесточения фискальной политики.

Городской форум Междуреченска в сети Интернет:

Губернатор не хотел своего назначения, так как для него это было понижение по должности, но после того как он узнал об экономических возможностях региона (нефтеперерабатывающий завод, урановые рудники) сконцентрировал усилия на повышении внешних экономических показателей региона.

Газета «Вечерний Междуреченск»:

В начале следующего месяца ожидается визит в Междуреченск премьер-министра на открытие ледового дворца.

До дня голосования осталось 6 недель.

Поведенческие проявления

- Анализ ситуации;
- Построение гипотез по недостающим данным;
- Прогнозирование ситуации.
- Построение стратегии

Уровни мастерства	Поведенческие проявления
3 уровень мастерства	В дополнение к уровню 2 Выявляет угрозы и возможности сложившейся ситуации. Простраивает взаимосвязанный системный план, включающий долгосрочные и краткосрочные шаги. Выстраивает цепочки мероприятий, показывая, как один «тянет» за собой другой. Описывает потенциальные барьеры по каждому из направлений вместе с шагами по их преодолению.
2 уровень опыта	Проводит системный анализ ситуации. Прогнозирует развитие событий. Предлагает стратегию решения поставленной задачи. Предложенные идеи взаимосвязаны. Выделяет принципы, по которым должно происходить построение избирательной кампании. Выделяет приоритетные направления избирательной кампании на основе ресурсов клиента и упорядочивает их по категориям (работа с избирательными комиссиями, организованными коллективами, социально-демографическими группами, т.п.).
1 уровень развития	Проводит несистемный анализ. Предлагает тактические действия, логично обоснованные блоки мероприятий, при этом все мероприятия не увязаны в единый план. Приводит логические обоснования по блокам.
0 негативный уровень	Не структурирует информацию. Концентрируется на второстепенных данных. Предлагает разрозненные, не связанные между собой действия по анализу информации. Из текста и объяснений не очевидно, почему принято решение проводить избирательную кампанию именно таким образом.

Таким образом, несмотря на то, что сфера политического консалтинга начала развиваться в России с середины 90-х годов XX века, на сегодняшний день до сих пор очень мало профессиональных менеджеров избирательных кампаний. Даная проблема, безусловно, связана с отсутствием отработанной системой оценки профессиональной компетентности специалистов. Описанная оценка информационно-аналитической компетенции иллюстрирует, каким образом можно оценивать профессиональную компетентность менеджеров избирательных кампаний.

Необходимо отметить, что политические менеджеры не в полной мере развивают информационно-аналитическую компетенцию. В то время как информационно-аналитическая компетенция призвана обеспечить принятие адекватных управленческих решений.

Кроме того, описанный нами метод мониторинга активности избирательной кампании призван восполнить следующие пробелы аналитического сопровождения:

- мониторинг хода агитационной кампании в округах;
- оценка эффективности определенных агитационных действий, мероприятий;
- анализ потенциала / эффективности отдельных видов агитации;
- выработка рекомендаций по корректировке стратегии и тактики избирательной кампании партии и отдельных кандидатов;
- анализ качества агитационной работы на округах штабов кандидатов партии.

Стоит так же отметить, что несмотря на уже успешное применение на практике, несомненно, метод требует дополнительной проработки и проверки реалиями избирательных кампаний.

Литература

1. Акмеологическая оценка профессиональной компетенции государственных служащих: Учебное пособие /Под общ. ред. А.А. Деркача. М., 2007.
2. Байкальцева Е., Ляйнemann Р. Измерения медиарилейшнз. Как оценить вклад PR в успех компании. М., 2006.
3. Власова М.Л. Социологические методы в маркетинговых исследованиях. М., 2006.
4. Деркач А.А., Зызыкин В.Г., Маркова А.К. Психология развития профессионала: Учебное пособие. М., 2000.
5. Полуэктов В.В. Полевые и манипулятивные технологии. Настольная книга менеджера избирательных кампаний. М., 2003.
6. Федоркина А.П. Политическая акмеология: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. А.А.Деркача. М., 2006.

© Рассудов П.Ю., 2010

А.Г. Кумохин

АКМЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В КРИТИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: кризис, личностно-профессиональное развитие специалиста, психолого-акмеологическое сопровождение, психолого-акмеологические детерминанты развития, уровни эффективности акмеологического сопровождения

Keywords:

Одной из главных проблем современного социума является возрастание роли негативного влияния принципиальных изменений современного общества на личность и ее трудовую деятельность. Современные социально-экономические преобразования в России вызвали существенную перестройку профессиональной сферы, приведя к психологической девальвации многих профессий, бывших ранее престижными и массовыми, и к размыванию соответствующих профессиональных слоев населения. Это проявляется в нестабильности положения специалиста в условиях либеральной экономики, его неуверенности и понижении уровня жизнеустойчивости. Актуальность рассматриваемой темы определяется и практическими задачами, связанными с разработкой акмеологического сопровождения специалиста в критические периоды развития общества, целью которого является не только

оказание психолого-акмеологической помощи специалисту в сохранении и восстановлении психо-эмоционального состояния и жизнестойкости, но и дальнейшего его личностно-профессионального развития.

Данная проблема – проблема кризиса нашла отражение в работах исследователей (Б.Г. Ананьев, Д.Б. Бромлей, Ш. Бюллер, Д. Вейлант, Р. Гаулд, Д. Левинсон, Э. Эриксон), которые, осуществляя периодизацию человека, описывают кризисы в зависимости от индивидуальных особенностей и обстоятельств жизни в целом. Существуют и другие подходы к кризисам: психологические особенности кризисов профессионального становления (Э.Ф. Зеер, Е.Ю. Пряжникова, Н.С. Пряжников), профессиональная идентичность как основа личностного выбора в ситуации кризиса (Е.П. Ермолаева); личностно-профессиональные кризисы безработных. (Е.В. Рябова); кризисные явления на разных этапах карьеры государственных служащих (Д.Б. Волосевич), психологические кризисы личности (Д. Сьюпер.Б. Ливехуд).

В отечественной психологии глубоко исследованы кризисы детства (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Т.В. Драгунова, Д.Б. Эльконин), их зависимость от индивидуально-типологических особенностей ребенка, социальных условий, особенностей воспитания в семье и педагогической системы в целом (Р.А. Ахмеров), возраст и его периодизации (В.И. Слободчиков), типология кризисов личности (Э.Ф. Зеер).

Важно указать на работы, в которых показаны негативные проявления кризиса личности как на саму личность, так и на ее профессиональную деятельность (М. Бленд, М. Зелигман, Т. Ручан и Я. Митрофф).

В психологии профессиональной деятельности изучались не только кризисы личностно-профессионального развития, но и различные их проявления: противоречивые (амбивалентные) тенденции, влияющие на становление профессионала (А.К. Маркова); психологические трудности в развитии профессионального самосознания учителя (О.П. Золотова); адаптационные затруднения в профессиональной деятельности молодого учителя (Л.В. Кандыбович); профессиональные деформации (Ю.З. Шогенов) и деструкции (Э.Ф. Зеер) и др.

Интерес представляет работы последних лет, выявляющие закономерности и механизмы: адаптации школьников в критические периоды развития к образовательной среде (Н.В. Литвиненко), профессионального кризиса у безработных (М.А. Бендюков), реализации профессионала в условиях социально-экономических изменений (Е.П. Ермолаева), психологической структуры и динамики взаимодействий образовательной среды и ученика в процессе его школьной адаптации (М.В. Григорьева), самоидентичности как условия устойчивости человека в меняющемся мире (О.В. Лукьянов), психологических оснований выбора стратегий саморазвития в профессии (С.А. Минюрова), развития психологического соответствия человека и профессии в поликультурной образовательной среде вуза (З.С. Акбиева).

Акмеологическое сопровождение имеет многолетнюю историю изучения. Разработка проблемы акмеологического сопровождения специалиста в критические периоды развития общества опиралась на исследования, касающиеся вопросов развития персонала: психолого-акмеологическое сопровождение развития профессионального самосознания молодого специалиста (С.В. Филиппова), психолого-акмеологическое сопровождение процесса развития персонала крупного акционерного общества (Е.Б. Касьян), акмеологический мониторинг как средство обеспечения качества подготовки кадров управления (Д.Ю. Бабаев), психологическое сопровождение антитеррористической деятельности (И.В. Хвалько), акмеологическое обеспечение профессионального развития руководителей и специалистов органов законодательной власти Российской Федерации (Е.П. Осипова), акмеологические технологии как средство формирования кадрового резерва на предприятии газодобывающей отрасли (Т.В. Ковалева), эффективность акмеологических методов в развитии профессионально-диагностической компетентности государственных служащих (Л.А. Шиленко), акмеологическое обеспечение развития партнерской позиции руководителя (О.С. Евдокимов), акмеологическая система руководства качеством подготовки кадров управления (Т.А. Огородникова), акмеориентированное саморазвитие управленца как фактор совершенствования его профессионализма (А.А. Мусохранов), продуктивность акмеологического развития государственных служащих (Л.Ф. Фурси).

При этом важно показать, что структура критических периодов развития общества влияет на поведение личности следующим образом: предшествующее событие – критические периоды развития общества, личностно-опосредованное восприятие значения критических периодов развития общества, эмоциональное состояние, нарушающее и предшествующее неадекватному уровню исполнения деятельности и непродуктивные (неадекватные) методы разрешения кризисной ситуации: безуспешные методы решения проблем. При этом критические периоды развития общества, их интерпретация приводит к кризису личности, который может обладать следующими чертами: это событие выходит за рамки обычного уклада вещей и событий; предъявляет особые требования к личностным ресурсам; требует внимания или немедленного действия; потенциально несет вред специалисту; ограничивает управление и контроль своей деятельностью личностью, потеря жизнестойчивости. Данный кризис определен как функциональный кризис специалиста «неизвестности – неуверенности». Он имеет следующие характеристики поведения личности и ее профессиональной деятельности в результате данного кризиса: функционально ослабленное эмоциональное состояние, проистекающее из реакции индивида на кризис общества, воспринимаемое им как настолько опасное, что вызывает у него чувство беспомощности и неспособности эффективно справиться с проблемами обычными методами, потерю жизнестойчивости.

Понятие «поведение личности в критические периоды общества» может быть уточнено: его можно определить как функционально ослабленное эмоциональное состояние, проистекающее из реакции индивида на кризис общества, воспринимаемое им как настолько опасное, что вызывает у него чувство беспомощности и неспособности эффективно справиться с проблемами обычными методами.

Критические периоды развития общества имеют не только негативные результаты для личности, но и позитивные: личностный рост; ощущение достижения; стимуляция развития; предотвращение застоя (стагнации); открываются новые возможности личностного самосовершенствования и перспективы организационного развития карьеры.

Позитивное или негативное развитие личности в критические периоды общества зависит от психолого-акмеологических детерминант личностно-профессионального развития специалиста, которые содержат следующие блоки: анализ психо-эмоционального состояния и жизнестойчивости специалиста в критические периоды развития общества и осознание своей роли в данный период развития общества; уровень профессиональной подготовленности специалиста и ее самооценка (профессиональное самоопределение в профессии, профессиональная адаптация, профессиональные знания, умения, навыки, профессиональная пригодность); уровень актуального личностно-профессионального развития (актуальные уровни развития профессионального самосознания и сформированности профессиональной компетентности, уровень владения продуктивными профессиональными технологиями, удовлетворенность трудом); уровень реализации личностно-профессионального потенциала (профессиональные цели и направленность, частичная или полная реализация личности в профессиональном труде, готовность к профессиональной деятельности, профессиональные мотивация и интересы).

«Развернуть» кризис «неизвестности – неуверенности» в позитивную или негативную сторону можно с помощью акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества, которое представляется как целостная система психологических и акмеологических мероприятий, способствующих его развитию и предупреждению, а также по необходимости «борьбе» с кризисом «неизвестности – неуверенности», повышению его жизнестойчивости, что является основой профессионального становления и фундаментом дальнейшего личностно-профессионального роста в критические периоды развития общества. На основе данного определения выделены основные составляющие акмеологического сопровождения:

- *подготовительно-экспертный* этап, заключающийся в изучении психо-эмоционального состояния и профессиональных и личностных качеств специалистов – оценка профессионального самоопределения, профессиональной адаптации, профессиональной пригодности, диагностика профессиональных знаний, умений, навыков; фиксируется

наличие или отсутствие у специалиста кризиса «неизвестности – неуверенности», уровень жизнестойчивости;

- *реорганизационный* этап, содержащий коррекцию актуального уровня психо-эмоционального состояния и личностно-профессионального развития, предупреждение и «борьба» с кризисом «неизвестности – неуверенности», повышение жизнестойчивости, выстраивания индивидуальной траектории личностно-профессионального развития (планирование и внедрение программ профессионального самосовершенствования, формирование потребности к самореализации, оптимальной деятельности и продуктивной коммуникации) в критические периоды развития общества и, таким образом, реализация личностно-профессионального потенциала в критические периоды развития общества; оказание психологической поддержки и обучение навыкам саморегуляции с использованием психолого-акмеологических технологий для развития и восстановления психологического ресурса; в результате происходит формирование новых профессиональных целей и направленности, готовности к профессиональной деятельности, профессиональных мотивации и интересов, осознание актуальных уровней развития профессионального самосознания и сформированности профессиональной компетентности, частичной реализации специалиста в профессиональном труде, уровня владения продуктивными психологическими, акмеологическими и профессиональными технологиями в результате проведения акмеологических семинаров;
- *методический* этап, включающий реформационный семинар – проведение деловых игр, социально-психологических тренингов, индивидуальных и групповых консультаций, вооружение новыми продуктивными психологическими, акмеологическими и профессиональными технологиями для закрепления высокого уровня жизнестойчивости и развития профессиональной деятельности в критические периоды развития общества;
- *итогово-обобщающий* этап, охватывающий проведение индивидуальных и групповых консультаций и бесед, с целью разбора «полученных ошибок», их анализа, оказывается психологическая и профессиональная помощь по запросу специалиста.

В исследовании (2007–2010гг.) построена и апробирована модель акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества на выборке (N = 186) и эмпирически выявлены интегральный – эмоционально-константный – и частные: перцептивно-когнитивный, профессионально-оценочный, потенциально-субъектный, организационно-результативный – критерии эффективности акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества.

Эмпирически обоснованы акмеологические условия эффективности акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества, которые включают: социально-психологические, педагогические, психологические, собственно акмеологические, организационные, методические и акмеологические факторы – служебно-производственный, познавательно-перцептивный, личностно-субъектный.

Проведенное исследование позволило выявить уровни эффективности акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества. *Высокоэффективным* следует считать сопровождение, отличающееся высокими показателями качества (по основным критериям) профессиональной деятельности и позитивными социально-личностными характеристиками специалиста в критические периоды развития, прежде всего, положительным психо-эмоциональным состоянием и высоким уровнем жизнестойчивости. *Эффективным* является сопровождение, не отличающееся высокими показателями качества профессиональной деятельности и позитивными социально-личностными характеристиками специалиста в критические периоды развития; прежде всего, у него неустойчивое положительное психо-эмоциональное состояние и средний уровень жизнестойчивости. *Неэффективным* признается то сопровождение, которое характеризуется низким показателем качества профессиональной деятельности и негативными социально-личностными характеристиками специалиста в критические периоды развития, прежде всего, отрицательное психо-эмоциональное состояние и низкий уровень жизнестойчивости.

Результатом исследования выступили научно-практические рекомендации по внедрению акмеологического сопровождения специалистов в критические периоды развития общества. Разработанные рекомендации содержат теоретические основы и практические формы и методы акмеологического сопровождения специалиста в критические периоды развития общества: методологию, структурную организацию, динамику развития, принципы его использования в профессиональной деятельности, а также технологические основы: стратегии, совокупности тактик и техник выбора и применения соответствующего комплекса средств, способов, методов и форм данного сопровождения.

© Кумохин А.Г., 2010

И.В. Успенский

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: деятельность в экстремальных условиях, профессионализм, успешность деятельности, психологическая готовность, экстремальные факторы, эффективность деятельности, формирование психологической готовности

Keywords: activity in extreme conditions, professionalism, success of activity, psychological readiness, extreme factors, efficiency of activity, formation of psychological readiness

Опрос, проведенный А.В. Щербиной на репрезентативной выборке руководителей предприятий, показал, что экстремальные управленческие ситуации возникают практически постоянно с различной частотой, имеют не разрушающий характер и формируют особые условия деятельности (по классификации В.Г. Зазыкина [4]). Они приводят к сбоям в работе, провоцируют возникновение высокой напряженности как функционального состояния и характеристики отношений, приводят к перегрузкам руководителя и персонала, негативно влияют на морально-психологический климат. Сами экстремальные ситуации проявляются в виде управленческих проблем, требующих оперативного разрешения, и носят субъективный характер.

Успешность деятельности в экстремальных управленческих ситуациях зависит, в первую очередь, от интеллектуальных качеств личности, высокой работоспособности, воли, умения принимать точные и своевременные решения, умения предвидеть, «просчитывать» ситуацию и ее последствия. В экстремальных ситуациях наиболее приемлемым является авторитарный стиль руководства, а также сочетание стилей в зависимости от характеристик ситуации. Для работы в экстремальных ситуациях кадры целесообразно подбирать по критериям профессионализма.

Руководитель должен не только знать, какие экстремальные факторы могут действовать и к чему они приведут, но и быть настроенным на эффективную работу в таких условиях и соответствующим образом настраивать коллектив. Тогда экстремальные ситуации не застанут врасплох, не дезорганизуют взаимодействия, при их появлении не будет растерянности.

Психологические исследования (Г.Т. Береговой, Г.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко) свидетельствуют, что само появление экстремальных ситуаций может вызвать различные формы поведенческих реакций [2]. Наиболее распространенными из них являются следующие:

- приспособительно-защитные (типа ориентировочного исследовательского рефлекса);
- сложные интеллектуальные действия, связанные с оценкой обстановки, формированием стратегии деятельности в изменившихся условиях, тщательным анализом ситуации, выдвижением гипотез, выработкой решений, их реализации, коррекции, организации взаимодействий;
- стохастические нецеленаправленные.

Согласно другим данным, в условиях действия экстремальных факторов могут проявляться следующие поведенческие реакции:

- возникновение ступора (преобладание тормозных процессов, заторможенность действий, вплоть до полного их прекращения);
- возрастание активности, сопровождающееся существенным снижением организованности и целенаправленности управленческих действий (нецеленаправленная чисто двигательная активность);
- увеличение активности, сопровождающееся повышением организованности и эффективности деятельности [1].

Нетрудно заметить, что сложные интеллектуальные действия в первой типологии соответствуют третьему случаю во второй типологии. Однако тождественными их назвать нельзя, потому что они связаны, прежде всего с результативностью. Очевидно, что психологическая готовность должна проявляться именно в поведенческих реакциях данных типов.

По мнению специалистов (Г.А. Аминев, В.В. Белоус, Э.А. Голубева, В.М. Русалов и др.), это связано, в первую очередь, с индивидуальными особенностями, в частности с типом нервной системы (для лиц с сильным типом нервной системы характерны именно отмеченные конструктивные формы поведения). Согласно другой точке зрения, различные формы поведенческих реакций в осложненных условиях зависят главным образом от уровня саморегуляции (О.А. Конопкин, Л.С. Нерсисян, В.Н. Пушкин), который может быть связан с индивидуальными особенностями, а может и специально вырабатываться. Чем выше уровень саморегуляции, тем выше функциональная активность, стрессоустойчивость и, как следствие, — эффективность и надежность деятельности. Третья точка зрения базируется на положении о том, что различные формы поведения и характер деятельности в экстремальных ситуациях связаны с уровнем психологической готовности (А.В. Бобков, Ю.В. Крюков, В.Г. Черницкий, В.Т. Юсов), причем составляющей частью психологической готовности является высокий уровень саморегуляции. Это соответствует и акмеологическим представлениям, согласно которым высокий уровень саморегуляции является важнейшим акмеологическим инвариантом профессионализма (В.Г. Зыкин). Таким образом, формирование психологической готовности к экстремальным управленческим ситуациям обеспечит увеличение активности субъекта труда, результатом чего станет высокая организованность и эффективность деятельности.

Психолого-акмеологические исследования последних лет позволили обобщить имеющиеся сведения о психологической готовности и получить новые научные результаты. Согласно им, общая психологическая готовность имеет универсальную структуру [3], включающую мотивы деятельности и сформировавшиеся установки (мотивационный компонент), профессиональные умения (операционно-деятельностный компонент), глубокие профессиональные знания (когнитивный компонент), личностно-деловые и профессионально важные качества (личностный компонент). При этом психологическая готовность будет высокой не в случае наличия всех компонентов или составляющих данной структуры, а только при их определенном уровне развития. Данный уровень развития соответствует их качественным изменениям, тогда они становятся акмеологическими инвариантами профессионализма.

Другой взгляд на проблему психологической готовности можно встретить в исследованиях О.А. Конопкин, Л.С. Нерсисян и В.Н. Пушкина, которые рассматривали психологическую готовность как готовность к экстренным действиям — ГЭД [6]. По мнению авторов, готовность к экстренным действиям является способностью адекватно и быстро реагировать на возникновение экстренных ситуаций, вероятность появления которых велика, а время наступления не определено. Данная трактовка готовности к экстренным действиям по своему содержанию близка к понятию готовности к деятельности в экстремальных управленческих ситуациях. По мнению исследователей, готовность к экстренным действиям имеет трехкомпонентную структуру.

Первым компонентом является образ действия, которое необходимо совершить в ответ на действующий экстремальный фактор. Данный образ должен быть адекватным ситуации и оперативным, то есть обладающим регулирующей ролью — за ним должны последовать

управляющие решения и действия, направленные на компенсацию данного фактора. Образ действия формируется в процессе тренировок, моделирования различных ситуаций, анализа экстремальных ситуаций, возникавших ранее.

Вторым компонентом готовности к экстремному действию является то общее функциональное состояние, которое обеспечивает быстроту принятия управленческого решения и соответствующего управляющего действия. По своим характеристикам данное состояние является состоянием оперативного покоя и адекватной мобилизации [5].

Третьим компонентом является психологическая направленность личности на эффективную деятельность в экстремальных ситуациях, отсутствие ее боязни, волевая регуляция поведения.

Если рассматривать трехкомпонентную концепцию готовности к экстремным действиям с точки зрения поставленных задач и специфики объекта исследований, то ее содержание может быть представлено следующим образом.

Первый компонент: образ действия, адекватный управленческой ситуации — формируется в процессе приобретения опыта и создания надежной информационной основы деятельности. Опыт позволяет по отдельным признакам возникающей экстремальной ситуации определить ее сущностные характеристики, возможные действия и последствия, и на этой основе сформировать эффективные алгоритмы адекватных управленческих действий и решений. Надежная информационная основа, базирующаяся на анализе различных потоков информации, позволяет предвосхищать возникновение экстремальных управленческих ситуаций и характер их действия.

Второй компонент: состояние оперативного покоя и адекватной мобилизации — должен базироваться на высоком уровне психологической саморегуляции, позволяющем компенсировать возникающие негативные функциональные состояния. Иными словами, данный компонент готовности к экстремным действиям обеспечивается одной из акмеологических инвариант профессионализма. Формирование высокого уровня саморегуляции позволяет повысить стрессоустойчивость и работоспособность.

Наконец, третий компонент: адекватный психологический настрой — обеспечивается психологической подготовкой к деятельности в экстремальных ситуациях, включающей их моделирование в процессе деловых и организационно-деятельностных игр.

Готовность к деятельности в экстремальных управленческих ситуациях необходимо формировать по следующим направлениям:

- развитие мотивационного компонента; оно может быть достигнуто за счет формирования психологических установок (изучение опыта ликвидации экстремальных управленческих ситуаций, методов предвосхищения их, моделирование в деловых играх); психологический профессиональный отбор; развитие профессионализма в процессе кадрового движения;
- развитие когнитивного компонента (повышение профессиональной компетентности, приобретение опыта);
- развитие операционально-деятельностного компонента (освоение новых алгоритмов и продуктивных способов решения управленческих задач, формирование управленческих умений и навыков);
- развитие личностного компонента (развитие профессионально важных качеств до уровня акмеологических инвариант профессионализма).

Можно утверждать, что готовность к экстремным действиям является важной составляющей структуры психологической готовности и конкретизирует ее содержание. В частности, операционально-деятельностный и когнитивные компоненты способствуют формированию адекватного образа ситуации, а также связаны с приобретением необходимого опыта, в том числе и в организации информационной основы деятельности. Но содержание операционально-деятельностного компонента шире, так как в него входит и деятельность по компенсации негативных психических состояний. Состояние адекватной мобилизации достигается за счет развития акмеологического инварианта профессионализма, входящего в личностный компонент. Мотивационный компонент связан с созданием соответствующего психологического настроения.

Формирование психологической готовности к деятельности в экстремальных управленческих ситуациях следует осуществлять в контексте повышения профессионализма управленческих кадров. В то же время, психологическая готовность может быть объектом специального развития.

Как свидетельствуют исследования (Ю.М. Забродин, Н.Д. Завалова, В.А. Пономаренко, В.Т. Юсов и др.), основными путями повышения психологической готовности являются:

- активное прогнозирование изменения ситуации – необходим поиск таких показателей деятельности организации, которые бы обладали прогностической ценностью, характерные изменения которых были своеобразным предупреждающим сигналом об осложнении управленческой ситуации;
- повышение способности к оценке потенциально возможных событий (это связано с аналитической составляющей управленческой деятельности, изучением функциональных связей и взаимодействий);
- повышение способности к ориентации во множестве задач и правилах их решения (данная функция связана с уровнем профессиональной компетентности);
- развитие профессионально важных качеств и умений, формирование резерва функциональных возможностей.

Важным фактором повышения психологической готовности является формирование внутренних планов действий в различных типах экстремальных ситуаций, своеобразное внутреннее моделирование их и своей деятельности в них. Это не только повышает психологическую готовность, но и помогает освоить новые алгоритмы деятельности.

В прикладных психологических исследованиях было показано, что формирование и повышение психологической готовности должно включать:

- укрепление чувства уверенности, способности справляться со сложными и экстремальными ситуациями;
- формирование представлений о возможных экстремальных ситуациях, характере их протекания и возможных последствиях;
- формирование представления о возможной деятельности в экстремальных ситуациях (перегрузки, алгоритмы, психологические и временные затраты и пр.);
- развитие профессионализма личности и деятельности;
- формирование качеств психологической надежности личности (устойчивости к напряжению и перенапряжению, готовности к экстренным действиям, ответственности, отсутствие склонности к поспешным выводам).

Приоритет тех или иных составляющих в этой схеме зависит от индивидуального подхода, учета личностных особенностей руководителя и членов управленческой команды. Отмеченные характеристики психологической готовности, пути ее формирования должны конкретизироваться в разработке типовых и индивидуальных программ формирования и повышения психологической готовности к деятельности в экстремальных управленческих ситуациях.

Литература

1. *Абрамова В.Н.* Психологические методы работы с кадрами на АЭС. М., 1990.
2. *Береговой Г.Т., Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике. М., 1990.
3. *Дмитриева О.Б.* Методы оценки сформированности психологической готовности к профессиональной деятельности инженера. Ковров, 1997.
4. *Зыкин В.Г.* Деятельность специалиста в особых условиях. Деп. Рук. НИИВО, № 275-94 от 7.12.1994.
5. *Леонова А.Б., Медведев В.И.* Функциональные состояния человека в трудовой деятельности. М., 1981.
6. *Нерсеян Л.С., Конопкин О.А.* Инженерная психология и проблема надежности машиниста. М., 1978.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

И.Г. Малкина-Пых

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ВТОРИЧНОГО ТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ ПСИХОЛОГОВ

Ключевые слова: профессиональное выгорание, стресс, вторичный травматический стресс

Keywords: professional burnout, stress, secondary traumatic stress

На современном этапе развития российского общества, в условиях быстрых и кардинальных социально-экономических изменений, растут требования, предъявляемые к профессиональным качествам личности. В связи с этим одной из приоритетных задач акмеологии является исследование специфических социально-психологических явлений, к числу которых относится и синдром выгорания среди профессионалов разных областей труда, а также разработка программ по их предупреждению и коррекции.

Особенную специфику синдром профессионального выгорания имеет у людей помогающих профессий (врачей, психологов, психотерапевтов), работающих с жертвами различных экстремальных ситуаций (стихийные бедствия, теракты, насилие и т. д.).

Термин «сгорание» или «выгорание» (*burnout*) был введен в практику американским психиатром Х. Фрейденбергером в 1974 году. Под выгоранием подразумевалось состояние изнеможения в совокупности с ощущением собственной бесполезности, ненужности [1, 5].

К. Маслач и С. Джексон рассматривают синдром выгорания как ответную реакцию на длительные профессиональные стрессы, возникающие в межличностных коммуникациях [1]. Модель синдрома представлена как структура, включающая в себя три компонента: эмоциональное истощение (перенапряжение, опустошенность, исчерпанность эмоциональных ресурсов), деперсонализацию (развитие негативного, бездушного, циничного отношения к раздражителям) и редукцию персональных достижений (снижение чувства компетентности в своей работе, недовольство собой, уменьшение ценности своей деятельности, негативное самовосприятие в профессиональной сфере). Обобщая сказанное, можно сказать, что «выгорание» характеризуется состоянием хронической усталости, эмоционального истощения, опустошенности.

При анализе синдрома «профессионального выгорания» основные усилия психологов по-прежнему направлены на выявление факторов, вызывающих выгорание. Традиционно они группировались в два больших блока: особенности профессиональной деятельности, или объективные факторы (слишком большая рабочая нагрузка, недостаточная возможность контролировать ситуацию, недостаточное моральное и материальное вознаграждение и т. д.) и индивидуальные характеристики самих профессионалов, или субъективные факторы (низкая самооценка, высокий нейротизм, тревожность и др.). Некоторые авторы выделяют и третью группу факторов, рассматривая содержательные аспекты деятельности как самостоятельные. Таким образом, нет единых взглядов на вопрос этиопатогенеза выгорания, отсутствуют устоявшиеся единые диагностические критерии. Подробный анализ существующих моделей приведен в ряде работ [1, 5, 8].

Ряд ученых считает, что личностные особенности намного больше влияют на развитие выгорания не только по сравнению с демографическими характеристиками, но и факторами рабочей среды [5].

Психологи и консультанты, которые постоянно сталкиваются в своей практике с клиентами, пережившими то или иное травматическое событие, кроме синдрома профессионального выгорания часто подвергаются опасности вторичной травматизации. Вторичная травма, или «вторичный травматический стресс» (*Secondary Traumatic Stress – STS*), – это

изменения во внутреннем опыте психотерапевта (психолога, консультанта), которые возникают в результате его эмпатической вовлеченности в отношения с клиентом, переживающим травматическое состояние [2, 12].

Различия между вторичным травматическим стрессом и синдромом выгорания лежат главным образом в причинах возникновения этих состояний: в то время, как вторичный травматический стресс чаще всего возникает как вторичная реакция на эмпатическое сопереживание клиентам с травматическими или проблемными ситуациями, синдром выгорания может возникать при работе с любыми клиентами. Также считается, что вторичная травма может наступить внезапно и безо всякого предупреждения.

Несколько основных симптомов вторичного травматического стресса очень напоминают классические симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР):

- повторное переживание (вторжение) травматического события в сновидениях или воспоминаниях;
- избегание ситуаций, мыслей и впечатлений, так или иначе связанных с травматической ситуацией, и как результат – прекращение определенных видов занятий;
- постоянное возбуждение, расстройство сна, трудности концентрации внимания и т.п. (физическая возбудимость) [2, 12].

Специфика возникновения вторичной травмы, как и синдрома профессионального выгорания, зависит от особенностей ситуации (условий работы, типа и количества клиентов, характера их травмы, политического, социального и культурного контекстов в момент получения травмы и в настоящий момент, наличия поддержки) и личности «помощника» (профессиональная идентичность, ресурсы, личная история, жизненная ситуация, индивидуальные стратегии преодоления трудностей, базовые убеждения) [8, 13].

Изучению вторичной травматизации специалистов, работающих с жертвами различных экстремальных ситуаций (террористические акты, насилие, стихийные бедствия, катастрофы и т. д.), за рубежом посвящено большое количество исследований [11, 12, 19]. В нашей стране подобные исследования только начинаются [2, 3].

Кроме того, многочисленные исследования зарубежных авторов посвящены исследованию взаимосвязи вторичной травматизации и профессионального выгорания. Практически все полученные результаты говорят о том, что вторичная травматизация и профессиональное выгорание очень тесно связаны и могут усиливать друг друга [12].

С нашей точки зрения, люди, находящиеся в местах лишения свободы, так же как и сотрудники исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) могут быть отнесены к категории клиентов, оказавшихся под воздействием экстремальных ситуаций, а психологи, работающие в системе Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) – к категории специалистов, работающих с такими клиентами.

Принудительная социальная изоляция человека в ИТУ, характеризующаяся различными ограничениями, – это весьма острая, экстремальная ситуация. Быстрая и коренная ломка жизненных планов порождает у человека комплекс специфических проявлений, названных «синдромом лишения свободы» («тюремный синдром») [9].

Замкнутость тюремной среды, крайне ограниченные возможности удовлетворения насущных потребностей, изнуряющая регламентация поведения, однообразная убогость обстановки, насилие и издевательства сокамерников, а в ряде случаев и тюремного персонала, неизбежно формируют устойчивые негативные черты личности. Личностные деформации во многих случаях становятся необратимыми.

Было выявлено, что у осужденных имеются четкая «реакция входа» в режим изоляции и «реакция выхода» из него, аналогичные описанным состояниям при экстремальных условиях у других категорий граждан (космонавты, полярники, спортсмены) [9]. При этом, *изменения психического состояния при поступлении* можно связать с психической травмой, связанной с социальной изоляцией, и рассматривать как острое стрессовое расстройство, а *перед освобождением* как хроническое посттравматическое стрессовое расстройство, связанное с истощением адаптационных механизмов и прорывом барьера психической адаптации по Ю.А. Александровскому [8], после длительного воздействия стрессогенных факторов.

Поэтому девиантность поведения на определенных этапах изоляции можно рассматривать как клиническое психопатологическое выражение адаптационного синдрома или ПТСР: острого – в начале пребывания и хронического – в конце. Такое поведение часто приводит к созданию экстремальных условий в ИТУ (массовые беспорядки, захват заложников, взрывы, поджоги, групповые побеги и т.д.). Результаты интервьюирования сотрудников ИТУ показали, что эти обстоятельства, в свою очередь, способствуют развитию стрессовых реакций у сотрудников этих подразделений [9].

Таким образом, психологи ФСИН постоянно подвергаются опасности не только профессионального выгорания, но и вторичной травматизации.

В то же время, если исследованиям взаимосвязи личностных характеристик и профессионального выгорания, в том числе и у работников пенитенциарной системы [8], посвящено очень большое количество работ, то в отношении вторичного травматического стресса таких работ гораздо меньше, особенно в нашей стране.

Целью нашего исследования было изучение взаимосвязи синдромов профессионального выгорания и вторичной травматизации у психологов, работающих в учреждениях ФСИН, а также связи данных синдромов с индивидуально психологическими характеристиками (уровнем субъективного контроля, базовыми убеждениями о мире, стажем работы). Мы считаем, что решение указанной задачи позволит получить дополнительные данные о синдроме профессионального выгорания, которые в дальнейшем могут быть эффективно использованы при разработке программ по его предупреждению и коррекции.

Выбор для исследования именно таких личностных характеристик был сделан нами после анализа результатов работ, посвященных как синдрому профессионального выгорания, так и вторичной травматизации. В качестве основной гипотезы нашего исследования предполагается, что профессиональное выгорание и вторичная травматизация связаны и могут существенно усугублять друг друга. Другая наша гипотеза заключается в том, что одни и те же индивидуально-психологические характеристики могут оказаться факторами риска развития обоих рассматриваемых синдромов.

В частности, среди личностных факторов, способствующих выгоранию, обнаружены такие показатели предрасположенности к стресс-реакциям, как соотношение экстернальности и интернальности, подразумевающее степень ответственности человека за свою жизнь. В ряде исследований показано, что экстернальный «локус контроля» положительно коррелирует с эмоциональным истощением и деперсонализацией [1, 5]. Соотношение экстернальности/интернальности также рассматривается многими исследователями как фактор, способствующий вторичной травматизации [17]. Было выяснено, что интерналы располагают более эффективно работающей когнитивной системой. Чувство контроля над собой и окружением позволяет им более успешно справляться со стрессовыми и травматическими ситуациями. Даже катастрофические события могут быть предотвращены хорошо продуманными действиями человека.

Убеждения о мире рассматриваются как содержательные когнитивно-личностные характеристики, определяющие глубинные представления человека о себе и мире, сквозь призму которых он воспринимает и перерабатывает информацию. Они считаются базовыми установками личности, которые в первую очередь подвергаются воздействию психической травмы [3, 6, 7].

В исследованиях разных авторов приводятся достаточно противоречивые мнения о влиянии системы базовых убеждений о мире на способность человека справляться со стрессами, в том числе и травматическими. Некоторые авторы считают, что чересчур оптимистичные базовые убеждения о мире и о самом себе, в частности, серьезно увеличивают риск для индивида оказаться серьезно травмированным в результате воздействия экстремальных событий [15].

Другие авторы говорят о том, что риск развития симптомов ПТСР намного возрастает, если человек изначально обладает слабым ощущением собственной идентичности и низкой самооценкой, а также имеет негативный взгляд на события собственной жизни [10]. Было обнаружено, что участники экстремальных ситуаций, изначально обладавшие высокой и

положительной самооценкой, говорили о том, что в результате воздействия указанных событий чувствуют себя более сильными, уверенными в себе и получившими новый полезный опыт [16].

Данные о влиянии профессионального стажа на возникновение синдромов профессионального выгорания и вторичной травматизации также достаточно противоречивы. Установлено, что фактором риска выгорания выступает не продолжительность работы (как стаж), а неудовлетворенность ею, отсутствие перспективы личностного и профессионального роста, а также личностные свойства, оказывающие влияние на напряженность общения на работе [1]. Другие результаты говорят о существовании нелинейной зависимости между таким симптомом вторичной травматизации, как избегание и стажем работы: у наименее и наиболее опытных психотерапевтов данный симптом наиболее выражен.

В исследовании участвовали практические психологи учреждений ФСИН из 22 регионов России (Санкт-Петербург, Белгород, Владимир, Калуга, Рязань, Ростов и т. д.). Общее количество испытуемых составило 87 человек, из них 50 мужчин, 38 женщин. Средний возраст испытуемых составил $33,2 \pm 5,7$ (от 25 до 45 лет). Все испытуемые работают как со спецконтингентом (осужденными), так и с сотрудниками ИТУ. Средний стаж работы психологом ФСИН составил $6,23 \pm 3,5$ лет (от 3 месяцев до 15 лет).

Все респонденты выразили информированное согласие участвовать в проекте. Использование стандартизированных опросников самооценки позволило обеспечить максимальную степень невовлеченности исследователя в процесс сбора информации. Все процедуры, связанные с проведением опроса респондентов, кодированием информации, формированием банка данных, хранением первичного материала и результатов его обработки, проведены с соблюдением этических норм.

В нашем исследовании мы использовали следующие психодиагностические методики.

1. *Опросник «Профессиональное выгорание» К. Маслач и С. Джексона* [1] содержит 22 утверждения о чувствах и переживаниях, связанных с выполнением рабочей деятельности. Состоит из трех субшкал: эмоционального истощения, деперсонализации и персональных достижений. Ответы оцениваются по 7-балльной шкале измерений и варьируют от «никогда» (0 баллов) до «каждый день» (6 баллов). Исключение составляет вопрос № 6, который считается в обратном порядке, то есть ответ «каждый день» соответствует значению 0 баллов.

В авторском варианте опросника о наличии высокого уровня выгорания свидетельствуют высокие оценки по субшкалам эмоционального истощения и деперсонализации и низкие – по субшкале персональных достижений. Однако, в некоторых работах [14] используется реверсивная шкала персональных достижений, то есть субшкала редукции профессиональных достижений. Это дает возможность сравнивать показатели всех трех субшкал опросника, а также вычислить общий балл уровня профессионального выгорания. В этом случае оценки ответов по субшкале редукции персональных достижений варьируют от «никогда» (6 баллов) до «каждый день» (0 баллов), аналогично вопросу № 6 в исходном варианте опросника.

Оценки уровней выгорания для российской выборки [1] имеют следующие значения для субшкал: эмоциональное истощение (низкий уровень (L): 0–15 баллов; средний уровень (M): 16–24 балла; высокий уровень (H): > 25 баллов); деперсонализация (L: 0–5 баллов; M: 6–10 баллов; H: > 11 баллов); редукция личных достижений (L: 0–11 баллов; M: 12–17 баллов; H: > 18 баллов).

2. *Шкала оценки вторичного травматического стресса – ШОВТС (Secondary Traumatic Stress Scale – STSS)* [11] предназначена для выявления симптомов вторичной травматизации у специалистов, работающих с жертвами различных экстремальных ситуаций.

Опросник состоит из 17 пунктов, основан на самоотчете и выявляет преобладание тенденции избегания (ИЗ), вторжения (ВТ) (навязчивого воспроизведения) травматического события и физического возбуждения (ФВ). Сумма показателей по трем шкалам дает общую оценку синдрома вторичной травматизации (СВТ). Текст опросника приведен в Приложении данной статьи.

Шкала переведена и адаптирована автором настоящей статьи. Надежность теста опреде-

ляется критерием его внутренней согласованностью, значение которого вычисляется как коэффициент корреляции К. Пирсона между результатами каждой из субшкал и суммарным результатом теста. Для опросника «Шкала оценки вторичного травматического стресса» получены следующие значения коэффициентов корреляции: ВТ – СВТ = 0,784, $p < 0,01$; ИЗ – СВТ = 0,896, $p < 0,01$; ФВ – СВТ = 0,859, $p < 0,01$.

Для оценки надежности на основе внутренней согласованности для всей шкалы считается коэффициент альфа Л. Кронбаха. Для опросника «Шкала оценки вторичного травматического стресса» получены следующие значения коэффициента альфа Кронбаха: ВТ – 0,89; ИЗ – 0,95; ФВ – 0,92; СВТ – 0,91. Таким образом, можно утверждать, что русскоязычная версия «Шкалы оценки вторичного травматического стресса» обладает достаточно высокой надежностью.

Средние значения показателей методики: субшкала «вторжение» – $8,11 \pm 3,03$, субшкала «избегание» – 12,49 ($SD=5,0$), субшкала «физиологическая возбудимость» – 8,89 ($SD=3,57$), общий балл – 29,49 ($SD=10,76$).

3. *Шкала базовых убеждений – ШБУ (World assumption scale – WAS) [3, 7]* – опросник, состоящий из 32 утверждений, отражающих оценку восьми основных категорий, которые затем оцениваются как три обобщенные направления отношений: *общее отношение к благосклонности окружающего мира* (вычисляется как среднее арифметическое между показателями «благосклонность мира» и «доброта людей»); *общее отношение к осмысленности мира, то есть контролируемости и справедливости событий* (вычисляется как среднее арифметическое между показателями «справедливость мира», «контролируемость мира» и реверсивным «случайность») и *убеждение относительно собственной ценности, способности управления событиями и везения* (вычисляется как среднее арифметическое между показателями «ценность Я», «самоконтроль» и «везение»).

Средние значения показателей ШБУ: субшкала «благосклонность мира» – 3,76 ($SD=0,92$); субшкала «контролируемость мира» – 2,46 ($SD=1,01$); субшкала «собственная ценность» – 3,64 ($SD=0,96$). В норме показатели по всем шкалам выше среднего.

4. *Опросник Уровня Субъективного Контроля (УСК) [8]*.

Статистическую обработку результатов исследования проводили с помощью пакета программ SPSS 16.0 for Windows [4]. Оценка достоверности различий проводилась с использованием критерия Манна-Уитни, взаимосвязи между факторами оценивались при помощи коэффициента корреляции Спирмена.

По результатам тестирования с использованием опросника «Профессиональное выгорание» наличие низкого уровня профессионального выгорания (0–33 балла) было выявлено у 3 испытуемых (3,4 %), среднего уровня (34–53 балла) – у 39 испытуемых (44,8 %) и высокого уровня – у 45 испытуемых (51,8 %).

На основании этих результатов были выделены группы респондентов с низким и средним уровнями профессионального выгорания (группа 1, 42 человека) и высоким уровнем профессионального выгорания (группа 2, 45 человек).

Данные об индивидуально-психологических характеристиках и их различиях в обеих группах представлены в таблице.

Между выделенными группами не существовало значимых различий по полу, возрасту, стажу работы по специальности и специфике нагрузки. Однако имеются значимые различия по средним значениям:

- симптомов вторичного травматического стресса, кроме вторжения;
- базовых убеждений о мире, кроме контролируемости мира,
- общей интернальности, а также интернальности в области достижений, неудач и здоровья.

Отсутствуют различия в группах по средним значениям показателей интернальности в области семейных, производственных и межличностных отношений.

Кроме того, необходимо отметить следующее. Значения показателя симптома вторжения в обеих группах превышают среднее нормальное значение, что говорит о выраженности данного симптома у всех респондентов. Такая же картина наблюдается по симптому физической

**Средние значения компонентов синдрома профессионального выгорания
и индивидуально-психологических характеристик в группе с низким и средним (группа 1)
и высоким (группа 2) уровнями выгорания**

Индивидуально-психологические характеристики с указанием достоверности различий между группами	Группа 1 N=42 M(SD)	Группа 2 N=45 M(SD)	p
Стаж работы (годы)	5,78(3,94)	6,65(3,03)	0,178
Эмоциональное истощение (ЭИ)***	20,8(2,82)	26,53(2,58)	0,000
Деперсонализация (ДП)***	9,0 (2,16)	14,07(2,82)	0,000
Редукция достижений (РД)***	12,79(3,98)	16,73(3,63)	0,000
Синдром выгорания (СВ) (общий балл) ***	42,57(6,6)	57,33(3,65)	0,000
Вторжение (ВТ)	10,57(1,86)	11,27(2,87)	0,177
Избегание (ИЗ)***	12,29(2,4)	15,53 (3,6)	0,000
Физическая возбудимость (ФВ)*	10,07(1,69)	11,33(2,44)	0,010
Синдром вторичной травматизации (СВТ) (общий балл)***	32,93(4,85)	38,13(7,62)	0,000
Благосклонность мира*	4,52(0,38)	4,29 (0,38)	0,011
Контролируемость мира	3,65(0,26)	3,67 (0,45)	0,788
Собственная ценность***	4,44(0,28)	4,16 (0,32)	0,000
Общая интернальность*	6,43(1,42)	5,33 (2,04)	0,013
Интернальность в области достижений*	6,79(1,68)	6,13 (1,88)	0,025
Интернальность в области неудач*	6,29(1,6)	5,27 (2,14)	0,027
Интернальность в области семейных отношений	6,21(1,92)	6,27 (1,3)	0,938
Интернальность в области производственных отношений	5,14(1,52)	4,4 (1,84)	0,148
Интернальность в области межличностных отношений	6,93(0,71)	6,6 (1,68)	0,968
Интернальность в области здоровья и болезни**	5,71(1,55)	4,6 (1,88)	0,008

Примечание: М – выборочное среднее, SD – среднее квадратичное отклонение, *** уровень значимости $p < 0,001$, ** уровень значимости $p < 0,01$, * уровень значимости $p < 0,05$.

возбудимости и общему баллу вторичной травматизации. Только среднее значение симптома избегания у респондентов группы 1 находится в пределах нормальных значений.

Значения показателей всех шкал базовых убеждений о мире в обеих группах превышают средние нормальные значения, что позволяет говорить о наличии позитивных глубинных представления респондентов о себе и мире.

Что касается показателей интернальности, то лишь два значимо различающихся показателя различаются также и по направленности локуса контроля – общая интернальность и интернальность в области неудач. Средние значения показывают, что респондентам группы 1 присущ внутренний, а респондентам группы 2 – внешний локус контроля в данных областях жизни. В то же время, респондентам обеих групп присуща интернальность в области достижений, семейных и межличностных отношений и экстернальность в области производственных отношений, а также здоровья и болезни.

Анализ приведенных результатов описательной статистики и сравнения средних позволяет сделать предварительные выводы о том, такое базовое убеждение, как контролируемость мира, а также интернальность в области семейных, производственных и межличностных отношений вероятнее всего не связаны с синдромом профессионального выгорания. Кроме того, обращает на себя внимание факт наличия высоких показателей экстернальности в области производственных отношений и здоровья/болезни у всех респондентов исследуемой профессиональной группы. Можно предположить, что этот результат связан со спецификой условий профессиональной деятельности данной группы психологов.

Для выяснения взаимосвязи личностных особенностей и синдрома вторичной травматизации с профессиональным выгоранием нами был проведен анализ корреляционных связей между показателями опросника профессионального выгорания и шкал вторичного травматического стресса, базовых убеждений и УСК, а также стажем работы испытуемых.

Результаты корреляционного анализа показали, что существует значимая положительная, от слабой до умеренной, связь симптомов профессионального выгорания и вторичной травматизации. Наиболее сильно с симптомами вторичной травматизации связана деперсонализация (с вторжением $r=0,43$, $p<0,01$; с избеганием $r=0,57$, $p<0,01$; с физической возбудимостью $r=0,56$, $p<0,01$ и с общим синдромом вторичной травматизации $r=0,61$, $p<0,01$). Данный результат вполне объясним на основе существующих теоретических представлений о вторичной травме [2]. В частности, известно, что профессионалы, работающие с травмированными клиентами, могут ощущать утрату устойчивости и способности поддерживать чувство внутреннего равновесия. Некоторые эмоционально закрываются и переживают онемение, «окаменелость», отстраненность или деперсонализацию.

В то же время редукция профессиональных достижений не связана с симптомами вторичной травматизации (физической возбудимостью и синдромом в целом), либо связана слабо положительно (с избеганием $r=0,28$, $p<0,05$), либо вообще связана отрицательно, хотя и слабо (с вторжением $r=-0,24$, $p<0,05$). Последний результат является достаточно неожиданным, однако, поскольку сила данной связи очень слабая, то, с нашей точки зрения, для его объяснения требуются дополнительные исследования.

Эмоциональное истощение значимо умеренно положительно связано со всеми симптомами вторичной травматизации, кроме вторжения (с избеганием $r=0,36$, $p<0,01$; с физической возбудимостью $r=0,41$, $p<0,01$ и с общим синдромом вторичной травматизации $r=0,30$, $p<0,05$). Общий синдром выгорания также значимо умеренно положительно связан со всеми симптомами вторичной травматизации, кроме вторжения (с избеганием $r=0,49$, $p<0,01$; с физической возбудимостью $r=0,34$, $p<0,01$ и с общим синдромом вторичной травматизации $r=0,38$, $p<0,01$).

Таким образом, результаты нашего исследования говорят о том, что наличие вторичной травматизации может быть значимым фактором, существенно повышающим риск профессионального выгорания, особенно по такому симптому как деперсонализация. В наименьшей степени с вторичной травматизацией связана редукция профессиональных достижений.

Результаты корреляционного анализа показали, что у всех испытуемых стаж работы значимо положительно, но слабо связан только с таким симптомом профессионального выгорания, как деперсонализация ($r=0,28$, $p<0,01$). В то же время, все симптомы вторичной травматизации, кроме вторжения, демонстрируют значимую положительную, умеренную связь со стажем работы (с избеганием $r=0,53$, $p<0,01$; с физической возбудимостью $r=0,45$, $p<0,01$ и с общим синдромом вторичной травматизации $r=0,48$, $p<0,01$). Полученные результаты позволяют сделать вывод, что для респондентов исследуемой профессиональной группы стаж работы практически не влияет на процесс профессионального выгорания, но может являться фактором риска возникновения вторичной травмы.

Исследование взаимосвязи базовых убеждений о мире с профессиональным выгоранием и симптомами вторичной травматизации показало, что убеждение о благосклонности мира значимо отрицательно (слабо и умеренно) связано со всеми симптомами выгорания, кроме эмоционального истощения (с деперсонализацией $r=-0,28$, $p<0,01$; с редукцией профессиональных достижений $r=-0,45$, $p<0,01$; с общим синдромом профессионального выгорания $r=-0,35$, $p<0,01$) и со всеми симптомами вторичной травмы, кроме физической возбудимости (с вторжением $r=-0,28$, $p<0,01$; с избеганием $r=-0,45$, $p<0,01$ и с общим синдромом вторичной травматизации $r=-0,35$, $p<0,01$). Убеждение о собственной ценности наиболее сильно отрицательно связано со всеми параметрами выгорания (с эмоциональным истощением $r=-0,42$, $p<0,01$; с деперсонализацией $r=-0,40$, $p<0,01$; с редукцией профессиональных достижений $r=-0,33$, $p<0,01$; с общим синдромом профессионального выгорания $r=-0,46$, $p<0,01$). Связь данного убеждения с симптомами вторичной травмы наблюдается только для избегания ($r=-0,24$, $p<0,05$) и общего синдрома ($r=-0,23$, $p<0,05$) и является слабой. Убежде-

ние о контролируемости мира не связано ни с одним из симптомов выгорания, вторжением и избеганием, и слабо отрицательно связано с физической возбудимостью ($r=-0,24$, $p<0,05$) и общим синдромом вторичной травматизации ($r=-0,22$, $p<0,01$).

Таким образом, можно сделать общий вывод, что убеждения о благосклонности мира и собственной ценности значимо отрицательно связаны как с синдромом профессионального выгорания, так и с синдромом вторичной травматизации, хотя с последним достаточно слабо. Убеждение о контролируемости мира практически не связано ни с уровнем профессионального выгорания, ни с уровнем вторичной травматизации.

Полученные нами результаты согласуются с результатами исследователей, говорящих о том, что *самоуважение* играет важную роль в переживании дистрессов, в том числе, связанных с работой. Тревожные, депрессивные и не способные справиться со стрессами люди чаще испытывают эмоциональное истощение и деперсонализацию и на работе, и вне ее [1]. Также наши результаты совпадают с результатами исследований, в которых была обнаружена отрицательная корреляционная зависимость между компонентами выгорания и высокой самооценкой [18]. В то же время, общая положительная картина мира (убеждение о благосклонности) может оказываться важным фактором, препятствующим вторичной травматизации.

Исследование взаимосвязи интернальности/экстернальности с профессиональным выгоранием и вторичной травматизацией показало, что в нашей выборке данная личностная характеристика практически никак не связана с синдромом вторичной травматизации. Некоторые полученные значимые отрицательные коэффициенты корреляции (например, между общей интернальностью, вторжением ($r=-0,24$, $p<0,05$) и физической возбудимостью ($r=-0,23$, $p<0,05$) или интернальностью в области здоровья/болезни, вторжением ($r=-0,27$, $p<0,01$), физической возбудимостью ($r=-0,21$, $p<0,05$) и общим синдромом вторичной травматизации ($r=-0,25$, $p<0,05$) являются слабыми и не меняют общую картину.

Для синдрома профессионального выгорания картина несколько иная. Эмоциональное истощение умеренно значимо отрицательно связано с общей интернальностью ($r=-0,40$, $p<0,01$), интернальностью в области достижений ($r=-0,47$, $p<0,01$), интернальностью в области неудач ($r=-0,37$, $p<0,01$) и слабо значимо отрицательно с интернальностью в области производственных отношений ($r=-0,21$, $p<0,05$). Деперсонализация умеренно значимо отрицательно связано с общей интернальностью ($r=-0,37$, $p<0,01$), интернальностью в области достижений ($r=-0,33$, $p<0,01$), интернальностью в области неудач ($r=-0,33$, $p<0,01$), интернальностью в области здоровья и болезни ($r=-0,46$, $p<0,01$) и слабо значимо отрицательно с интернальностью в области производственных отношений ($r=-0,21$, $p<0,05$). Редукция профессиональных достижений умеренно значимо отрицательно связана только с интернальностью в области достижений ($r=-0,29$, $p<0,01$). Соответственно, и общий синдром профессионального выгорания умеренно значимо отрицательно связано с общей интернальностью ($r=-0,40$, $p<0,01$), интернальностью в области достижений ($r=-0,47$, $p<0,01$), интернальностью в области неудач ($r=-0,33$, $p<0,01$), интернальностью в области здоровья и болезни ($r=-0,31$, $p<0,01$).

Таким образом, результаты нашего исследования практически не подтверждают результаты других исследований [17], говорящих о важной роли показателя интернальности/экстернальности в преодолении травматических стрессов. По результатам нашего исследования можно сделать вывод, что локус контроля действительно взаимосвязан с профессиональным выгоранием, но практически не имеет значения в процессе формирования синдрома вторичной травматизации.

Полученные результаты, безусловно, подтверждают основную выдвинутую нами гипотезу о том, что наличие вторичной травматизации может быть значимым фактором, существенно повышающим риск профессионального выгорания, особенно по такому симптому как деперсонализация. В наименьшей степени с вторичной травматизацией связана редукция профессиональных достижений.

Вторая выдвинутая нами гипотеза подтвердилась лишь частично, то есть только в отношении такой личностной характеристики, как базовые убеждения о мире. Убеждения о

благосклонности мира и собственной ценности значимо отрицательно связаны с синдромом как профессионального выгорания, так и вторичной травматизации, хотя с последним достаточно слабо, а убеждение о контролируемости мира практически не связано ни с одним из них. В то же время, такая личностная характеристика, как локус контроля значимо взаимосвязана с профессиональным выгоранием, но практически не имеет значения в процессе формирования синдрома вторичной травматизации.

Мы считаем, что полученные нами результаты расширяют представления о синдроме профессионального выгорания, особенно у психологов, работающих с жертвами экстремальных и кризисных ситуаций, и могут быть эффективно использованы при разработке программ по его предупреждению и коррекции.

Безусловным ограничением нашего исследования является профессиональная однородность выборки. Очевидно, что дальнейшие исследования в данном направлении должны включать, в первую очередь, проведение экспериментальных исследований испытуемых других профессиональных областей, например, психологов МЧС.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2005.
2. *Ильина И.Г., Соловейчик М.Я.* (ред.) Методические материалы по работе со вторичной травмой // Конфликт и травма. Вып.1. Актуальные вопросы оказания помощи при травматических и посттравматических стрессовых расстройствах. СПб., 2002.
3. *Малкина-Пых И.Г.* Экстремальные ситуации: Справочник практического психолога. М., 2005.
4. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб., 2006.
5. *Орел В.Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. Т.22, №1. С. 90–101.
6. *Падун М.А., Тарабрина Н.В.* Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1. С. 121–142.
7. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М., 2003.
8. *Самыкина Н., Сулицкий В.* Синдром выгорания у работников пенитенциарной системы // Социальная психология. 2004. №4(6). С. 43–48.
9. *Човдырова Г.С.* Личность в условиях социальной изоляции: Проблемы адаптации и повышение стрессовой устойчивости. М., 2000.
10. *Bramsen I., Dirkzwager A.J., van der Ploeg H.M.* Predeployment personality traits and exposure to trauma as predictors of posttraumatic stress symptoms: A prospective study of former peacekeepers // Am. J. Psych. 2000. V. 157(7). P. 1115–1119.
11. *Bride B.E., Robinson M.M., Yegidis B., Figley C.R.* Development and validation of the secondary traumatic stress scale // Res. Soc. W. Pract. 2003. Vol. 13. P. 1–16.
12. *Figley C.R.* (Ed.) Compassion Fatigue: Coping with Secondary Traumatic Stress Disorder in those who treat the traumatized. NY., 1995.
13. *Gentry J.E.* Compassion fatigue: a crucible of transformation // J. Traum. Pract. 2002. V.1 (3/4). P. 37–61.
14. *Gorna J.K., Konieczna J.* Burnout, stress and styles of coping among hospital nurses // Ann. Acad. Med. Bial. 2005. V.50. P. 216–219.
15. *Janoff-Bulman R.* Posttraumatic growth: Three explanatory models // Psy. Inq. 2004. V. 15. P. 30–34.
16. *Joseph S., Linley P.A., Harris G.J.* Understanding positive change following trauma and adversity: Structural clarification // J. Loss Tr. 2005. V. 10. P. 83–96.
17. *Linley P.A.* Positive adaptation to trauma: wisdom as both process and outcome // J. Traum. Str. 2003. V. 16(6). P. 601–610.

18. *Rosse J.G., Boss R.W., Johnson A.E., Crown D.F.* Conceptualizing the role of self-esteem in the burnout process // *Gr. Org. St.* 1991. V.16 (4). P. 428–451.
19. *Stamm B.H.* (Ed.). *Secondary traumatic stress: Self-care issues for clinicians, researchers, and educators* (2nd ed.). Lutherville, MD: Sidran, 1999.

© Малкина-Пых И.Г., 2010

Приложение

Шкала оценки вторичного травматического стресса

Инструкция. Прочитайте внимательно каждое утверждение. Затем определите и отметьте на бланке, насколько верным для вас являлось данное утверждение в течение последних семи (7) дней.

	Утверждение	Никог- да	Редко	Ино- гда	Часто	Очень часто
1	Я чувствовал себя эмоционально заторможенным	1	2	3	4	5
2	Мое сердце начинало сильно биться, когда я думал о работе с клиентами	1	2	3	4	5
3	Мне казалось, что я пережил ту же травму, что и мой (мой) клиент(ы)	1	2	3	4	5
4	У меня возникли проблемы со сном	1	2	3	4	5
5	Я чувствовал неуверенность в будущем	1	2	3	4	5
6	Воспоминания о моей работе с клиентами расстраи- вали меня	1	2	3	4	5
7	Мне было неинтересно общаться с другими людьми	1	2	3	4	5
8	Я испытывал раздражение	1	2	3	4	5
9	Я был менее активен, чем обычно	1	2	3	4	5
10	Я думал о своей работе с клиентами, даже когда не собирался этого делать	1	2	3	4	5
11	Мне было трудно сосредоточиться	1	2	3	4	5
12	Я избегал людей, мест или вещей, напоминавших мне о работе с клиентами	1	2	3	4	5
13	У меня были разрушительные фантазии о моей ра- боте с клиентами	1	2	3	4	5
14	Я хотел избежать работать с некоторыми клиентами	1	2	3	4	5
15	Меня было легко раздосадовать	1	2	3	4	5
16	Я ожидал, что случится что-нибудь плохое	1	2	3	4	5
17	Я обнаружил провалы в воспоминаниях о моих сес- сиях с клиентами	1	2	3	4	5

Ключ:

Субшкала «вторжение»: сумма баллов пунктов 2, 3, 6, 10, 13.

Субшкала «избегание»: сумма баллов пунктов 1, 5, 7, 9, 12, 14, 17.

Субшкала «физиологическая возбудимость»: сумма баллов пунктов 4, 8, 11, 15, 16.

Общий балл синдрома вторичной травматизации определяется как сумма баллов трех субшкал.

А.М. Абдурагимов

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СУБЪЕКТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРОЦЕССА ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Ключевые слова: личностно-профессиональное развитие, субъектная регуляция

Keywords: personal-professional development, subjective regulation

Личностно-профессиональное развитие будущих юристов можно определить как процесс их индивидуальных, личностных, субъектных, деятельностных и социокультурных изменений, который происходит под влиянием профессионального образования и самосовершенствования и в рамках которого будущие юристы формируются как профессионалы, ориентированные на высокие достижения и творческую самореализацию, открытые для жизненного и социального опыта, умеющие воспринимать жизнь во всем ее многообразии, способные к самоуправлению в профессиональной деятельности, взаимодействиях и саморазвитии и к стратегическому планированию своего жизненного пути.

Так как личностно-профессиональное развитие проходит преимущественно в форме саморазвития, то возникает необходимость исследования внутренних, психолого-акмеологических механизмов этого процесса.

Анализ научной литературы показал, что для всех видов осознанной целенаправленной активности человека, которая имеет определенный личностный смысл и относительно которой человек выступает как ее инициатор и творец, в том числе для его личностно-профессионального развития, существует универсальный психолого-акмеологический механизм: совокупность субъектных структур, взаимодействие которых обеспечивает произвольное регулирование этой активности.

Авторы обозначают этот механизм терминами «осознанная саморегуляция» [5], «смысловая регуляция» [3], «личностная регуляция» [3], «волевая регуляция» [10], «субъектная регуляция» [9], тем самым подчеркивая, что их внимание обращено на тот или иной аспект произвольной регуляции человеческой активности. Мы будем использовать термин «субъектная регуляция», так как считаем, что он наиболее полно и точно отражает содержание данного понятия.

Именно в качестве субъекта человек, осуществляя реальные отношения с действительностью, реализует специфически человеческие способы существования в форме сознания и деятельности, собственное созидательное начало, способность к достижению субъектно-принятых целей, и выступает в качестве единственного инициатора своей активности.

Выделяют три сущностные характеристики субъектности как интегральной способности выстраивать жизнь и деятельность в соответствии с собственными целями и ценностями: активность, надситуативность и способность разрешать противоречия [2].

При этом активность, надситуативность и способность разрешать противоречия как сущностные характеристики субъектности обеспечивают человеку возможность самодетерминации и саморегуляции, то есть субъектной регуляции любой его произвольной деятельности.

Значительный вклад в исследование проблемы субъектной регуляции внес О.А. Конопкин, разработавший в рамках информационно-кибернетического подхода концепции осознанной саморегуляции деятельности.

В основу данной концепции были положены представления об *осознанности* самого процесса регуляции субъектом; *системности* вовлеченных в подготовку и исполнение деятельности регуляторных психических функций; *принципиальной схеме организации* функций саморегуляции деятельности [7].

О.А. Конопкин отмечал, что функциональной сформированностью, динамическими и содержательными характеристиками процессов саморегуляции, которые осуществляются субъектом активности, определяется, с одной стороны, успешность, надежность, продуктивность, конечный исход любого акта произвольной активности, а с другой, – все индивидуальные особенности поведения и деятельности человека [5]. При этом автор подчеркивал, что, несмотря на единство целенаправленной «исполнительской» активности и осознанной регуляторики, обеспечивающей ее продуктивность, они не тождественны друг другу [5].

О.А. Конопкин определял осознанную саморегуляцию как системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей [5].

Рассматривая проблему осознанной саморегуляции с позиций системно-функционального подхода, О.А. Конопкин разработал концептуальную модель процесса осознанной саморегуляции как целостной, замкнутой по структуре, информационно открытой системы, которая реализуется взаимодействием функциональных звеньев (блоков) [5].

Автор выделил следующие функциональные звенья, реализующие структурно полноценный процесс саморегуляции: принятая субъектом цель деятельности; субъективная модель значимых условий; программа исполнительских действий; система субъективных критериев достижения цели; контроль и оценка реальных результатов; решения о коррекции системы саморегулирования [5].

Как система функциональных звеньев осознанная саморегуляция обеспечивает создание и динамическое существование в сознании субъекта целостной модели его деятельности, которая предвосхищает (как до начала действий, так и в ходе их реализации) его исполнительскую активность [5].

С динамической точки зрения в процессе осознанной саморегуляции человек самостоятельно принимает ряд взаимосвязанных решений, преодолевая субъективную информационную неопределенность при построении и управлении своей активностью путем осуществления последовательности согласованных между собой выборов, начиная с принятия цели и кончая оценкой достигнутых результатов [5].

С содержательной точки зрения осознанная саморегуляция обеспечивается средствами конкретных психических процессов, явлений, продуктов психической активности и реализуется как пристрастный процесс собственно психической активности субъекта со всеми особенностями его детерминации, содержательным и личностным смыслом целей, отношением человека к способу их достижения, условиями деятельности, палитрой индивидуальных особенностей субъекта и многими другими факторами [5].

При этом успешность любой произвольной деятельности активности, в том числе и личностно-профессионального развития, зависит от уровня сформированности как всего контура психической регуляции в целом, так и его отдельных функциональных звеньев [4].

Идеи О.А. Конопкина были развиты в работах Ю.С. Жуйкова, Е.М. Коноз, Н.Ф. Кругловой, Ю.А. Миславского, В.И. Моросановой, А.К. Осницкого, Г.С. Прыгина, Н.О. Сипачева, В.И. Степанского, В.И. Фарютина и др.

Их исследования были направлены на анализ стилевых особенностей саморегуляции деятельности, индивидуально-типических особенностей саморегуляции, роли регуляторного опыта в совершенствовании саморегуляции, выявление критериев успешности саморегуляции, разработку различных методов диагностики уровня произвольной саморегуляции. В рамках данного направления исследований активно разрабатываются такие категории как «инициативность», «продуктивная самостоятельность» и др.

Как отмечает К.В. Карпинский, обобщенная модель структуры осознанной психической саморегуляции, разработанная О.А. Конопкиным и его последователями, упорядочивает и систематизирует представления о роли и функциях различных психических феноменов в целостной системе психического регулирования [3].

В то же время, по мнению К.В. Карпинского, данная концептуальная модель осознанной саморегуляции отличается кибернетическим редукционизмом, который носит выраженную

антисубъектную направленность. Это связано с тем, что О.А. Конопкин считал, что процесс осознанного регулирования деятельности принципиально не отличается от процессов регуляции, осуществляемых в разного рода биологических и даже технических системах, и допускает определенные сопоставления с ними [4]. В результате процесс психической саморегуляции был сведен к процессам циркуляции и обмена информации в пределах сознания, хотя в действительности сугубо человеческие виды произвольной активности детерминируются не просто через сознание, а через личность [3]. При этом сознание следует рассматривать как отражательную способность действующей в качестве субъекта личности, а личность — как интегральную основу психической регуляции [3].

К.В. Карпинский подчеркивает, что без личности описанную модель нельзя считать системой саморегуляции вообще, поскольку само по себе сознание как открытая информационная система не обладает способностью к самоорганизации и самодетерминации. Именно личность упорядочивает и организует содержание сознания, селектирует и фильтрует информационные потоки, то есть управляет всеми информационными ресурсами сознания и распоряжается его регуляторными возможностями, конструируя из них контур осознанной саморегуляции [3]. Это мнение согласуется со словами К.А. Абульхановой о том, что «личность выступает как регулятор своих психических возможностей, состояний, процессов, качества личности определяют ее сознание» [1, с. 110].

Помимо информационно-кибернетического подхода к проблемам произвольной саморегуляции в исследованиях активно используется ресурсный подход (Т.В. Корнилова, В.А. Петровский, Е.А. Сергиенко, М.А. Холодная и др.).

Е.А. Сергиенко в качестве достоинств модели силы ресурсов выделяет не только попытку интегративного подхода к процессам саморегуляции и отнесенность возможностей саморегуляции к внутренним ресурсам человека, но и адресованность всех процессов саморегуляции к конструкту субъекта, который рассматривается как центральная инстанция саморегуляции. В то же время, по мнению Е.А. Сергиенко, данная модель несвободна от недостатков, основным из которых является упрощенность представлений о саморегуляции как органических ресурсах и их истощении [9].

В попытке преодолеть недостатки ресурсного подхода Е.А. Сергиенко предложила собственную модель контроля поведения как ранней формы субъектной регуляции деятельности. При этом она исходила из понимания ресурсов как принадлежащих человеку свойств, состояний, способностей и т. п., а в качестве системообразующего фактора всей системы регуляции рассматривала субъект, так как именно он интегрирует все индивидуальные ресурсы человека [9].

Е.А. Сергиенко выделила три группы индивидуальных ресурсов, принимающих участие в контроле поведения:

- особенности интеллектуальных, когнитивных способностей, обеспечивающих анализ и упорядочивание внешней и внутренней среды, создание ментальных моделей ситуации и событий, ментальное оперирование внутренними моделями и представлениями, подготовку решения, способность гибкого когнитивного контроля;
- особенности эмоциональности, проявляющиеся в различной интенсивности эмоций, эмоциональной лабильности, эмоциональной импульсивности, различной способности «читать» эмоции других людей и понимать свои, доминирующей окрашенности настроения;
- особенности префронтальной кортикальной системы, обеспечивающей тормозный контроль, гибкость когнитивных и эмоциональных процессов, программирование действий, интеграцию информации.

В соответствии с этим в структуре контроля поведения были выделены три подсистемы: когнитивный, эмоциональный и *произвольный / волевой контроль* [9].

На наш взгляд, данная модель, достаточно верно описывая ресурсные механизмы субъектной регуляции, в то же время, как и модели, построенные в рамках информационно-кибернетического подхода, не учитывает роль ценностно-смысловой сферы в процессе произвольной саморегуляции человеческой активности.

Однако именно ценностно-смысловой уровень является высшим уровнем детерминации и регуляции любой человеческой активности. Мы согласны с К.В. Карпинским, который рассматривает смысловую регуляцию как «функциональное ядро» всей системы осознанной саморегуляции, которое определяет, модулирует, стабилизирует и интегрирует все ее функциональные звенья и компоненты [3]. С его точки зрения смысловая регуляция, непосредственно реализуя «волю» личности, выступает как специфическое «орудие» субъекта при построении, координации, наладке контура психической регуляции, соединяя разрозненные психические функции в единую систему осознанной саморегуляции [3].

Необходимость включения ценностно-смыслового компонента в структуру субъектной регуляции подтверждают как многочисленные теоретические разработки (К.А. Абульханова, Л.П. Гримак, Ю.А. Миславский, С.Л. Рубинштейн и др.), так и результаты эмпирических исследований (О.Л. Осадчук, Т.В. Прокофьева и др.).

Опираясь на результаты анализа теоретических и эмпирических исследований, мы дали определение понятия «субъектная регуляция» и разработали теоретическую модель субъектной регуляции процесса личностно-профессионального развития будущих юристов.

С нашей точки зрения, субъектная регуляция — это универсальный психолого-акмеологический механизм, который:

- направляет и поддерживает все виды и формы внешней и внутренней целенаправленной активности человека на основе свободного ценностно-смыслового выбора;
- обеспечивает сознательную инициацию и мобилизацию индивидуальных, личностных и субъектных ресурсов человека для осуществления какой-либо деятельности;
- устраняет или минимизирует внутренние трудности в процессе решения деятельностных и личностных задач;
- осуществляет управление ресурсами человека и его активностью в соответствии с требованиями деятельности и критериями личности.

На психологическом уровне субъектная регуляция представляет собой суперструктуру, в которую в качестве субструктур интегрированы врожденные и приобретенные стратегии деятельностного реагирования и психологическая готовность к выходу за пределы внешних требований и проявлению творческой активности как в сфере изменения внешнего мира, так и в управлении своими внутренними свойствами и состояниями, в саморазвитии и самореализации.

Разработанная нами теоретическая модель субъектной регуляции процесса личностно-профессионального развития будущих юристов включает два компонента.

Смысловой компонент обеспечивает:

- функциональную целостность, стабильность и слаженность системы субъектной регуляции;
- формирование смысловой критериальной базы для принятия решений в области регулирования деятельности;
- активизацию системы субъектной регуляции за счет превращения в наличных или прогнозируемых условиях развития деятельности динамических смысловых систем личности в актуально осознаваемые цели и дробление целей на задачи;
- осмысление ситуационных условий деятельности, оперативное уточнение модели значимых условий, осознанный контроль за текущими условиями ситуации, предвосхищение и упреждение значимых условий деятельности во временной перспективе;
- формирование программы исполнительских действий как оптимального способа достижения цели на основе субъективной модели значимых условий;
- оценку эффективности процесса субъектной регуляции на основе личностного смысла результатов деятельности;
- принятие решений о перепроверке, реструктурировании и коррекции всего контура субъектной регуляции и его отдельных звеньев на основе осмысления качества реализации их регуляторных функций.

Инструментальный компонент включает собственно регуляторные качества и умения, обеспечивающие реализацию регуляторных процессов (планирования, моделирования, программирования, оценки результатов).

Процесс планирования обеспечивается комплексом умений в области целеполагания и целеосуществления (прорабатывать образ цели, процесс ее достижения и последствия ее реализации; изменять цели деятельности в соответствии с изменяющимися обстоятельствами; планировать свое будущее, определять главное направление деятельности, видеть перспективу развития; соотносить уровень сложности поставленной цели и вероятность ее достижения; самостоятельно ставить и выбирать цели и др. [8]).

Процесс моделирования обеспечивается развитым образным и логическим мышлением и воображением, а также собственно умениями в области моделирования (предварительно анализировать реальность, выделяя и исследуя ее существенные характеристики; производить замещение, переводя реальность в ее базовых характеристиках на знаково-символический язык; достраивать, видоизменять, преобразовывать модель, устанавливать отношения между ее компонентами, определяя оптимальные способы достижения цели; соотносить результаты, полученные на модели, с реальностью и др.).

Процесс программирования обеспечивается умениями в области использования орудий, согласования пространственно-временных характеристик действий и осуществляемых преобразований, применения усилий в постоянно изменяющихся условиях, а также умениями применять оптимальные способы решения задач.

Процесс оценивания результатов реализуемой деятельности обеспечивается умениями устанавливать субъективные критерии успешности, определять релевантные ситуации и результату способы измерения и оценки и эффективно пользоваться ими.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
2. *Деркач А.А., Селезнева Е.В.* Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития. М.; Воронеж, 2006.
3. *Карпинский К.В.* Человек как субъект жизни. Гродно, 2002.
4. *Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.
5. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
6. *Машин В.А.* Уровни личностной регуляции поведения // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 144–149.
7. *Осницкий А.К.* Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 1 [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29 октября 2009).
8. *Селезнева Е.В., Воробьева И.Н.* Психолого-акмеологическая сущность способности к целеполаганию. М., 2008.
9. *Сергиенко Е.А.* Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.11.2009 г.).
10. *Шульга Т.И.* Проблемы волевой регуляции в онтогенезе // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 105–110.

© Абдурагимов А.М., 2010

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Ключевые слова: самоактуализация, жизнедеятельность, жизненные цели
Keywords: self-actualization, livelihoods, life goals

На нынешнем этапе развития акмеологии ее объектом является прогрессивно развивающаяся зрелая личность, самореализующаяся главным образом в профессиональных достижениях [1]. В то же время в профессиональной сфере, как и в других сферах жизнедеятельности, человек может реализовывать различные жизненные цели, которые множественны, принципиально достижимы, имеют абсолютный характер, сосуществуют друг с другом и могут поочередно выступать на передний план [3].

Мы предположили, что высокий уровень самоактуализации обеспечивает инженерно-техническим работникам высокую значимость сферы профессиональной жизни и гармонию жизненных целей.

Чтобы подтвердить данное предположение, мы провели корреляционный анализ, позволивший выявить взаимосвязи между компонентами самоактуализации, значимостью жизненных сфер и направленностью на жизненные цели в группах инженерно-технических работников с высоким и низким уровнем самоактуализации.

Взаимосвязи между компонентами самоактуализации, значимостью жизненных сфер и направленностью на жизненные цели. В группе с низким уровнем самоактуализации наибольшее число связей выявлено у такого компонента самоактуализации, как самопонимание. Данный компонент имеет значимые отрицательные взаимосвязи с такими жизненными сферами как профессиональная жизнь ($r=-0,397$ при $p=0,024$), обучение и образование ($r=-0,376$ при $p=0,034$), семейная жизнь ($r=-0,361$ при $p=0,043$), общественная жизнь ($r=-0,546$ при $p=0,001$), увлечения ($r=-0,349$ при $p=0,049$), а также с такими жизненными целями как престиж ($r=-0,367$ при $p=0,039$), креативность ($r=-0,533$ при $p=0,002$), социальные контакты ($r=-0,528$ при $p=0,002$), саморазвитие ($r=-0,539$ при $p=0,001$), достижения ($r=-0,391$ при $p=0,027$), духовное удовлетворение ($r=-0,514$ при $p=0,003$). Таким образом, у членов группы с низким уровнем самоактуализации с повышением способности осознавать свои чувства и потребности снижается значимость всех жизненных сфер и исчезает направленность на акмеориентированные жизненные цели.

Интересно, что у такого компонента самоактуализации как аутосимпатия в данной группе также выявлены только отрицательные взаимосвязи: с профессиональной жизнью ($r=-0,466$ при $p=0,007$), общественной жизнью ($r=-0,385$ при $p=0,029$), престижем ($r=-0,707$ при $p=0,000$), креативностью ($r=-0,350$ при $p=0,049$) и духовным удовлетворением ($r=-0,449$ при $p=0,009$). Парадоксально, но в этой группе адекватность самооценки приводит к снижению значимости профессиональной и социальной самореализации, отказу от творчества и стремления к общественному признанию, исчезновению интереса к жизни.

В целом самопонимание и аутосимпатия в группе с низким уровнем самоактуализации оказываются негативными факторами, тормозящими процессы саморазвития и самореализации человека.

Ценности как компонент самоактуализации в группе с ее низким уровнем оказались взаимосвязаны с такими жизненными целями как креативность ($r=0,483$ при $p=0,005$), саморазвитие ($r=0,413$ при $p=0,019$), достижения ($r=0,364$ при $p=0,040$), духовное удовлетворение ($r=0,424$ при $p=0,015$), а также сферой увлечений ($r=0,359$ при $p=0,043$). Можно предположить, что формирование таких ценностей самоактуализирующейся личности, как истина, добро, красота, целостность, отсутствие раздвоенности, жизненность, уникальность, совершенство, свершения, справедливость, порядок, простота, легкость без усилия, игра, самодостаточность,

будет способствовать активизации стремления к реализации своих творческих возможностей, самосовершенствованию, достижению конкретных и осязаемых результатов в деятельности, получению морального удовлетворения во всех сферах своей жизни.

Такой компонент самоактуализации как взгляд на природу человека оказался взаимосвязан со сферой общественной жизни ($r=0,362$ при $p=0,042$), а также саморазвитием ($r=0,416$ при $p=0,018$) и достижениями ($r=0,362$ при $p=0,042$). Таким образом, с повышением оценки возможностей человека повышается социальная активность и активизируются процессы самосовершенствования и целеполагания.

Стремление к творчеству как компонент самоактуализации в группе с ее низким уровнем оказалось взаимосвязано со сферой увлечений ($r=0,557$ при $p=0,001$) и саморазвитием ($r=0,356$ при $p=0,045$). Можно предположить, что члены этой группы видят для себя возможность творчески реализоваться только вне профессии, а также понимают необходимость творчества в области самосовершенствования.

В группе с высоким уровнем самоактуализации было выявлено значительно меньше взаимосвязей между компонентами самоактуализации, жизненными сферами и жизненными целями. Видимо, это можно объяснить тем, что значимость той или иной жизненной сферы и направленность на те или иные жизненные цели у людей с высоким уровнем самоактуализации определяется сформированностью не только этого личностного образования, но и других, таких как способность к целеполаганию.

По две значимые взаимосвязи имеют такие компоненты самоактуализации как ценности, спонтанность и аутосимпатия.

Ценности как компонент самоактуализации взаимосвязаны положительно со сферой профессиональной жизни ($r=0,490$ при $p=0,000$) и отрицательно – со сферой увлечений ($r=-0,380$ при $p=0,030$). Таким образом, высшие личностные ценности выступают у членов данной группы как критерии профессиональной деятельности и вытесняют потребность в увлечениях как средство заполнения времени.

Спонтанность имеет взаимосвязи с направленностью на престиж ($r=0,420$ при $p=0,020$) и материальное положение ($r=0,430$ при $p=0,020$). Таким образом, стремление к признанию окружающих и материальному благосостоянию оказывается обусловлено у людей с высоким уровнем самоактуализации их способностью активно действовать под влиянием внутренних побуждений, адекватно реагируя на новую ситуацию и креативно реагируя на ситуацию привычную, то есть способностью воспринимать себя как субъекта.

Аутосимпатия взаимосвязана со сферой семейной жизни ($r=0,370$ при $p=0,040$) и направленностью на сохранение индивидуальности ($r=0,400$ при $p=0,020$). Можно предположить, что именно адекватная позитивная самооценка обеспечивает стремление человека к независимости от других людей и, в то же время, способность ценить, сохранять и развивать семейные отношения.

Кроме того, три компонента самоактуализации имеют по одной значимой взаимосвязи. Ориентация во времени взаимосвязана с направленностью на достижения ($r=0,430$ при $p=0,020$), стремление к творчеству – со сферой увлечений ($r=-0,440$ при $p=0,010$), а контактность с направленностью на престиж ($r=0,370$ при $p=0,040$). Это говорит о том, что способность управлять временем своей жизни обеспечивает достижение конкретных и осязаемых результатов в деятельности, способность творить реализуется в сфере увлечений, а способность к установлению прочных и доброжелательных отношений с окружающими приводит к признанию, уважению, одобрению окружающих.

Кластерный анализ данных полученных по тесту САТ, совмещенному с остальными методиками, позволил выявить *структуру жизнедеятельности и иерархию жизненных целей в зависимости от уровня самоактуализации.*

Как показали А.А. Деркач и Е.В. Селезнева [2], жизнедеятельность в акмеологическом понимании – это совокупность всех видов биологической, психологической и социальной активности определенного субъекта. На социальном уровне жизнедеятельность проявляется как совокупность всех видов деятельности, поведения и отношений субъекта. Как субъект социальной жизнедеятельности, личность всегда включена в систему отношений, которая

по своей широте, интенсивности и уровню значительно отличается от системы отношений в рамках любой деятельности. Поэтому социальная жизнедеятельность является для любого человека источником богатейшего личного опыта и выступает по отношению к любой сфере деятельности как ее контекст. Основными сферами социальной жизнедеятельности человека являются семейная жизнь, профессиональная деятельность, общественная жизнь, образование и самообразование, увлечения [2].

Выявив с помощью кластерного анализа взаимосвязи между этими жизненными сферами, мы сможем определить структуру жизнедеятельности.

В группе инженерно-технических работников с низким уровнем самоактуализации кластерный анализ показал, что в структуре их жизнедеятельности отчетливо выделяются две практически равнозначные группы. В первую входят профессиональная и общественная жизнь как единая подгруппа, а также присоединяющиеся к ним обучение и образование и семейная жизнь. Вторую группу образует сфера увлечений. Можно сделать вывод о том, что данная сфера является для инженерно-технических работников с низким уровнем самоактуализации столь же значимой, как все остальные жизненные сферы вместе взятые.

Это опровергает мнение о том, что главным содержанием жизни взрослого человека всегда является его профессиональная деятельность. С нашей точки зрения, сфера увлечений в структуре жизнедеятельности инженерно-технических работников с низким уровнем самоактуализации выполняет компенсаторную роль.

В группе инженерно-технических работников с высоким уровнем самоактуализации структура их жизнедеятельности имеет иной вид. В ней также выделяются две группы, однако они имеют совершенно иное содержание. Первую группу образует сфера профессиональной жизни. Во вторую группу входят две подгруппы: семейная жизнь и увлечения, а также обучение и образование и общественная жизнь.

Таким образом, мы видим, что для инженерно-технических работников с высоким уровнем самоактуализации профессиональная жизнь имеет значение, сравнимое со всеми остальными жизненными сферами вместе взятыми. В то же время вне профессии их жизнедеятельность реализуется по двум взаимодополняющим направлениям. Одно из них, включающее наиболее тесно взаимосвязанные сферы семейной жизни и увлечений, можно назвать направлением частной жизни. Второе, включающее обучение и образование и общественную жизнь, можно назвать направлением саморазвития.

Кластерный анализ позволил также выявить особенности в иерархии жизненных целей инженерно-технических работников с разным уровнем самоактуализации.

В иерархии жизненных целей инженерно-технических работников с низким уровнем самоактуализации можно выделить два элемента, один из которых составляет высокое материальное положение, а во второй входят все остальные жизненные цели. При этом второй элемент иерархии, с нашей точки зрения, недостаточно структурирован.

Наиболее тесные связи выявлены между саморазвитием (развитием себя) и активными социальными контактами. Присоединение к ним направленности на престиж говорит о том, что и самосовершенствование, и стремление к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми опосредованы потребностью в признании и одобрении значимых других. В какой-то мере это позволяет говорить о недостаточном уровне автономности субъекта целеполагания. В то же время, ориентация на социальное одобрение сочетается со стремлением к сохранению собственной индивидуальности и через нее — с духовным удовлетворением, которое, в свою очередь, связано с достижением определенных результатов в деятельности, а те — с креативностью.

Высокое материальное положение как жизненная цель уравнивает все остальные цели. Таким образом, можно говорить, что инженерно-технические работники с низким уровнем самоактуализации считают достижение материального благосостояния столь же важным, как все остальные жизненные цели, вместе взятые. То есть высокое материальное положение выступает для них, с одной стороны, главным результатом их деятельности во всех жизненных сферах, а с другой стороны, — обеспечивает реализацию остальных жизненных целей.

В иерархии инженерно-технических работников с высоким уровнем самоактуализации также выделяются два элемента. Первый образует направленность на престиж, а второй все остальные жизненные цели. Однако данный элемент значительно лучше структурирован, чем в группе с низким уровнем самоактуализации.

Также как у инженерно-технических работников с низким уровнем самоактуализации наиболее тесные связи выявлены между направленностью на саморазвитие и активными социальными контактами. Однако эти цели опосредуются не стремлением к социальному одобрению, а духовным удовлетворением, что говорит о внутренней мотивации процессов самосовершенствования и социального взаимодействия. Интересно при этом, что к данной подгруппе присоединяется креативность, которую мы можем рассматривать в данном случае и как жизненную цель, и как механизм реализации других целей.

Еще одну подгруппу образуют направленность на высокое материальное положение и достижения. Их тесная взаимосвязь говорит о том, что инженерно-технические работники с высоким уровнем самоактуализации рассматривают свое материальное благосостояние как результат и показатель своей собственной целенаправленной деятельности.

Данная подгруппа уравнивается направленностью на сохранение собственной индивидуальности, а остальные жизненные цели выступают как их основание.

Направленность на престиж, как отдельный элемент иерархии, уравнивает все остальные жизненные цели, и фиксирует представление о том, что уважение окружающих человек заслуживает своими собственными усилиями.

В целом сравнение структуры жизнедеятельности и иерархии жизненных целей инженерно-технических работников с низким и высоким уровнем самоактуализации подтверждает наше предположение о том, что высокий уровень самоактуализации обеспечивает инженерно-техническим работникам высокую значимость сферы профессиональной жизни и гармонизацию жизненных целей.

Литература

1. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М.; Воронеж, 2004.
2. Деркач А.А., Селезнева Е.В. Акмеология в вопросах и ответах: Учебное пособие. М.; Воронеж, 2007.
3. Селезнева Е.В. Пространство целей человеческой жизни // Мир психологии. 2009. № 1. С. 50–55.

© Баталова Л.Ю., 2010

М.В. Ченгаев

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТНОСТИ КАК ЛИЧНОСТНОГО КАЧЕСТВА БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Ключевые слова: субъектность, личностное качество, функции, компоненты, критерии, уровни.

Keywords: subjectivity, personal qualities, functions, components, criteria, levels.

Понятие «субъект» (от латинского *subjectum* — подлежащее) является особой категорией, описывающей человека как источник познания и преобразования действительности.

Е.Н. Волкова (1998) отмечает, что субъектная природа человека проявляется в его способности изменять окружающий мир и себя вместе с ним, измерять и оценивать последствия этих изменений, излагать происшедшее себе и другим людям. При этом условием осуществ-

вления специфического способа человеческого бытия является развитие у человека особого личностного свойства – субъектности.

К.С. Лисецкий рассматривает субъектность как способ развития личности и одновременно как свойство, присущее развитой личности и отмечает, что субъектность – это средство восстановления целостности личности человека и условие его автономии [3]. При этом, как подчеркивает автор, субъектность как ответственность за непредустановленное оказывается единством двух противоположностей: свободы и контроля [3].

В настоящее время в психолого-акмеологических исследованиях субъектность рассматривается как центральное образование человеческой реальности, возникающее на определенном уровне развития человека и представляющее его новое системное качество. Именно субъектностью определяется такая сущностная характеристика человека как способность изменять окружающую действительность и себя в отношении к ней, активно адаптироваться к среде и к самому себе, способность производить взаимообусловленные изменения в мире и в самом себе.

Одним из ключевых проявлений субъектности как свободного, спонтанного и ответственного проявления собственной субъективности является способность к совершению экзистенциального выбора, который характеризуется свободой и непредрешенностью собственных результатов [3].

При этом показателями субъектности, несмотря на возможные сбои в развитии данных механизмов, остаются способность к самосознанию и саморазвитию.

А.А. Деркач и Э.В. Сайко подчеркивают, что необходимо разделять субъектность как определенный уровень развития человека как субъекта определенных сфер деятельности и субъектность человека как субъекта в качестве носителя социального [1]. Во втором случае субъектность объективно выступает как сущностное свойство человека. Заложённая в человеке субъектность полагает развитие ее в онтогенезе как связанной с особым – человеческим – психическим, с реализацией свойственных определенности человека особенностей [1]. «Человек изначально выступает в мире как субъект, обладающий определенными свойствами, возможностями и среди них способностью к особой активности, способностью творить, преобразовывать, целесообразно действовать и т. д., постоянно развивая свои субъектные свойства, свою субъектность в процессе онтогенеза и филогенеза, в культурно-историческом развитии, расширяя свои возможности в качестве субъекта. И поэтому, рассматривая развитие человека в онтогенезе, мы полагаем его развитие именно как субъекта» [1, с. 208].

Н.В. Ключева считает, что развитие человека осуществляется на двух уровнях становления его субъектности. Первым уровнем является адаптация, или приспособление человека к условиям окружающей среды, которая осуществляется за счет интеграции всего арсенала психических свойств человека. Второй уровень – преобразование собственной психики и окружающего мира, протекающее в направлении от детерминации к свободе, от неосознанности к осознанности, от диффузности к целостности, от значения (культура) к смыслу (субъективная реальность) [2].

Таким образом, понимание субъектности как сложного, многомерного и многоуровневого образования возможно при рассмотрении проявлений активности и рефлексивности, являющихся сущностными характеристиками субъекта, на двух уровнях существования человека – «парциального» субъекта отдельных видов активности и субъекта жизни в целом.

В то же время именно активность в конкретных видах деятельности является условием развития субъектности как сущностного свойства человека. «Субъектность человека проявляется в его деятельности, посредством которой человек воспроизводит себя, свое собственное бытие в мире» [4, с. 8]. Это связано с тем, что деятельность является особым типом активности, свойственной именно человеку и обусловленной им как создающим ее субъектом [1].

Сущностная значимость связи субъектности с деятельностью четко раскрывается в позиции С.Л. Рубинштейна относительно того, что «деятельность, определяющая объект, над которым она производится, определяет тем самым и субъект, который ее производит, работая над, ним, он определяет не только его, но и себя» [5, с. 94].

Таким образом, субъект «в силу владения особыми свойствами в качестве носителя и со-зидателя особой активности – деятельности – развивается благодаря развитию им последней, накапливая в ней потенциал субъектности» [1, с. 212].

Таким образом, субъектность как сущностное свойство человека изначально обеспечивает его способность к преобразовательной деятельности, а также потребность и необходимость в такой деятельности, что предполагает формирование отношения к действительности и к себе в ней [1, с. 214].

Опираясь на результаты анализа исследований по проблемам развития субъектности, мы определили *субъектность* как интегративное личностное качество, которое отражает активность человека в постановке и достижении жизненных целей, осознанность его мотивов и потенциалов, внутреннюю свободу и творческое начало и обеспечивает процессы самоопределения в выборе жизненной траектории, самопреобразования в личностно-профессиональном росте и самореализации в деятельности, а также становления целостности человека.

Проявления субъектности во многом определяются ведущей социальной сферой и видами деятельности, в которых субъектность как личностное качество реализуется.

В нашем случае ведущей социальной сферой реализации субъектности будущих юристов является образование, а видами деятельности – учебно-познавательная, общение и самопознание.

В целом анализ исследований по проблемам субъектности позволил нам сформулировать и описать функции, которые выполняет субъектность будущих юристов.

Побудительная функция обуславливает адекватность и избирательность активности будущих юристов в учебно-познавательной деятельности, общении и самопознании, обеспечивая инициирование личностно-профессионального саморазвития и самореализации в образовательной и профессиональной сфере; самоопределение в ситуации личностной, образовательной и профессиональной неопределенности; актуализацию акмеологических ресурсов для эффективного преодоления внешних и внутренних препятствий; целенаправленное решение возникающих задач в области самоактуализации, самосовершенствования и самореализации.

Регуляторная функция обеспечивает осознанный выбор при решении личностных, образовательных и профессиональных задач; самоорганизацию в условиях неопределенности; гибкость в проектировании и реализации траектории жизненного пути.

Реализация данных функций обеспечивается сформированностью субъектности будущих юристов как системно-структурного образования.

Ценностно-смысловой компонент обеспечивает внутреннюю детерминацию учебно-познавательной деятельности, общения и самопознания будущих юристов на основе формирования и рефлексивного проявления системы личностных ценностей и смыслов как совокупности побуждений и внутренних условий, которые направляют и регулируют процесс решения задач в области самоактуализации, самосовершенствования и самореализации.

Рефлексивно-позиционный компонент, отражая систему доминирующих отношений будущих юристов, определяет рефлексивно-личностный способ их учебно-познавательной деятельности, общения и самопознания и обеспечивает максимально эффективную реализацию жизненных целей, полное раскрытие индивидуальности, согласование целей, мотивов, способов действий с социальными и профессиональными требованиями и одновременно выход за пределы предписаний.

Креативный компонент обеспечивает реализацию задач в области самоактуализации, самосовершенствования и самореализации в учебно-познавательной деятельности, общении и самопознании за счет творческой инициативы и самостоятельности, которые позволяют ломать стереотипы, искать и реализовывать способы деятельности и саморазвития, обеспечивающие максимальную эффективность в достижении собственных целей.

Чтобы оценить уровень развития субъектности будущих юристов, мы разработали систему акмеологических критериев и показателей.

Внутренним акмеологическим критерием развития субъектности будущих юристов является сформированность ее компонентов. Данный критерий является субъективным в том

смысле, что в его качестве выступает характер модельного представления о субъектности как личностном качестве будущих юристов.

Внутренний акмеологический критерий проявляется через внешний акмеологический критерий — способность оптимальным образом разрешать противоречия, возникающие в процессе учебно-познавательной деятельности, общения и самопознания, обеспечивая возможность эффективного саморазвития и самореализации в образовательной среде.

Внешний акмеологический критерий раскрывается через систему показателей, одновременно отражающих сформированность компонентов субъектности будущих юристов.

Показателями сформированности ценностно-смыслового компонента являются: система смысложизненных ориентаций; профессиональная направленность; учебно-познавательные мотивы и интересы.

Показателями сформированности рефлексивно-позиционного компонента являются: способность на основе анализа прошлого предвидеть и планировать будущее; позитивное самоотношение; ответственность за принятые решения в области самоактуализации, самосовершенствования и самореализации.

Уровень сформированности креативного компонента отражают: активность в разрешении личностных, образовательных и профессиональных проблем; способность выходить за пределы заданной ситуации; способность творчески действовать в нестандартных ситуациях.

Теоретическое описание и эмпирическое исследование уровней сформированности субъектности будущих юристов было подтверждено коэффициентом значимости ее компонентов для студентов с разным уровнем ее развития (по Н.В. Кузьминой).

Для будущего юриста с *низким уровнем сформированности субъектности* ($K3=+0,476$) характерны общая низкая осмысленность жизни, отсутствие ясных жизненных целей, низкий интерес к жизни и преимущественно отрицательное эмоциональное ее восприятие, низкая оценка продуктивности жизни, неверие в свои силы и убежденность в том, что человек не способен контролировать свою жизнь. Основными факторами привлекательности юриспруденции как профессии являются хороший заработок и престиж профессии. Ведущей в мотивации учебно-познавательной деятельности является внешняя отрицательная мотивация. Внутренняя мотивация в мотивационном комплексе личности занимает последнее место с минимальными значениями, что говорит о неудовлетворенности студентов процессом обучения и, возможно, ошибочном выборе профессии.

Студенты с низким уровнем субъектности отличаются внешним локусом контроля, неспособны анализировать свой жизненный опыт и применять его для построения дальнейшей траектории жизненного пути. В структуре самоотношения у них ведущими являются самопривязанность и нежелание осознавать свои личностные особенности при высоком уровне отраженного самоотношения, то есть сформированности представления о том, что их личность, характер и деятельность способны вызывать в других уважение, симпатию, одобрение и понимание.

Они пассивны в разрешении личностных, образовательных и профессиональных проблем, неспособны выходить за пределы заданной ситуации и творчески действовать в нестандартных ситуациях.

Будущие юристы со *средним уровнем сформированности субъектности* ($K3=+0,694$) отличаются в целом высоким уровнем осмысленности жизни. Для них характерны ясные жизненные цели, высокий интерес к жизни и преимущественно положительное эмоциональное ее восприятие, средняя оценка продуктивности жизни, уверенность в своих силах и убежденность в том, что человек способен контролировать свою жизнь. Основными факторами привлекательности юриспруденции как профессии являются значимость профессии в обществе и возможность заниматься любимым делом. Ведущей в мотивации учебно-познавательной деятельности является внешняя положительная мотивация, вслед за которой в мотивационном комплексе личности идет внутренняя мотивация, что говорит в целом о удовлетворенности студентов процессом обучения и, в то же время, о недостаточной способности к самоуправлению.

Для студентов со средним уровнем субъектности характерен внутренний локус контроля, они достаточно хорошо могут анализировать свой жизненный опыт и применять его для построения дальнейшей траектории жизненного пути. В структуре самоотношения у них ведущими являются самооценочность и самопринятие, что свидетельствует о заинтересованности в собственном Я, согласии с самим собой, одобрении своих планов и желаний, эмоциональном, безусловном принятии себя, пусть даже с некоторыми недостатками.

Студенты проявляют активность в разрешении личностных, образовательных и профессиональных проблем, стремятся творчески действовать в нестандартных ситуациях, хотя и не всегда способны выходить за рамки заданной ситуации.

У будущих юристов с *высоким уровнем сформированности субъектности* ($K3=+0,904$) отличаются высоким уровнем осмысленности жизни. Для них характерны ясные жизненные цели, высокий интерес к жизни и положительное эмоциональное ее восприятие, они высоко оценивают продуктивность своей жизни, уверены в своих силах и убеждены в том, что человек способен контролировать свою жизнь. Основными факторами привлекательности юриспруденции как профессии являются значимость профессии в обществе и возможность самосовершенствоваться. Ведущей в мотивации учебно-познавательной деятельности является внутренняя мотивация, вслед за которой в мотивационном комплексе личности идет внешняя положительная мотивация, что говорит об осознанном выборе профессии и стремлении к самореализации в ней.

Студенты с высоким уровнем субъектности отличаются внутренним локусом контроля, они хорошо могут анализировать свой жизненный опыт и применять его для построения дальнейшей траектории жизненного пути. В структуре самоотношения у них ведущими являются самооценочность и саморуководство. Это свидетельствует о заинтересованности в собственном Я и одновременно о том признании себя основным источником активности и результатов, касающихся как деятельности, так и собственной личности.

Студенты проявляют активность в разрешении личностных, образовательных и профессиональных проблем, способны выходить за рамки заданной ситуации, творчески действуют в нестандартных ситуациях.

Литература

1. *Деркач А.А., Сайко Э.В.* Субъектность субъекта в акмеологическом развитии и проблемы его субъектного самоосуществления // Мир психологии. 2008. № 3. С. 205–219.
2. *Клюева Н.В.* Психолог и семья: диагностика, консультации, тренинг. Ярославль, 2001.
3. *Лисецкий К.С.* Субъектность как психологическая основа профилактики наркозависимости личности // Вестник СамГУ. 2008. № 1 (60). С. 320–329.
4. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996.
5. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. 1989. № 6.

© Ченгаев М.В., 2010

НАШИ АВТОРЫ

Абдурегимов Ахмед Максимович – аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Бабакова Ирина Владимировна – аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Бабичев Игорь Витальевич – начальник Отдела Департамента собственной безопасности ФСКН России (101990, Москва, ул. Маросейка, д. 12)

Баталова Лариса Юрьевна – аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Геронимус Иван Александрович – аспирант кафедры психологии личности факультета психологии Государственного университета – Высшей школы экономики (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20)

Гришаева Наталья Викторовна – аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Квасова Ольга Григорьевна – Старший преподаватель кафедры экстремальной психологии и психологической помощи факультета психологии Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (125009, Моховая, 11, корп. 5)

Клевцов Артем Александрович – аспирант кафедры общей психологии и психологии развития социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета (650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6)

Коноваленко Андрей Валерьевич – преподаватель кафедры связей с общественностью и журналистики Российского государственного торгово-экономического университета (125993, Москва, ул. Смольная, д.36)

Кумохин Александр Геннадиевич – аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Майборода Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Северо-Кавказского государственного технического университета (355029, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2)

Малкина-Пых Ирина Германовна – психолог, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Отдела «Экология человека» Центра междисциплинарных исследований по проблемам окружающей среды Российской Академии наук (191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, д. 14)

Марасанов Герман Игоревич – кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Переверзина Ольга Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, эксперт Центра планирования и прогнозирования карьеры Российской академии государственной службы при Президенте РФ (119606, Москва, пр. Вернадского, д. 84),

Полякова Анна Викторовна – кандидат психологических наук, эксперт Центра планирования и прогнозирования карьеры Российской академии государственной службы при Президенте РФ (119606, Москва, пр. Вернадского, д. 84),

Рассудов Павел Юрьевич – аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Селезнева Елена Владимировна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Синягин Юрий Викторович – доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, директор Центра планирования и прогнозирования карьеры Российской академии государственной службы при Президенте РФ (119606, Москва, пр. Вернадского, д. 84),

Ченгаев Максим Викторович – аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Москва, пр-т Вернадского, д. 84)

Яковлева Юлия Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии государственной службы при Президенте РФ (119606, Москва, пр. Вернадского, д. 84).

OUR AUTHORS

Abduragimov Ahmed Maximovich – the post-graduate student of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Babakova Irina Vladimirovna – the post-graduate student of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Babichev Igor Vitalievich – the chief of section Department of own safety of Federal drug control service of the Russian Federation (101990, Moscow, Maroseika, 12)

Batalova Larisa Yurievna – the post-graduate student of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Geronimus Ivan Aleksandrovich – the post-graduate student of the Department of Psychology of personality psychology department of the State University – Higher School of Economics (101000, Moscow, Myasnitskaya, 20)

Grishaeva Natalia Viktorovna – the post-graduate student of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Kvasova Olga Grigorievna – senior lecturer in psychology and extreme psychological counseling psychology department of Moscow State University (125009, Moscow, Mohovaya, 11)

Klevtsov Artem Aleksandrovich – the post-graduate student of the department of general psychology and developmental psychology and social psychology department of the Kemerovo State University (650043, Kemerovo, Krasnaya, 6)

Konovalenko Andrey Valerievich – lecturer in public relations and journalism of the Russian State Trade-Economic University (125993, Moscow, Smolnaya, 36)

Kumokhin Aleksandr Gennadievich – the post-graduate student of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Mayboroda Tatiana Aleksandrovna – candidate of pedagogical sciences, associated professor, associated professor of department psychology and pedagogic of North Caucasus State Technical University (355029, Stavropol, Kulakova, 2)

Malkina-Pykh Irina Germanovna – Psychologist, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, a leading researcher of the Department «Human Ecology» Centre for Interdisciplinary Research on the Environment of the Russian Academy of Sciences (191187, St-Peterburg, nab. Kutuzova, 14)

Marasanov German Igirevich – Candidate of psychological sciences, , the Senior lecturer of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Pereverzina Olga Yurievna – Candidate of psychological sciences, Senior lecturer, Expert of the Center of planning and forecasting of career of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84),

Polyakova Anna Viktorovna – Candidate of psychological sciences, Expert of the Center of planning and forecasting of career of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84),

Rassudov Pavel Yurievich – the post-graduate student of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Selezneva Elena Vladimirovna – the doctor of psychological sciences, the professor, the professor of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Sinyagin Yuriy Viktorovich – Doctor of psychological sciences, Professor, Winner of the award of the President of the Russian Federation in a sphere of education, Director of the Center of planning and forecasting of career of the Russian Academy of Public Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84),

Chengaev Maxim Viktorovich – the post-graduate student of the Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity of the Russian Academy of State Service at the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84)

Yakovleva Yuliya Anatolievna – Candidate of sociological sciences, the Senior lecturer of Division of Public Service and Personnel Selection of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation (119606, Moscow, pr. Vernadskogo, 84).

ЖУРНАЛ «АКМЕОЛОГИЯ» № 1/2010 г.

Ответственный за выпуск О. В. Шаланкина

ISSN 2072-7577

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Подписано к печати 16.12.2009.
Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная. Печ. лист. 13,25. Тираж 1000 экз.
Заказ № 342.

Отпечатано в типографии ООО «Мультипринт»,
Москва, ул. Верейская, 29.

*Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки России
журнал «АКМЕОЛОГИЯ» включен в перечень
периодических изданий, рекомендуемых для
публикации научных работ, отражающих
содержание докторских диссертаций*